

Ирина Замотина

Евангелие от покойника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Замотина

Евангелие от покойника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40146277

SelfPub; 2019

Аннотация

Что, если смерть – это ещё не конец существования, ад и рай – просто красивые сказки, а расплата за совершённые ошибки может прийти в образе симпатичного вежливого мужчины? Именно в таком мире приходится жить то ли избранным, то ли проклятым героям книги и каждый день бороться за своё существование с такими же, как они. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	55
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	85
Глава 11	87
Глава 12	110
Глава 13	120
Глава 14	125
Глава 15	137
Глава 16	142
Глава 17	150
Глава 18	188
Глава 19	195
Глава 20	215
Глава 21	219
Глава 22	226
Часть 2	239

Глава 1	239
Глава 2	249
Глава 3	266
Глава 4	275
Глава 5	310
Глава 6	322
Глава 7	327
Глава 8	332
Глава 9	336
Глава 10	347
Глава 11	352
Глава 12	359
Глава 13	372
Глава 14	385
Глава 15	393
Глава 16 (Эпилог)	403

Часть 1

Глава 1

- Я тебя долго ждать буду?! Садись уже!
- Ну... Я был... не знал, что...
- Избавь меня от подробностей!
- Простите!

Лёша несколько раз дёрнул ручку чёрного джипа. Когда дверь наконец подалась, он неуклюже залез на переднее сидение и мучительно выдохнул. Ему ужасно не нравились последние события, все эти люди, которые несли бред и постоянно им командовали: «Иди туда, заткнись, не возникай, не до твоих вопросов», – а уж эта рыжая стерва, презрительно смотревшая на него с водительского сидения, вообще вводила в состояние ступора. Всего пять минут назад ему сказали спуститься вниз и найти чёрную тойоту, а тут она уже огрызается, будто Лёша ей денег должен.

Рыжая стерва бросила на него оценивающий взгляд, полный раздражения и усталости, и повернула ключ зажигания. Машина дёрнулась и помчалась по промозглому сонному городу.

Лёша мучительно хотел пить, но не решался даже заговорить с новой знакомой, не то что уж попросить остановиться, тем более что денег у него всё равно не было. Кажется, у

него вообще ничего не было.

– Ну что? Давно ласты склеил?

– Эээ... Вы о чём? – Лёше совершенно не нравился хамоватый тон этой девицы.

«Что она о себе возомнила? И кто она вообще?»

Он, конечно, уже почти привык к тому, что ничего не понимает, но это уже переходило всякие границы.

– Умер, сдох, отбросил коньки, закончил земной путь, попрощался с бранным телом? Любой вариант на твой вкус.

Казалось, новая знакомая с особым удовольствием проговаривает каждое из этих выражений.

– Эээ... Вы уверены, что я сел в ту машину? Или это вы так прикалываетесь?

– Так ты ещё ничего не знаешь? Блин, Матвей совсем оскотинил. Зелень мне подсовывать за пять таблеток.

В её голове явно крутилось множество красноречивых пожеланий Матвею, состоянию его здоровья, успехам и потенци. Автомобиль быстро пролетел перекрёсток на красный сигнал светофора и на полном ходу помчался по узкому переулку. Лёша нервно сглотнул и задумался о ремне безопасности.

– Эх, не я должна была тебе сообщить... Но, видимо, все пухлые ангелочки вкуче с апостолом Петром и Девой Марией взяли отпуск и удрали на Канары, так что сообщаю тебе я. Поздравляю: ты умер.

В салоне повисла пауза. Всё происходящее постепенно

превращалось в параноидальный бред. Хозяйка авто посмотрела на пассажира, оценивая произведённый эффект и то, не собирается ли он выпрыгнуть из машины, ухмыльнулась и продолжила:

– Прости, нет подходящей обстановки или музыкального сопровождения, но чем богаты. Могло быть и хуже. Большинство новичков сразу в пекло отправляют. Так что тебе повезло. Итак, ты умер. Не знаю, как, где и по какой причине, но как человеческой единицы тебя больше не существует. Понимаю: звучит паршиво. Но времени и желания убеждать и доказывать тебе правдивость этой информации у меня нет совершенно, поэтому представь, что ты смотришь любой голливудский блокбастер. Считай, что ты купил трансформера, сожрал красную таблетку и получил письмо из Хогвартса одновременно. Какую последнюю дату ты помнишь?

– Никакую... – с огромным удивлением констатировал Лёша. И действительно, он не мог вспомнить ни то, откуда он, ни как зовут его родных, ни то, чем он занимался.

– А год какой?

– Никакой, – с ещё большим ужасом признался он. Единственное, что пришло в голову, что зовут его Лёша и что у него была мама. Но как она выглядела и какой была – хоть убей.

– Хм, в отстойнике начали прочищать память? – Хозяйка авто нахмурила брови. – Странно. Но тем лучше – скучать меньше будешь.

Она хищно ухмыльнулась, а затем деловито затараторила:

– Ну так, сегодня восьмое января две тысячи тринадцатого года. То есть какое-то время ты зависал между небом и землёй. Думаю, тебя давно похоронили, оплакали и даже твоя девушка успела найти себе нового мужика.

Машина на полном ходу неслась по городу. В окне разноцветными огнями мелькали припаркованные авто и рекламные растяжки. Новая Лёшина знакомая постепенно успокаивалась, и теперь вся ситуация её даже забавляла.

Лёша смотрел на собеседницу в оцепенении. Не было удивления, отрицания, мысленных попыток оспорить её слова. Ему даже не казалось всё это чужью. Слова складывались в предложения, он осознавал их смысл, даже мог сделать определённые выводы, но было ощущение, что информация не доходила до разума, терялась где-то посередине.

Последние сутки с ним творилось странное. Началось всё с того, что Лёша очнулся на ржавой раскладушке в старой комнате с мерзостными зелёными обоями и единственной тусклой лампочкой, болтавшейся на перекрученном проводе. Лёша не знал, где находится, как здесь оказался, и только чувствовал дикую боль в лёгких и бронхах. Он закашлялся, пытаясь освободиться от цепкой хватки, сдавившей горло, но стало только хуже.

Каким непостижимым образом он мог попасть в эту странную комнату, которую никогда до этого не видел, Лёша и представить не мог. Но самое удивительное, что даже не

хотелось об этом думать. Разум заполнили всепоглощающие безразличие и апатия. Не хотелось ничего, если только вернуться в небытие, из которого его предательски выдернуло собственное сознание. Он не мог, вернее, даже не пытался пошевелить какой-нибудь из частей тела. Шестерёнки в голове совершенно не работали, а только издавали жалобный скрежет, переходивший в писк.

Сколько он так провалялся, Лёша не знал. Наконец, он решил собрать остатки воли в кулак и открыть один глаз. В комнате было тихо; окон, мебели и источников света, помимо злополучной лампочки, также не наблюдалось. Единственная дверь грязно-коричневого цвета скорее казалась провалом в потусторонний мир, нежели реальным объектом.

«Какого чёрта?!» – Лёша в недоумении уставился на незнакомые потёртые джинсы и тёмно-серую толстовку с капюшоном, в которые он был одет. В груди неприятно похолодело. Вдруг из тишины зловещего мира, скрытого таинственной дверью, послышались шаркающие шаги, прерывавшиеся стуком дерева по бетону. Шаги медленно, но верно приближались к комнате, где лежал Лёша.

«Наверное, это больница, просто я потерял сознание, меня привезли сюда, сейчас поговорю с медсестрой, и меня отпустят», – предположил он.

Шаги замерли. Раздался глухой кашель. Дверь медленно отворилась, и порог переступил старик, настолько древний, что казалось, он вот-вот рассыплется. У старика уже не бы-

ло сил переставлять ноги, поэтому он натужно волочил их по полу, согнувшись почти вдвое и опираясь на деревянную клюку, чей стук и раздавался в тишине комнаты. Незнакомец был одет в грязный халат и шаровары немыслимого красноватого оттенка. На голове вместо волос остался тонкий, почти прозрачный пушок. В левой руке старик что-то бережно сжимал, благодаря чему напоминал Горлума.

Лёша попытался спросить, где он находится и почему, но звук, слетевший с губ, больше напоминал шелест осенних листьев, нежели человеческую речь. Старик холодно посмотрел на него из-под кустистых бровей, протяжно вздохнул и медленно зашаркал к Лёше. Остановившись у раскладушки, он протянул крючкообразный палец к Лёшину лицу, надавил на подбородок, чтобы приоткрыть рот, и затолкал внутрь пару больших неровных таблеток, прошамкав:

– Пососи, не глотай.

Лёша почувствовал, что по спине поползли мелкие мурашки. «Какие-то странные нынче больницы пошли, или это всё-таки не больница? Может, меня похитили и теперь будут требовать выкуп?»

Воображение живо нарисовало ужасы отрезанных конечностей и боевиков в масках. Старик внимательно следил за тем, чтобы Лёша не выплюнул таблетки, затем, убедившись, что они растворились, бросил:

– Отойдешь – поднимайся наверх, там тебе всё расскажут.

Он медленно развернулся и начал пробираться в обрат-

ный путь к тёмному зияющему провалу коридора.

Когда дверь захлопнулась, Лёша несколько раз моргнул, как бы стараясь переключить эту приводящую в недоумение картинку, но интерьер комнаты упрямо не хотел исчезать и продолжал настаивать на реальности происходящего.

Таблетки оказались на вкус отвратительно пресными, как комок засохших водорослей, к тому же от них сильно щипало язык. Он попытался сглотнуть, но слюны во рту не осталось, а к неприятным ощущениям на языке ещё прибавилось жжение в горле.

Лёша попытался обдумать своё положение и найти хоть какое-то объяснение текущей ситуации, но разум захватила волна тепла и спокойствия, разливавшаяся по всему телу, как будто бы после долгой прогулки по замёрзшему и обледеневшему городу он вернулся в уютный дом, выпил горячий кофе и теперь сидел в тёплом вязаном свитере перед камином. С каждым вздохом проблемы отступали всё дальше, по ту сторону сознания, а в воображении пробуждались приятные, греющие душу образы. Ему захотелось вскочить, побежать куда-нибудь далеко-далеко, навстречу закату, чтобы ветер дул в лицо, а каждый прохожий приветливо улыбался. Этот неожиданный заряд энергии и бодрости не мог смириться с праздно лежащим хозяином и одним рывком поднял его с раскладушки.

От резкой смены положения голова немного закружилась, но Лёша встряхнулся, потянулся и, полный сил и готовности

к подвигам, направился к выходу. Открыв дверь, он всё же пару секунд помедлил, вглядываясь в обволакивающую черноту коридора, где не угадывалось никаких источников света, и, глубоко вдохнув, двинулся навстречу тьме.

Пробираться в коридоре пришлось наощупь, к тому же пол был крайне неровный и местами мокрый, поэтому идти приходилось очень медленно. Стены, сложенные из грубого камня, кое-где были покрыты склизким грибком. Наконец, когда Лёша в очередной раз вытянул ногу, чтобы нашарить в темноте рельеф пола, он понял, что наткнулся на лестницу, резко поднимавшуюся выше. Лёша начал медленно, ступенька за ступенькой, карабкаться вверх.

Постепенно темнота отступала – вверху был некий источник света. Сделав очередной поворот, Лёша увидел маленькую ссохшуюся деревянную дверь, которой заканчивалась лестница. Обрадовавшись, что всё-таки выберется из тьмы, он поспешил к спасительному выходу, при этом на секунду потерял равновесие и чуть не улетел назад, но в последний момент устоял на ногах.

Чуть запыхавшись, Лёша подошёл к двери, распахнул её и невольно зажмурился от яркого света. Немного помедлив, он открыл глаза и смог рассмотреть очередной длинный коридор, степенью запылённости и количеством мрачных портретов напоминавший старинный английский особняк. По обе стороны коридора располагалось множество дверей, причём все разного цвета и дизайна, некоторые откры-

ты, какие-то закрыты. Всё помещение производило впечатление давно заброшенного и никому не нужного.

Ближайшая к нему дверь была приоткрыта, и оттуда доносились мужские голоса. Лёша на цыпочках подкрался и заглянул внутрь. Пред ним предстал большой зал прямоугольной формы с тёмно-зелёными обоями и высокими окнами, наполовину заложёнными кирпичом и к тому же частично прикрытыми тяжёлыми пыльными шторами. В дальнем конце зала находился камин из грубого камня, в котором догорало последнее полено. Недалеко от камина стояли два массивных кресла с деревянными подлокотниками. В одном из них сидел худой мужчина неопределённого возраста и рода занятий, одетый в тёмные брюки и серый свитер с орнаментом в виде северных оленей. У него были каштановые волосы, доходившие до плеч, длинный крючковатый нос, увенчанный очками в тонкой оправе, и крайне цепкий, даже колкий взгляд. Создавалось впечатление, что от этого незнакомца невозможно что-то утаить или спрятать. Он сосредоточенно слушал собеседника – плотного человека средних лет в кожаной куртке с седеющими русыми волосами и трёхдневной щетиной.

– Я пытался что-то сделать. Мать его привлёк, она ему денег пообещала. Успокоила, что всё образуется. Даже из банка ему позвонили – кредит ему предложили, а он...

– Ты уверен, что больше никто с ним не работал?

– Да, я смотрел! Что я совсем идиот, что ли? Ну не мог

я проглядеть кого-то. А скрыться от меня могут всего человек десять, они бы не стали. Ну не стоит он того, обычный мелкий клерк. Там сразу понятно, когда родился, когда женился, когда помер.

– А Лика что говорит?

– Какая разница, что она там говорит?! Почему тебя вечно это волнует?! Достала меня эта стерва!

Сидевший в кресле усмехнулся, приподнял бровь и саркастичным тоном поинтересовался:

– До сих пор не можешь забыть?

– Ей повезло, ты же знаешь.

Крепыш в кожаной куртке смутился и начал задумчиво изучать носки ботинок.

– Ладно, ясно всё с тобой. В следующий раз работай аккуратнее. За этот заказ ничего не получишь. Через пару дней – следующее задание.

– Какого хрена?! Я на этого мужика неделю убил! Мог у Гавра что-нибудь взять!

Отказ возмутил небритого до глубины души. Видимо, он сильно надеялся на вознаграждение.

Сидевший в кресле не обратил на это никакого внимания и, не меняя интонацию и не переводя на собеседника взгляд, продолжил:

– Ты же знаешь, я плачу за работу. Он должен был выжить. Нет жизни – нет платы. Всё честно, как в аптеке. Меня не интересует, сколько ты потратил на него времени, меня

интересует результат.

– Ну ты и мразь, Матвей! Не зря от тебя все сваливают. – Небритый сжал кулаки в приступе немой злобы.

– Миш, это далеко не главное моё достоинство.

Тот, кого называли Матвеем, расплылся в холодной самодовольной улыбке Чеширского кота. Слово «мразь» он, похоже, относил к числу комплиментов.

По выражению его лица Миша понял, что ничего не сможет добиться и аудиенцию можно считать оконченной. Он недовольно буркнул:

– Когда прийти?

– Приходи в среду около двух. Я постараюсь найти тебе что-то попроще.

Матвей бросил на собеседника кошачий взгляд, наслаждаясь его бессилием, сложил длинные бледные пальцы домиком у подбородка, притворившись, что о чём-то задумался.

Миша хотел ещё что-то сказать, но вовремя сообразил, что это бесполезно, резко повернулся и быстрым шагом двинулся прочь из комнаты. На его щеках выступили красные пятна, а кулаки судорожно сжимались.

Лёша шмыгнул за дверь, в страхе задержал дыхание и подождал, пока шаги не замолкли в глубине коридора. Он не понял до конца, о чём шла речь, но то, что они говорили о смерти какого-то мужчины, ему совершенно не понравилось. «Нужно выбираться отсюда, да побыстрее...» – пронес-

лось в голове. Через состояние эйфории начало пробиваться бешено колотившееся сердце, наполнявшее вены адреналином. Он затравленно оглянулся по сторонам в поисках спасительного выхода, как вдруг размышления прервал тихий, но властный голос Матвея:

– Подойди сюда...

Лёша, цепенея, сглотнул комок, подступивший к горлу. Хотелось слиться со стенкой в единое целое, но стенка не отвечала взаимностью. В голове теплилась надежда, что в комнате был кто-то третий, кого он сразу не заметил, но ни шагов, ни ответа на это обращение не последовало.

– Да, ты! Подойди сюда! Третий раз я повторять не буду.

В голосе Матвея не было угрозы или агрессии, но сразу верилось, что повторять он не будет и лучше было с первого раза исполнить приказ.

Лёша почувствовал: промедление будет стоить дорого, и осторожно вышел из укрытия. Никакой реакции. Только тишина и неподвижность. Лёша понял, то стоит подойти ближе. Он пытался посмотреть в глаза Матвея, но взгляд как-то сам переходил на волосы, свитер и обивку кресла.

Казалось, что Матвей задумался и совершенно забыл о госте. Он сидел молча, уставившись в дальний угол комнаты. Так продолжалось секунд тридцать. Наконец Матвей встряхнул головой, как будто проснувшись, и иронично оглядел Лёшу.

– Да, яблочко от яблони далеко падает. Ни мышц нет, ни

характера, одни уши торчат. Что ж мне с тобой, таким, делать? Навызывал на свою голову.

Лёша смутился и невольно пригладил волосы в районе ушей. Конечно, он не считал себя красавчиком, но всё-таки такой оценки не заслужил. Ему было двадцать три года, он был высокого роста, хотя зрительно казался ниже из-за плохой осанки, проявлявшейся, когда парень смущался или забывался. Светлые густые волосы, доходившие до середины шеи и успешно, как ему казалось, прикрывавшие оттопыренные уши, серые добрые глаза и открытая улыбка демонстрировали, что у него не может быть никаких злых намерений. Что же касается характера, то Лёша считал себя пусть и не самым смелым человеком, но тем, кто найдёт в себе мужество и стойкость встретить опасность лицом к лицу и проявить лучшие качества.

Однако под взглядом этих тёмных колких глаз, обрамлённых узором мелких морщинок, каждая из которых только подчёркивала жалящую ироничность хозяина, он вдруг почувствовал себя подростком, держащим ответ перед строгим отцом за первую выкуренную сигарету. Лёша приготовился, что сейчас его лишат карманных денег и посадят под домашний арест, когда Матвей произнёс:

– Ладно, приставлю я тебя к человеку, а сейчас иди с глаз долой. В конце коридора направо – кухня, там тебя накормят, и да, приставай тут ко всем поменьше с глупыми вопросами, если хочешь подольше задержаться.

– Но...

Матвей вскинул левую бровь и убрал руки от лица:

– Ты уверен, что хочешь у меня что-то спросить?

В этот момент Лёша понял, что строгий отец знает не только о выкуренной сигарете, но и о выпитом пиве, и лучшим решением будет сбежать в свою комнату и не показываться ему на глаза, пока он обо всём не забудет. Лёша поспешил убраться из зала и, только отойдя от него шагов на десять, почувствовал себя спокойнее.

Походкой неуверенного подростка он шёл по коридору, то и дело чихая от поднимавшейся пыли. В некоторых комнатах сквозь открытые двери виднелась старая сломанная мебель, игрушки, лыжи, музыкальные инструменты и прочая рухлядь. Дом, если это был он, напоминал лавку старьёвщика.

Лёша дошёл до конца коридора, который наполнял запах пусть чего-то не очень вкусного, но явно съедобного, и осторожно приоткрыл дверь. Это была квадратная кухня площадью метров пятнадцать с закоптелыми стенами, по которыми струйками стекал конденсат от плиты. В центре стоял небольшой квадратный стол, обломанную ножку которого заменили на стопку кирпичей, у дальней стены стояла раскалённая грязная плита и ряд кухонных шкафчиков, собранных из разных, но весьма дорогих кухонных гарнитуров. Вдоль дверных косяков висели связки лука и красного перца, а на потолке – сушёный укроп и прочая зелень. В уг-

ду спиной к Лёше стояла маленькая пухленькая женщина с тёмными кудрявыми волосами. Она что-то резала на разделочной доске и мурлыкала себе под нос песенку.

– Кхм... простите...

Лешин голос дрогнул, и извинение получилось таким тихим, что он сам едва его расслышал.

– Простите, я не помешаю? – попытался он прибавить громкости, что получилось весьма неудачно, но женщина оглянулась.

Её лицо опухло и покраснело от кухонного жара. Его украшала приятная улыбка, в которой сверкала парочка золотых коронок.

– О, ты новенький? Проходи, проходи, голодный, наверное. Ещё бы, целую вечность уже не ел. – Она заговорщически подмигнула и принялась очищать стол от грязной посуды.

– Обед, конечно, не фонтан, но что Бог послал. У нас режим экономии, в таких условиях хлебосольным не будешь.

Повариха, судя по всему, любила поболтать, и Лёшу, перед которым поставила миску с варёной картошкой и, предположительно, мясной подливкой, она посчитала достойным собеседником. Как только нос почувствовал запах еды, желудок жалобно заурчал, сообщая о зверском голоде.

Она тем временем продолжила:

– Ты кушай, кушай. Меня, кстати, Кларой зовут. Я тут уже три года кашеварю, здесь ещё есть Сара, уборщица, и старший

Томас – что-то вроде местного призрака. Ты его видел, наверное.

Лёша, занятый обедом, угукнул в знак согласия. Обед оказался не слишком питательным, но зато горячим и свежим.

– А тебя как звать?

– Лёфа, – прочавкал он.

– Лёшенька, – распевно произнесла Клара. – Ну ладно, здорово, что ты к нам попал. У нас неплохо. В других Домах, говорят, гораздо хуже, хотя кто знает.

Она грустно посмотрела в маленькое запотевшее окно, на миг застыла и, отогнав мысли, смущённо улыбнулась.

– А что за таблетки, которые мне дали? Это наркотики какие-то?

Поглощённый едой, Лёша даже не понял, насколько нелепо прозвучал вопрос.

– Наркотики?! – Смущённый смех. – Ну в каком-то смысле, может, конечно, и наркотики, но мы скорее считаем их витаминками и энергетическими добавками. Ты скоро всё узнаешь. Не задумывайся пока об этом, ты всё равно всё сразу понять не сможешь. Вот помню я свой первый день, думала, что просто свихнулась. Все эти Дома, Матвей с причудами, остальные. Я решила, что с ума сошла от переживаний о сынишке.

Её глаза заметно увлажнились, она шмыгнула носом и продолжила:

– А потом ничего, привыкла. И ты привыкнешь. Ты лучше

сейчас поешь и иди поспи, хоть голова отдохнёт.

– Но мне надо... – дожёвывая последнюю картофелину, возмутился Лёша.

– Ничего тебе не надо! – не оставляя пространства для манёвра, перебила его Клара. – Отстань! Запомни главное. Здесь не любят слишком любопытных и надоедливых, они долго не живут. Молчи да мотай на ус. Придёт время – всё расскажут.

– Как-то я начинаю слышать эту фразу слишком часто, – проворчал обиженный Лёша.

– Не сердись, милый, не всё сразу. Пойдём, я тебя отведу. – Повариха с удивительной лёгкостью обогнула стол и направилась в коридор, попутно протянув руку к фруктовой вазе и сунув яблоко гостю.

Лёша больше не чувствовал себя нашкодившим тинэйджером, теперь он ощущал себя скорее пятилетним ребёнком, которому мама не хочет покупать мороженое. Всё же он последовал за Кларой, которая, пройдя метра три, остановилась у двери, достала из кармана передника связку ключей и, повозившись, открыла замок. В комнате стояла узкая кровать с балдахинном, шкаф и пара стульев.

– Поспи, пока Матвей не решит, что с тобой делать. Потом нормально поспать уже не удастся. Я тебя закрою снаружи, чтобы к тебе никто не вошёл. Ты пока защити себя толком не сможешь. Если что – позвони в колокольчик. – Она указала на бронзовый колокольчик, лежавший на столе.

– А вы придёте?

– Ну конечно, приду, милый. Ты на моего сына похож, глаза такие же... – вдруг призналась она.

Клара вышла из комнаты, раздался звук поворачивающегося ключа и её удаляющихся шагов. Лёша расстроено вздохнул, поняв, что он заперт в неизвестной комнате неизвестного дома, где даже окон не было. Он совершенно не догадывался, что с ним происходило. Никто ему ничего не хотел объяснять, а самое интересное, что это всё как-то его не заботило. Осознав, что сейчас всё равно ничего не может придумать, он лёг на кровать и, понадеявшись, что «утро вечера мудренее», заснул мёртвым сном.

Он проснулся от звука распахивающейся двери и топота ног по деревянному полу. В комнату вбежала Клара, бросилась к его кровати и начала его трясти.

– Лёша, просыпайся, просыпайся! Надо торопиться, она уедет, ждать не будет!

Веки слиплись. Мозг отказывался работать и воспринимать реальность.

– Лёша, Лёша! – Клара начала бить его по щекам.

Он нехотя открыл глаза, зевнул и проворчал:

– Да встаю я, встаю.

– Давай быстрее!

Он встал, хотел уже потянуться, но встревоженная Клара схватила его за предплечье пухлой маленькой ручкой, которая оказалась поразительно холодной, и поволокла вслед за

собой. Она вытянула его из комнаты, потащила вдоль по коридору, толкнула зелёную дверь с надписью «Джентльмены, удачи!» и понеслась вниз по лестнице. Они спустились на два пролёта, остановились перед ещё одной дверью. Повариха повернулась и затараторила:

– Дальше я не пойду. Выйдешь через эту дверь, попадёшь в холл, там вешалки, возьмёшь синюю куртку. Именно синюю, понял? И иди на улицу. Там будет стоянка, на ней найди чёрную тойоту, дальше будешь действовать по ситуации. И осторожнее: не зли Лику, это может быть крайне чревато.

– А что это за Лика?

– Торопись, торопись! – Она вытолкала Лёшу в холл, который обилием курток, головных уборов, зонтиков и прочей одежды больше напоминал гардероб Большого театра, нежели комнату в жилом доме. Лёша быстро нашёл синюю спортивную куртку, взял её с собой и направился к выходу.

Глава 2

Из комнаты, служившей тренажёрным залом, раздавались глухие удары по боксёрской груше. «Она оттуда уже третий час не выходит, больная», – пронеслось у Матвея в голове. Он ещё минуты две постоял, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из помещения. Затем тихо вошёл в комнату и неподвижно замер, прислонившись к стенке и скрестив руки на груди.

Помещение было достаточно просторным и светлым – несколько окон выходили на заснеженную улицу. Его с трудом можно было назвать тренажёрным залом, скорее, как и весь дом, складом, в данном случае спортивного инвентаря. На стене висела шведская стенка с металлическим уголком для упражнений на пресс, на полу валялись прохудившиеся маты, одинокие гантели, потерявшие пару, разноцветные скакалки, разномастные мячи и кегли. В дальнем углу собрались старые тренажёры и гимнастические снаряды.

В центре комнаты спиной к входу молодая девушка била боксёрскую грушу. Длинные, огненно-красные, уже мокрые от пота волосы были собраны в хвост. Подтянутая, но женственная фигура в потрёпанных тренировочных штанах и свободной майке. Уши заткнуты пуговками плеера.казалось, что она способна целую вечность без усталости наносить удары и уклоняться от атак воображаемого противника.

Матвей усмехнулся. Конечно, её стремления были похвальны, но, по его мнению, она всё-таки проводила в этой комнате слишком много времени. Он прищурился, губы дрогнули, и груша, качнувшись, сильно ударила девушку по правой стороне бедра, чуть не сбив с ног. Спортсменка, застигнутая врасплох, с животной грацией смогла восстановить равновесие и погасить полученное от спортивного снаряда ускорение в изящном прыжке.

– Достаточно было просто позвать... – спокойно констатировала она, поворачиваясь и вынимая наушник из правого уха.

У неё было миловидное лицо, которое, однако, сильно портили слишком серьёзные и сосредоточенные глаза. Недостаток хитрости и жизненного опыта она пыталась компенсировать напором и стремлением зажать противника в угол. Пухлые бледные губы слишком часто сжимались в тонкую струнку, на них были заметны укусы от белых некрупных зубов, а на лбу уже наметилась вертикальная складочка.

– Не хотел тебя отвлекать, – отозвался Матвей. – Да и надо как-то оживить твоё тихое уныние. Почему ты здесь столько торчишь?

– Как ни банально звучит, это помогает сконцентрироваться и избавиться от лишних эмоций.

– Лица, не уверен, что хоть один вид спорта сможет тебе в этом помочь.

Её губы сжались.

– Что ты хочешь?

– стакан хорошего виски, тайский массаж и поспать часов тридцать.

Она сняла боксёрские перчатки, перевязала хвост и взяла со стула полотенце.

– Не пытайся меня разжалобить. Ты мне ещё должен десять таблеток.

– Вечно ты о долгах, да о долгах. Нет бы посочувствовать старику.

Матвей изобразил наигранную обиду. Она осуждающе покачала головой.

– Лови три! – Он кинул ей небольшой свёрток. – Остальные – потом.

Ли́ка поймала свёрток, внимательно осмотрела и бережно убрала в карман штанов.

– Для тебя есть задание, даже два, – он продолжил деловым тоном. – Первое здесь. – В его руке материализовалась картонная папка. – Второе будет ждать тебя у машины. Парень должен походить с тобой и посмотреть на то, как ты работаешь. Остальные заняты. Заплачу десять таблеток, когда он сможет выполнить задание сам.

– Почему ты решил, что я соглашусь? – возмутилась Ли́ка.

– Почему ты решила, что я буду спрашивать?

Она собиралась что-то ответить, но Матвей кинул папку на стул, оторвался от стены и направился к выходу.

– И не прибегай ко мне в процессе, он мне нужен! – бросил он

вместо прощания.

Глава 3

– И почему же я тогда могу дышать, говорить, ходить и даже хочу есть и пить? – прервал царившее в машине молчание Лёша.

Хозяйка машины вздохнула, понимая, что он всё равно не отстанет, и пытаясь погасить нахлынувшее раздражение.

– Благодаря таблеткам, которые тебе дали. Это твоя новая жизнь. Если ты исчерпаешь запас энергии и вовремя не примешь таблетку, ты умрёшь окончательно. Ну, то есть не умрёшь... – Она запнулась. – А перестанешь существовать в физическом плане. Ну... то есть... останется только твоё сознание, которое проведёт ближайшую вечность наедине с собой в тотальном небытие.

Она вдавила педаль тормоза, и машина остановилась перед пешеходным переходом.

– Ага, значит, мы теперь, как вампиры, блуждаем вечно и пьём кровь? – с энтузиазмом продолжил мысль Лёша.

Она устало вздохнула:

– Фэнтези всё столь же популярно у молодёжи?

– Да, просто это казалось логичным, – смутился он.

– Нет, дорогуша. Как тебя зовут, кстати?

– Лёша, кажется...

– Лика. Не рада нашему знакомству. Нет, вампирам повезло больше. За всё надо платить, особенно за удовольствие

жить. Таблетки, то есть энергию, дают проводники, в нашем случае это Матвей. Ты его должен был видеть, его ни с кем не перепутаешь. Он глава Дома Гарпии, одного из семи Великих Домов. Только проводник способен получать энергию из пространства и передавать её нам, к примеру, в качестве таблеток. Но чтобы получать таблетки, ты должен выполнять задания.

– Таблетки? Дома? Энергия? Задания? Что за задания?! – Лёшина голова разрывалась от нахлынувших вопросов. Он запнулся. Хотелось узнать всё и сразу. – Они сложные?

– Стоп! Не так быстро! – осекла его Лика. – Иначе сюрприза не будет. – Она как-то многообещающе и недобро улыбнулась. – Выбирай вопросы тщательнее.

– А почему именно он проводник?

– Он убил предыдущего.

Лёшу начал напрягать будничным тон, с которым все говорили об убийствах.

– Я ничего не понимаю... – обречённо констатировал он.

– Хорошо, – с неохотой отозвалась Лика. – Объясню тебе всё, но только один раз. Разрешу задавать вопросы, но за каждый вопрос, который мне не нравится, могу прибить. Ясно?

Лёша кивнул. Машина проехала по луже, обрызгав парочку пешеходов.

– Забудь про стандартные представления о загробной жизни, которыми тебе набивали голову. Ни котлов, ни рай-

ских куш я тут пока не видела. Бога и дьявола тоже, хотя... зависит от того, что подразумевать под этими понятиями... – Лица ухмыльнулась. – Есть понятие энергии, она повсюду, разлита в мире, пространстве, времени и Вселенной, она видоизменяется и перетекает из одного состояния в другое. Живые существа способны её вырабатывать, изменять и тратить. Мёртвые объекты только тратить. Они – результат консервации энергии. И они существуют, пока энергия не высвободится и не выльется в пространство. Человек, вернее, то, что принято называть душой, переходит из жизни в жизнь – в буддизме это реинкарнацией называется – получает опыт и, если не принадлежит полному дебилу, постепенно улучшает свою способность вырабатывать энергию, становится более гармоничным и совершенным объектом, открывает в себе новые способности, расширяет понимание Вселенной и так далее. Видимо, пока не получает возможность выйти из этого круга. Но иногда бывают ошибки, когда вследствие каких-то сильных потрясений (не знаю... к примеру, из-за потери любимого человека или подвига) душа выходит из системы. Она покидает цикл, не достигнув этого самого уровня развития, ей некуда деться, она зависает где-то между мирами, в Ничто, в вакууме, проводит там какое-то время, и если судьбе или этому Ничто угодно, то они выплёвывают её обратно в мир. Мы как раз результат этого плевок. Нам как бы даётся иллюзия жизни в обмен на выполнение определённых условий. Их выдаёт проводник – он же глава Дома, такого

своеобразного объединения заблудших душ.

В мире семь Домов: Гарпии, Кота, Волка, Змеи, Быка, Скорпиона и Льва. Проводник временно восстановил связь с энергетическим потоком, он не может или говорит, что не может, использовать его в своих целях, но может передавать энергию нам. Если мы не выполняем работу, поток энергии пропадает. Проводник утрачивает способность её собирать...

Ли́ка рассказывала о своём мире тем безэмоциональным тоном, которым гиды повествуют туристам об истории архитектурного памятника. Словно хорошо заученный текст, надоевшая историческая справка. Лёше её рассказ казался невероятным, но про себя он отметил, что так невозможно говорить о событиях, которые не существуют. Ли́ка описывала не свои бредовые фантазии или галлюцинации, которые находили бы отклик в сознании, а надоевшую рутину, окружавшую её каждый день и уже порядком доставшую.

– Всё ясно? – поинтересовалась она.

– Если честно, то нет. Прости... – Лёша поспешно пытался обдумать полученную информацию. Было неловко и странно чувствовать себя чужим и абсолютно лишним, буд-то в этом мире места для него не осталось.

Вдруг его поразила догадка:

– Если всё, что ты говоришь, правда, то я больше никогда не увижу никого из близких?

– А ты помнишь их хотя бы? – с горькой иронией уточнила

Ли́ка.

Лёша засопел и отвернулся к оконному стеклу. Повисло молчание.

– Не веришь?

– Не знаю, – честно ответил Лёша. – Думаю, ты сама всё понимаешь.

– Понимаю... – Её голос чуть потеплел. – Но убеждать у меня правда нет времени, а демонстрировать тебе фокусы я не намерена. Чувствую себя идиоткой в такие моменты. Будет работа – увидишь.

«Ладно, чёрт с ним, по крайней мере она больше не метает в меня молнии», – успокоил себя Лёша и решил всё-таки поинтересоваться:

– А куда мы, собственно, едем?

Ли́ка, не отрывая взгляда от дороги, быстрым и еле уловимым движением ударила его в грудь так, что у него перехватило дыхание.

– Я предупреждала. – Она невозмутимо посмотрела на Лёшу.

Он, пытаясь восстановить дыхание, наклонился вперёд и отчаянно закашлял.

– И вообще... пристегни ремень, это небезопасно. Помереть можешь... – усмехнулась она.

«Кажется, смерть сильно сказывается на чувстве юмора», – подумал Лёша, потянувшись за ремнём.

Глава 4

Наташа сегодня явно встала не с той ноги. Дела не заладились с самого утра: просыпаться хотелось меньше обычного, будильник пронзительно запищал на самом интересном месте удивительно прекрасного сна, а вдобавок вчера она забыла закрыть окно, поэтому в комнате стояла морозная свежесть.

Наташа со злостью ударила по кнопке будильника, наощупь нашла халат и, резко вскочив, одним броском добралась до злополучной форточки, чтобы её закрыть. Затем, недовольно зевая и почёсывая растрёпанную голову, покосилась на храпящего мужа, который тут же отвернулся к стенке, увлекая за собой оба одеяла, и скорчила недовольную рожицу, мысленно передразнивая их вчерашний диалог: «Дорогая, у нас заказчик завтра отменил встречу. Так что мне к двенадцати. Не буди и сделай, пожалуйста, блинчики».

В данную минуту блинчики хотелось либо вывалить ему на голову, либо сожрать самой. Огорчённая мировой несправедливостью, она поспешила в ванную и случайно пнула кота-подхалима, который описывал круги между ног в надежде выпросить порцию корма.

– Хватит жрать, сволочь! – прокомментировала она и оставилась в зеркало. – Мдя, дорогая. Не прЫнцесса, но ко-

ролевишна точно.

Она критически оценила состояние кожи. На лбу выскочил огромный прыщ, а у правого глаза появилась новая морщинка. «Надо купить тот крем, который Ирка советовала, а то уже страшно», – решила Наташа, доставая зубную щётку и переворачивая маленькие песочные часы. Она тщательно ухаживала за зубами и даже купила себе эти часики, чтобы точно выдерживать рекомендованные стоматологами три минуты, но в очередной раз, когда выплюнула пену в раковину, увидела кровавые разводы.

– Тьфу, блин! – Рука потянулась за дорогушим ополаскивателем.

Закончив в ванной, Наташа направилась на кухню, включила какие-то мультики, щёлкнула выключателем кофеварки и достала пачку диетических мюсли, но подумав, убрала её обратно и занялась приготовлением обещанных блинчиков. Наташа поняла, что организм требовал радости, поэтому высыпала в тесто три лишние ложки сахара и вылила самый жирный кефир.

Через несколько минут на плите зашипело масло, а в комнате разнёсся уютный запах жареного теста. Поджидая очередной блин, она наблюдала за приключениями мультяшных монстров в телевизоре, а в голове крутились далёкие от блинов мысли.

Примерно месяц назад она отчётливо поняла, что хочет ребёнка. Вернее, даже не хочет, а что он просто должен быть,

иначе всё пойдёт как-то совсем не так. Появилось ощущение, что это огромная ошибка мироздания, что у них до сих пор нет ребёнка. Как будто бы оно отвлеклось на время и просто не заметило, что маленького мальчика или девочки до сих пор нет, и теперь, сконфуженное и расстроенное, стоит рядом с ней и жалостливо шаркает ножкой. «Мол, прости, Наташка. Ну не досмотрело я. Дел много, понимаешь? Вас у меня таких много. Но мы все обязательно исправим». И сейчас ей самой придётся в ускоренном темпе компенсировать этот недосмотр и предпринимать активные шаги по созданию нового члена общества. Она даже успела посокрушаться, что опять всё придётся брать на себя и самой обо всем заботиться. Ведь Серёга, скорее всего, опять затянет старую песню, что он ещё не готов, надо это взвесить и, вообще, это трудное решение, как он делал в случае ремонта, покупки машины и даже обмена квартиры её мамы.

Наташа перевернула уже подгоревший блин и твёрдо решила, что сегодня вечером обязательно поговорит с мужем. И при этом не будет поддаваться на попытки увильнуть от темы. Хватит! Ведь здорово же, если у них появится такой маленький ангелочек, которого они назовут Светой или Машенькой. Она будет играть и помогать маме, а ещё можно будет ей шить красивые платья и завязывать бантики. Наташа глубоко вздохнула, представив маленькую белокурую девочку, которая сейчас могла бы бегать по этой самой кухне и теревить маму за полы халата, требуя блинчик с вареньем.

– Да, уже пора! – констатировала она, ставя на стол горку блинов и накладывая в блюдечко сгущёнку. Раз уж она собирается быть мамой, то ей надо есть больше витаминов и иногда себя баловать, поэтому про диету пока можно забыть.

Насладившись завтраком, Наташа отправилась одеваться. Она выбрала любимый фиолетовый жакет, дополнив его контрастным шейным платочком. Этот наряд её освежал и делал чуточку загадочной. Затем Наташа вернулась к зеркалу, чтобы сделать укладку, но волосы сегодня как-то особенно не слушались, поэтому пришлось потратить на десять минут больше, а разыгравшийся кот сначала закатил ей под ноги свой любимый шарик, а затем, в попытке забрать, сильно цапнул за лодыжку, уничтожив колготки. В отместку она кинула в него халатом, но на поиски колготок пришлось потратить ещё пятнадцать минут.

В итоге, когда Наташа вышла из дома и посмотрела на часы, вместо положенных 8.00 на них светились роковые 8.25, которые точно вызовут у начальницы приступ праведного гнева. Нужно было торопиться.

Наташа бросилась к остановке, но, судя по её опустошённости, автобус только что ушёл. Маршруток тоже не наблюдалось, поэтому она решила срезать через соседний двор, пройти мимо строек, конечно же, рискуя измазать толстым слоем грязи сапоги, и выбраться на проспект, где транспорта было гораздо больше.

Ещё немного помедлив в нерешительности, она быстрым

шагом направилась по намеченному маршруту, быстро пересекла двор и детскую площадку и зашла за стройку, где уже всю кипела работа. Наташе очень не нравилось ходить здесь, особенно вечером, поскольку гастарбайтерам доверять сложно и неизвестно было, что у них на уме, но порой выбирать не приходилось. Благо, сейчас было раннее, но всё-таки утро, да и впереди навстречу ей шёл высокий представительный господин, на которого, если что, можно было понадеяться.

Когда до арки осталось около пятнадцати метров, сзади послышался шум, и между плит показался чумазый строитель, который, увидев Наташу, заулыбался, демонстрируя нестройный ряд желтоватых зубов. Он что-то попытался сказать, но она мгновенно отвернулась и ускорила шаг.

«Фу, какая мерзость!» – подумала Наташа, заходя в спасительную арку, куда уже подошёл тот высокий господин с короткими чёрными волосами и удивительно бледной кожей. Наташа невольно отметила дороговизну идеально сидящего пальто и ботинок, а также странный облик. Казалось, что незнакомец пришёл из другого мира. Он настолько резко контрастировал с этим мусором и этой подворотней, что пространство отторгало пришельца, отвергая даже самую мысль о его пребывании на этой грешной земле.

Озадаченная подобным эффектом, Наташа поравнялась с незнакомцем. Их глаза встретились. На секунду перехватило дыхание. В его лице и глазах таились настолько безмерное

спокойствие и равнодушие, как будто Наташа смотрела не на другого человека, а на безграничную звёздную даль, молчаливую и вечную. Это зрелище завораживало и обволакивало настолько, что она не заметила, как незнакомец сделал два коротких шага по направлению к ней, раскинул руки вместе с полами пальто, закрывая её от посторонних глаз, и прижал к себе. Тьма и поразительный холод мгновенно окутали Наташу, проникая в самое сердце и неся острую обжигающую боль и отчаяние.

Глава 5

Скоро машина остановилась у унылого бизнес-центра, ничем не отличавшегося от сотен других таких же во всех крупных городах мира. Единственной его примечательной чертой было расположение в спальном районе между останками оборонного предприятия, автомастерской и кафе с пролетарским названием «Пресс». Как и везде, помещения бизнес-центра сдавались кому угодно, начиная от турагентства и бюро ритуальных услуг, заканчивая фитнес-клубом.

Ли́ка выключила двигатель, вышла из машины и, прислонившись к капоту, замерла. Лёша решил, что ему, наверное, лучше последовать за ней. Он натянул капюшон и подошёл ближе.

Она стояла, устремив взгляд вверх, на второй этаж, как раз туда, где находился фитнес-центр. Ли́ка выглядела крайне сосредоточенной, хотя было мало понятно, на чём конкретно. Ситуация становилось всё менее очевидной и приятной. Лёша мрачнел. Его летние кроссовки мгновенно промокли, он начал замерзать и негромко постукивать зубами.

– Отойди, твоя зубная канонада меня отвлекает!

Он недоумённо посмотрел на Ли́ку.

– Отвлекает от чего? Не хочешь поделиться?

– Нет, – отозвалась она. – Я ищу... ищу работу или присутствие таких же, как мы. Они должны быть. Кто-то точно

будет менять её выбор, я чувствую.

– В смысле?!

Ли́ка раздражённо вздохнула и сжала зубы.

– Дай мне пару минут. – Она замолчала, что-то обдумывая. – Хотя нет, ты мне поможешь.

Ли́ка деловито прищурила глаза, глядя на него. Удивлённый Лёша застыл неподвижно и старался даже не дышать громко, чтобы не спровоцировать её на новые приступы агрессии. Вскоре Ли́ка сделала глубокий вдох, поморгала и распорядилась:

– Хорошо, сгоняй в кафе, возьми мне кофе, начнём обучение.

– У меня денег нет, – краснея, признался он. Было искренне стыдно, что он не мог купить даже кофе.

Ли́ка молча достала из кармана кожаной куртки купюру и отдала ему.

– Капучино, два сахара, и пенки побольше.

Когда он вернулся с добычей, она уже сидела в машине. Лёша погрузился в автомобиль, стараясь ничего не пролить, отдал стакан ей и бодро сообщил:

– Я готов!

В ответ Ли́ка молча закрыла ладонью лицо и покачала головой.

– Видимо, в прошлой жизни я сильно накосячила, – констатировала она, делая большой глоток кофе.

– А ты её помнишь?

– Прошлую – нет, последнюю – да, но лучше бы не поминала... – отрешённо отозвалась Лика.

– Почему?

– Рискуешь... – Она бросила многозначительный взгляд. Лёша поспешно закрыл рукой рот в знак того, что он нем как рыба и не смеет отвлекать Лику глупыми вопросами.

– Сколько таблеток тебе дали? – она заговорила деловым тоном.

– Две... вчера... кажется.

– А с собой?

– Нисколько...

– То есть как?

– Ну, мне никто ничего не давал. Меня просто разбудили и отправили искать твою машину.

– Вот скотина! – Лика в сердцах ударила по рулю, чуть не пролив на себя кофе. – Проверь в карманах.

Лёша начал копаться в карманах. В куртке ничего не было, а в джинсах обнаружился жёлтый свёрток с пятью таблетками. Лика взяла свёрток, посмотрела и спросила:

– С Кларой познакомился?

– Да, она хорошая очень, покормила меня, сказала, что я на сына её похож.

– Ясно. Ты теперь мне не просто навязанная работа, но ещё и неоплачиваемая. Ладно, не убивать же тебя, право слово. – Она бросила на него какой-то странный взгляд, одновременно приветливый и хищный.

– Ешь одну. Не глотай сразу.

Лёша осторожно взял одну из таблеток. Как и в первый раз, сначала не было ничего, кроме отвратительного вкуса сушёных водорослей, потом слегка закружилась голова и появилось странное ощущение, как будто сознанию надоело оставаться в теле, и оно решило отправиться в путешествие.

– Тихо, тихо... – похлопала его по щекам Лика. – Не лезь вперёд бабки в пекло. Закрой глаза, расслабься и сосредоточься на моём голосе. Постарайся почувствовать каждую часть тела. Напряги изо всех сил одну руку, чтобы почувствовать, обратись к ней внутренним взором, потом другую... и так с каждой частью тела... Полностью расслабься, постарайся избавиться от физических ощущений.

Лёша старался следовать инструкциям, но получалось плохо. Всё это казалось ему глупым и напоминало идиотский фильм про восточные единоборства. Вдруг женский голос зазвучал прямо в черепной коробке.

– Сконцентрируйся, не халтурь.

Лёша аж вздрогнул от неожиданности и попытался открыть глаза, но Лика положила одну ладонь ему на лицо, а другой уверенным движением прижала к креслу.

– Расслабься, представь салон машины как можно подробнее, вспомни как можно больше деталей, концентрируйся на образе, предметах, моей внешности. Прорисовывай картинку в воображении. Да, так... Хорошо, хорошо. А теперь зафиксируй и смотри в неё, как бы пытаешься проникнуть.

Лёша почувствовал себя полным дебилом, пытавшимся «проникнуть» в картинку собственного воображения, хотел справедливо возмутиться, как вдруг понял, что изображение изменилось, и теперь это уже не обрывистые куски его зрительных воспоминаний, а абсолютно чёткая картинка. Он видел салон, коробку передач, приборную доску, руль, стаканчики кофе, девушку, которая наклонилась и смотрела на него внимательным взглядом, её руки, прижатые к телу в синей куртке.

– Стоп. Это же я! – Сердце бешено заколотилось. – Это я! Я! Я вижу себя!

– Да не паникуй ты! – Её голос опять прозвучал в голове, хотя её губы не двигались. – Да, ты можешь управлять сознанием. Подожди немного.

При этих словах её тело раздвоилось, и от него отделилась ещё одна девушка-близнец, только она была прозрачной и походила на привидение.

– А теперь следуй за мной и ничего не бойся.

Призрак проплыл сквозь дверь машины, завис в воздухе, улыбнулся и поманил рукой. Одновременно с этим она что-то прошептала и тут же исчезла из поля зрения.

Возможно, Лёша и научился выпускать сознание из тела, но успокаивать его было гораздо сложнее. Оно билось в истерике и страшно хотело убежать в самый тёмный угол, чтобы никогда больше не высовываться.

– Ну... Я жду... – Прервал мысли знакомый сердитый го-

лос.

– Где ты?!

– Да здесь я, здесь. Просто нас теперь не видно. А то ещё пойдут слухи о паре призраков в спальном районе города.

– А, ясно...

Проклиная всё на свете, Лёша попытался собраться и сдвинуться вперёд. Наверное, это и было ощущение полёта и лёгкости, когда тебя не сдерживают физические рамки. Но разум сковало ужасом, и Лёша ничего не чувствовал. Он преодолел автомобильную дверь и приблизился к месту, где раньше стояла Лика.

– Ты молодец. – Неожиданная похвала. – Пойдём! Вперёд!

Они вместе направились к входу в здание, пролетели сквозь двери, попали в просторный холл, в котором по правую сторону за стеклянными дверьми находился японский ресторан, а по левую – фрешбар. Напротив входа располагались стойка ресепшена и стеклянная лестница, ведущая на второй этаж. Около неё на стуле скучал пузатый охранник, уткнувшийся в потёртый айфон.

– Нам выше! – услышал или скорее почувствовал приказ Лёша.

Он покорно повиновался, и они начали подниматься по лестнице. Хотелось старался побыстрее освоиться в новой роли призрака, что было весьма трудно, хотя где-то на границе его подсознания маленький мальчик, мечтавший стать супергероем, уже прыгал до потолка: «Стоило умереть, что-

бы научиться этому!».

– От гордости не лопни, малыш.

Они поднялись на второй этаж и направились к спортивному залу. Преодолели дверь, стойку регистрации, раздевалку. У Лёши невольно мелькнула мысль о женской душевой, но, опасаясь гнева Лики, он тут же избавился от этой мысли. Она же на секунду задумалась, повернула направо и двинулась в тренажёрный зал к единственной занятой беговой дорожке. На ней бегала ещё совсем юная девочка-подросток лет семнадцати, невысокого роста, эдакая пацанка с короткими чёрными волосами, пирсингом в носу и в тёмной майке с символикой рок-группы.

– Это она... – остановившись, констатировала Лика. – Я с ней работала.

– И что ты сделала? – всё ещё пытаясь свыкнуться с новой для себя ситуацией, спросил Лёша.

– Я помогла ей сделать судьбоносный выбор. – Судя по голосу, она улыбалась.

– Это как?

– Это часть нашей работы. Помимо всего прочего, мы ещё играем роль её величества судьбы. Судьбы на самом деле нет, есть жизненный путь, который человек проходит. Он похож на обычную дорогу, которая то идёт прямо, то петляет, то расходится на множество путей поменьше. Обычно у человека за жизнь есть несколько самых важных «развилок», выбор на которых определит весь дальнейший путь. Часто бы-

вает, что их выбор влияет на жизнь других людей, а бывает, и целых народов. Мы делаем так, чтобы определённые души оказались в определённых обстоятельствах, на определённых "развилках", а затем следим, чтобы в этих ситуациях они сделали нужный нам выбор.

– Нужный для чего?

– Нужный хотя бы для того, чтобы человечество не вымерло в ближайшую тысячу лет. Иначе умрём и мы.

– И всё?

– Не знаю, – призналась она. – Такие задания – одно из условий сохранения потока энергии, их дают проводники.

– А кто даёт им?

– Тем более не знаю. Может, никто не даёт. Может, это просто больная фантазия держателя Дома, в смысле проводника, и не более. – Лика стала очень серьёзной. – Об этом не принято спрашивать. За такие вопросы можно умереть. Да я и не хочу знать.

– Почему?

– Это ничего не изменит... – Лёша ощутил отчуждённость.

Лика сосредоточенно смотрела на спортсменку.

– А я могу увидеть её судьбу?

– В первый раз нет. Ты новичок, тратишь катастрофически много энергии. Я попытаюсь показать. Расслабься.

«Интересно, что ещё мне нужно расслабить?» – задался справедливым вопросом он.

Несколько секунд ничего не происходило, но вдруг неведомого Лёшу что-то резко подхватило и потащило прямо к голове брюнетки. Он изо всех сил пытался закрыть несуществующие глаза, боясь столкновения, и, когда уже, повинувшись инстинкту, приготовился к удару о черноволосый затылок, вместо этого врезался в огромный прозрачный экран, появившийся из ниоткуда.

Экран напоминал снимок местности из космоса, которые печатают в географических атласах для школьников. Из левого нижнего угла в правый верхний бежала синяя кривая линия, напоминавшая реку с множеством рукавов и разветвлений. Они затейливо переплетались, сходились и расходились, пересекались с другими такими же, но другого цвета. Это было завораживающее и одновременно пугающее зрелище.

– Это и есть её жизнь?

– Ага. Развилки – это тот самый выбор, о котором я говорила. Вот смотри! – Картинка приблизилась. – Основная линия ярче, те варианты выбора и соответственно ответвления, которая она отвергла, – бледнее. Если приглядеться, можно увидеть события, которые повлияли на выбор. К примеру, моя работа. – Экран сфокусировался на одной из развилок. – Здесь она выбирала, куда пойти учиться. Я сделала так, чтобы она пошла в педагогический, поскольку нужно, чтобы она стала учительницей. Я всё сделала хорошо. А теперь смотри, смотри внимательно, видишь ли ты что-нибудь там?

– Эээ... Ну, вижу то же, что и ты.

– Нет, опиши всё, что видишь! – настаивала Лика.

– Ну, синяя кривая раздваивается, одно ответвление бледное, другое – яркое. Дальше идёт себе спокойно... пересекает чёрное пятно, потом совсем бледнеет.

– Там есть чёрное пятно?! – Голос Лики аж зазвенел в голове у Лёши.

– Ну да, такое среднее.

– Чёрт, вот дура!

Лёшу закружило, тренажёрный зал превратился в калейдоскоп огней, его потянуло вниз, как будто в сливное отверстие огромного унитаза, и в следующий момент он уже открыл глаза в собственном теле.

– Шевелись, нужно его найти! – Лика тормозила его изо всех сил.

– Да кого нужно найти? – обалдел от смены ситуации Лёша.

– Сволочь, которая пытается уничтожить мою работу. Чёрное пятно – это результат вмешательства. На одной развилке нельзя влиять на человека больше одного раза, это приводит к смерти, соответственно – к отмене предыдущего задания. Здесь кто-то пытается влезть ей в судьбу и уничтожить всё, что я сделала, причём закрывшись персонально от меня. Кто-то тонко работает. Блок поставили. Я могу пробить его в лобовую, вбухав кучу энергии или...

Лика замолчала, подыскивая варианты. Она явно забыла

про присутствие Лёши и начала говорить сама с собой.

– Или я могу попытаться найти его самого. Блок шикарный, но на него уходит много сил, плюс он уверен, что я туда не пойду. Надо торопиться. Идём!

Она, не вынимая ключа зажигания, мгновенно выскочила из машины и побежала к зданию. Изумлённый Лёша чертыхнулся, вытащил ключи, ругаясь себе под нос, выполз из автомобиля и последовал за ней.

Догнал он её в холле. Лица стояла в самом центре и крайне внимательно разглядывала присутствующих. Она была очень возбуждена и рассержена. Раскрасневшиеся от мороза щеки пылали, взгляд стал холодным и хищным, рыжий хвост растрепался, и несколько прядей упали на лицо, делая её похожей на древнюю амазонку.

«Лучше бы тому парню побыстрее убраться отсюда», – подумал Лёша.

Он не понимал Лику. То она казалась почти нормальным человеком, то превращалась в сущую стерву. Лица ведь делала невозможное, вмешивалась в чужую судьбу, творила чудеса, но при этом не могла удержаться от показушной колкости, агрессивности и раздражительности. Не было в ней мудрости, спокойствия, гармонии с миром. Похоже, что после смерти, если Лёша действительно умер, мало что менялось. И это разочаровывало.

Лица тем временем взглядом сканировала одного человека за другим, настойчиво и даже требовательно вглядыва-

сь в каждого, пытаюсь обнаружить малейший знак, элемент одежды или волнение, которое бы выдало противника. Семья с ребёнком в углу, лысый мужчина с молоденькой блондинкой, подвыпившая компания, одинокий бизнесмен, говорящий по телефону, – всех она отметала по неизвестной причине, каждый раз переходя к следующему.

– Нет, его здесь нет. Выше! – бросила она через плечо и ринулась вверх по лестнице.

Лёшу уже начала раздражать эта погоня за призрачной целью, к тому же он совершенно не представлял, кого они искали.

На втором этаже Лика сразу же начала обходить все помещения, методично заглядывая в каждое, вызывая удивлённые взгляды окружающих, которыми они заодно одаривали и ни в чём не повинного Лёшу. Успокаивало только то, что никто не решался высказать хоть слово неодобрения. Видимо, не только ему Лика напоминала разъярённую воительницу.

Наконец, когда они уже зашли в мужской туалет, обнаружив там только застенчивого подростка лет пятнадцати, она кинула:

– Нет, здесь его тоже нет. Выше офисы, там сложнее остаться незамеченным. Там его не будет.

– Может, крыша? – бросил наугад Лёша.

– А может, и крыша.

Они в очередной раз бросились бегом по лестнице. Один

этаж, второй... Лёша уже начал отставать от более подготовленной Лики. Всё... уже пятый, ещё один пролёт... и серая дверь с надписью «служебное помещение».

– Наверное, это выход на крышу, – выдохнул запыхавшийся Лёша.

Лица дёрнула за ручку, та не поддавалась. Она наклонилась, посмотрела на замок, вновь дёрнула ручку, оценив размер язычка и дверной косяк. Затем отошла на несколько шагов назад и резко ударила пяткой чуть ниже замка.

– Что ты делаешь? – испугался Лёша. – Тише! Нас же могут услышать. Здесь есть охрана.

– Охрана сегодня отдыхает!

Она ударила ещё раз. Неожиданно дверь поддалась и приоткрылась, унося с собой кусок деревянного косяка. Лица смело двинулась в полумрак чердачного помещения.

Здесь не было электрических источников освещения, в дальнем конце находилось окно во всю стену – часть стеклянной прозрачной облицовки здания. Сквозь него в помещение проникал свет от уличных фонарей и проезжающих фар машин. В этом отблеске спиной к двери сидел некто, судя по одежде, тот самый охранник, которого они сегодня уже видели. Он сидел, скрестив ноги и что-то тихо бормоча себе под нос.

– Он нас не слышит, мразь! – фыркнула Лица. – Проводит обряд.

В её глазах появились холодные и хищные отблески, а гу-

бы искривила неприятная и даже отвратительная ухмылка. Лёше показалось, что надо бояться именно её, а не псевдоохранника, мирно бурчащего абракадабру.

Она сделала Лёше знак отойти к стене за балку перекрытия, а сама осторожно и беззвучно начала красться к окну.

Лица нагнулась, изящно вытянула руку и подобрала прут арматуры, валявшийся среди прочего хлама на полу. Её силуэт, держащей грубый кусок металла наподобие самурайского меча, завораживал. В ней появилось нечто мистическое и опасное, но одновременно до жути притягательное. Чувствовалась невероятная гипнотическая сила. Лёша на несколько мгновений поддался этой губительной иллюзии, всё его существо потянулось вслед за ней. Он даже сделал шаг вперёд, но тут Лица замерла и резким, мощным выпадом проткнула правое плечо охранника.

– АААаааа! – заорал он что было сил, невольно наклонившись вперёд и потянувшись левой рукой к ране.

Лица, почувствовав это движение, пнула его, придавая дополнительное ускорение, и продвинула арматуру чуть дальше. Металл вошёл в деревянное покрытие пола и пригвоздил жертву.

– Кто тебя послал?

– Иди в задницу, сука! – корчась от боли, прошептал он.

Лица наклонилась, взяла его за волосы и притянула голову к себе.

– Хм, мужчина... – Её тон был поразительно спокой-

ным. – Я не узнаю вас в гриме. Но кажется, мы встречались.

С этими словами она отклеила резиновую маску с лица. Под ней оказался молодой человек лет тридцати с прямым носом, светлыми бровями и тонким шрамом, идущим через лоб.

– О, Илья! – заулыбалась Лика. – Давно не виделись. И лицо уже зажило.

Она по-детски склонила голову набок, изучая жертву.

– Пошла ты! – Илья попытался плюнуть, но Лика сильно ударила его в кадык.

– Ну... плохое начало свидания, или ты совсем забыл, как это, ходить на свидания?

Он посмотрел на мучительницу с ненавистью.

– Давай сразу и по-быстрому, – продолжила Лика. – Ты быстро говоришь мне, от кого получил задание, и мы расстаёмся друзьями.

– Ты все равно меня убьёшь, – прохрипел ещё не оправившийся от последнего удара Илья.

– Конечно, убью, кто же спорит. И мы оба знаем, что ты расскажешь мне, кто тебя послал. Просто я не хочу тратить время.

– Хорошо, я скажу, на кого работаю, зачем и отдам дозу. Тогда отпустишь? – жалобно просипел Илья.

– Хм, дай подумать. Кто приказал, ты скажешь мне в любом случае, причина – догадаться не сложно, а твои запасы меня не впечатлят, так что нет. Я не оставляю в живых тех,

кто мне мешает.

– Сгноить бы тебя заживо.

– К чему оскорбления? – Лика театрально сморщила носик. – Просто скажи, и я отстану.

Она выпрямилась и начала медленно вращать арматуру.

– Ааааа! – заорал Илья. – Аарон! Аарон! Меня послал Аарон. Сдохни, тварь!

– Чёрт, никакой интриги, – расстроилась Лика. – Спасибо.

Её лицо вновь стало равнодушным.

– Тварь! – прокашлял он.

– Прости, Илья. Ничего личного, – Лика точным движением провернула металлический прут и проткнула сердце.

Глава 6

Через десять минут они вышли из бизнес-центра в полном молчании. Лёша никак не мог смириться и свыкнуться с увиденным. Эта сцена, так хорошо знакомая по голливудским фильмам, в реальности оказалась настолько отвратительной и отталкивающей, что он не мог справиться с подступающей тошнотой. Казалось, что Лёша стал соучастником чего-то по-настоящему грязного и мерзкого, от чего никогда уже не отмоется. Особенно сильно поражал контраст между спокойствием и умиротворённостью окружающей обстановки сейчас, когда они медленно шли к машине, и тем жутким варварским поступком, который только что совершила Лика.

– Почему ты его убила? – выдавил из себя он, дёргая ручку двери.

– Он бы ни на секунду не задумался, если бы мог убить меня.

Теперь Лика выглядела печальной и уставшей. Она переменялась почти сразу, как только тело Ильи перестало дёргаться и осело у её ног. Казалось, что вместе с его жизнью ушла и злоба, сменившаяся грустью. Тяжело вздохнув, она сделала шаг назад, давая возможность трупу упасть на спину, наклонилась, посмотрела в стеклянные глаза. Затем обыскала карманы. Добыча оказалась скромной: всего пять таб-

леток и немного денег. Лика убрала всё в задний карман джинсов. Посмотрев на убитого ещё раз, встала, вытянув руку, и что-то тихо прошептала. Тело быстро исчезло, оставив только тёмный отпечаток на пыльном полу. Она огляделась по сторонам, выбросила арматуру и сдавленно произнесла: «Пойдём».

– Но ты могла бы отпустить его! – в отчаянии чуть не крикнул Лёша.

– И он явился бы ко мне завтра ночью. Ты не поймёшь, просто через какое-то время привыкнешь. – Лика устало опустила глаза.

Она забрала ключи, открыла машину, и они залезли внутрь.

– Вы все такие? – почти с ненавистью прошипел Лёша.

– Мы все такие.

– Но как?

– Ты пока не знаешь, что такое жить без дозы, и не помнишь, что тебя ждёт там... – сухо ответила Лика.

– А ты помнишь? – вызывающе поинтересовался он.

– А я знаю, и ни за что... – Она яростно сжала зубы. – Ни за что не провалю задание и не останусь без дозы! И убью любого ради этого. И знаешь, что самое смешное, малыш? – Её глаза превратились в щёлочки. – Скоро ты заговоришь так же.

Её взгляд был таким острым, что, казалось, мог проткнуть насквозь, ни на секунду не задержавшись в тканях тела. Лё-

ша невольно поёжился и постарался сильнее укутаться в куртку, став похожим на нахохлившегося воробья. Отвечать ничего не хотелось. Резкий выпад его напугал и ошеломил.

Лица чуть искривила губу, явно недовольная внезапным приступом откровенности, и завела машину.

Вечерний город безмолвствовал, на улицах почти не было машин, не сновали прохожие. В воздухе неслышно кружились пушистые хлопья снега, незаметно сливаясь с высокими сугробами, а мандариновый свет фонарей настойчиво разгонял тьму. Это был тот редкий вечер, когда почти веришь в новогоднюю сказку и с улыбкой мечтаешь о том, что обязательно изменишь свою жизнь в новом году.

Лёше стало горько, что его сказка потихоньку превращалась в кошмар.

– Я устала. Поедем ко мне... – видимо, поддавшись этому же настроению, почти попросила Лица.

– Разве у меня есть выбор? – отозвался Лёша.

– А разве у кого-то он есть?

– Мне хочется верить в это, – прошептал Лёша, водя пальцем по запотевшему стеклу.

– Не поверишь, мне тоже...

Глава 7

Через какое-то время машина остановилась перед крыльцом трёхэтажного здания, расположенного на одной из набережных.

Это был весьма старый дом в центре города – один из тех, в которых мечтают жить все простые смертные петербуржцы. Лёша не относился к их числу, но оценил роскошь:

– И как же тебе досталась такая красота?

– У меня не так много поводов для радости, и иногда я позволяю себе прихоти.

Они вышли из машины и направились во внутренний двор.

– И сколько же стоила квартира здесь?

– Не помню. Благо, о деньгах уже можно не париться. Это одно из немногих преимуществ нашего существования.

Лица, покопавшись в кармане, нашла связку ключей, пискнула домофоном, и они поднялись по лестнице.

– Матвей даёт тебе деньги?

– Нет, конечно, – засмеялась Лица. – Их можно... ммм... наколдовать.

Они остановились перед входной дверью.

– Из воздуха, что ли? – отмахнулся парень.

– Почти... – продолжила она. – Из энергии. Я уже говорила о ней. Ты получаешь её в виде таблеток, дозы. Когда

ты попал к нам, твоя душа утратила способность вырабатывать энергию, теперь ты можешь её только брать из других источников. Люди же могут энергию генерировать. В детстве энергии очень много, а в течение жизни её количество падает, именно поэтому они стареют и умирают. Лимит исчерпывается. Мы ещё можем ей управлять, перенаправляя потоки, и таким образом создавать что-то новое. Новые предметы, оружие и так далее. Как бы творить волшебство.

Они вошли в просторную прихожую. Лица разулась, сняла куртку и повесила в раздвижной шкаф. Лёша же, увлечённый беседой и чувствующий себя неуютно, так и остался стоять у порога в верхней одежде.

Она тем временем продолжала:

– В принципе, мы можем всё что угодно. Твои возможности ограничены только запасом энергии, которым ты располагаешь. Соответственно, ты можешь создать материальную вещь. Это всё напоминает круговорот воды в природе: на планете есть некоторый огромный постоянный N запас энергии, которую можно видоизменять. Ты создаёшь, к примеру, стул из таблеток, и какое-то время эта энергия будет стулом, потом он состарится, развалится или, возможно, сгорит, и энергия высвободится. Ты раздеваться не собираешься? – вдруг прервалась она.

– Ой! – очнулся остолбеневший Лёша. – Прости. Я заслушался.

Он поспешно стянул куртку и стал развязывать кроссов-

ки.

– Каждый из нас по-разному использует энергию. Кто-то пользуется боевой магией, кто-то увеличивает физическую силу. Через некоторое время ты увидишь, что разнообразие тактик и стратегий – на любой вкус, цвет и размер. У каждого – свои приёмы.

– А у тебя какие?

– А у меня их два... – загадочно улыбнулась Лика. – Но это маленький секрет.

– Ну какие?!

– Мерзкий характер и способность экономить энергию. На те же самые действия мне требуется в среднем в два раза меньше энергии, чем другим.

– Круто! – восхитился Лёша. – А как у тебя это получается?

– Результат долгих тренировок, очень большого желания жить и хорошей памяти.

– Памяти?

– Да, памяти. Видишь эти шрамы? Они мне напоминают о том, что всегда бывает хуже...

– А как ты их получила?

– Не твоё дело. Есть будешь? – крикнула, удаляясь в глубину квартиры, Лика.

– Ну, если можно... – всё ещё пристыженный и смущённый, буркнул Лёша.

Квартира оказалась достаточно большим двухкомнатным

обиталищем. Да, именно обиталищем или даже маленьким скоплением хаоса. Если бы Лёша не знал, кому она принадлежит, решил бы, что хозяин – холостой менеджер, экономящий на домработнице.

Прихожая, из которой выходили двери во все остальные помещения квартиры, оказалась завалена разными парами обуви и одеждой. На большом зеркале виднелись жирные отпечатки пальцев и надпись, сделанная губной помадой: «А себя с утра видел?». Две комнаты, расположенные друг напротив друга, были абсолютно квадратными с достаточно светлыми стенами, с большим обилием комнатных цветов и почти полным отсутствием бытовой техники.

Кухня, куда и проследовала Лика, была маленькой, но очень уютной. Здесь расположились круглый стеклянный стол, тёмно-коричневый гарнитур с длинной барной стойкой и широкий диван, на котором в беспорядке валялись пёстрые подушки разных размеров.

– Жрать, естественно, нечего, но сейчас что-нибудь придумаю, – деловито произнесла Лика, ставшая вдруг совершенно земной, уютной и, наверное, слишком обыкновенной.

– Да мне непринципиально... – ответил Лёша, стараясь держаться рамок приличия.

– Хм, тебя курица с салатом устроит? Но нужно будет подождать где-то час. Пока могу предложить вчерашнюю пиццу.

– Ты заказываешь пиццу?!

– Ну да, что такого? – Лика выгребла тяжёлую тарелку со слегка заветревшейся пиццей из холодильника и засунула в микроволновку.

– Не знаю. Как-то у меня в голове ЭТО не укладывается. Сначала ты вещаешь мне о судьбах, энергиях, смерти, людях, Ничто, убиваешь людей, не моргнув глазом, а теперь приводишь домой и, блин, кормишь пиццей. Ещё погладь мне рубашку и предложи в воскресенье выбрать шторы для гостиной! – впервые за день взорвался Лёша.

Наконец его способность воспринимать новое и удивляться достигла своего предела. Пережить нелепость и нестандартность этой ситуации он уже не мог.

– А ты чего хотел? Крыло дракона и бедро одноглазой девственницы? – Лика вытащила из микроволновки пиццу, поставила чайник и занялась курицей.

– Нет, наверное. Но вся нормальность твоей квартиры совершенно противоречит ненормальности твоей жизни.

– Да, пожалуй. Считай это островком моей нормальности. Многие из нас со временем привязываются к простым вещам. Кто-то покупает автомобили, кто-то снимает проституток, кто-то в футбол играет. Кто-то, наверное, даже носки вяжет и крестиком вышивает. – Она задумалась. – Мы все играем в жизнь. Так сознанию проще существовать. Кажется, что ты как бы и не умирал, просто однажды стал киллером или правительственным агентом.

Лика закончила возиться с курицей и запихнула её в ду-

ховку, налила чай и села напротив Лёши за барную стойку.

Впервые за день он смог рассмотреть её совсем близко. Сейчас она выглядела уставшей и даже сонной. Под глазами были заметны тёмные круги, уголки губ опустились, а взгляд был печальным и замученным. На футболке грустно улыбался потёртый от многочисленных стирок жёлтый смайлик, а чёрные джинсы были чуть длинноваты. Лица покачала головой из стороны в сторону, разминая затёкшую шею, и расправила ссутулившуюся спину.

Лёша молча обдумывал её слова, незаметно наблюдая. Ему пока сложно было осознать происходящее, понять тот мир, в котором он очутился, принять правила игры и принципы работы. Где-то подспудно он всё ещё сомневался в реальности окружающего мира, хотя ощущения казались настоящими.

Лёше не понравилась фраза о том, что он скоро сам станет таким же жестоким и будет убивать. Эта мысль поражала до глубины души. Он даже представить себе такое не мог. Как? Он – и убьёт? Или просто причинит вред? Быть такого не может. Лёша был твёрдо убеждён, что это неправильно и так быть не должно. И не мог отступить. Разве что в целях самообороны или защиты близких, но и то должны быть очень веские причины. Конечно, парень он не мог озвучить свою позицию Лике, поскольку спорить с ней было откровенно страшно. Но для себя Лёша всё уже определил. И точка. В подтверждение этого факта, забывшись, он даже глухо

ударил ладонью по столу.

– Ты чего? Крыша поехала? – возмутилась Лика.

– Прости. Я случайно, задумался...

– Поосторожнее с казённым имуществом, – она усмехнулась. – И пиццу я кому поставила? Лопай давай.

До Лёши наконец дошёл упрямый аромат горячей, пусть и не очень свежей еды, и он тут же на неё набросился. Ощущение горячей пищи на языке показалось новым и неизведанным.

– А я когда-нибудь вспомню, кем я был... до смерти? – наслаждаясь едой, поинтересовался Лёша.

– Вряд ли. Но это только к лучшему. Тебе же будет проще.

– Жалко...

Лика с улыбкой наблюдала за тем, как куски пиццы молниеносно исчезают под давлением челюстей, и потягивала чай.

– А ты почему не ешь?

– Не знаю, наверное, слишком устала, – отмахнулась Лика. – Завтра поем.

– Спасибо большое. Очень вкусно. – Он отправил последний кусок в рот.

– На здоровье. Скоро курица будет... – со странной теплотой в голосе улыбнулась Лика.

Глава 8

Миша уже второй час сидел в мрачном прокуренном баре на задворках Думской улицы. По ушам болезненно била орущая из соседней колонки музыка, передавая сильную вибрацию и заставляя сердце биться в такт. Ноздри неприятно щекотал тошнотворный запах заполненной пепельницы, напоминавшей нахмуренного ежа, чьи толстые обрубки иголок испускали последние струйки дыма. Миша опустошал уже восьмой стакан виски со льдом, но спасительная алкогольная эйфория так и не наступала, а разговор с Матвеем не выходил из головы.

Последнее время дела шли удивительно паршиво: он провалил уже третье задание у Матвея и одно у Гавра, таблеток катастрофически не хватало, а голод ощущался всё сильнее. В самой последней заначке осталось не больше пяти таблеток, а ещё половинка была приклеена к бардачку в машине. После этого – всё. Голод. Отчаяние. Смерть.

Миша искренне не понимал, почему так происходит. Всё вроде было как всегда, но только он вдруг стал менее быстрым, дальновидным и прозорливым, как будто бы фортуна просто отвернулась или нашла себе другого фаворита. Раньше всё было по-другому: ярче, веселее и зажигательней. Теперь же словно кто-то переключил режим съёмки на камере, и жизнь плавно превращалась в унылую сепию.

Он поднял палец, подавая знак бармену принести ещё стакан, и закурил сигарету. Мозг, измученный голодом и хронической усталостью, не хотел работать и соображать, но необходимо было понять, что идёт не так. Честно говоря, ему уже не хотелось браться за новое задание, поскольку сильнейший страх неудачи сковывал движения и мысли. В какой-то мере он чувствовал себя импотентом, который спустя несколько неудачных попыток начинает избегать любых контактов с женщинами, как будто кто-то из них может узнать о проблеме и посмеяться.

Миша прекрасно осознавал, что в последнем задании приложил максимум усилий, чтобы клиент выжил, но он всё равно умер. Глупо звучит, но другого объяснения не было. Как будто само мироздание желало того, чтобы он умер самым нелепым образом. Ерунда какая-то.

Он даже помнил, как всё началось, отлично помнил первую неудачу, когда должен был заставить одну женщину завести ребёнка и уже собственно это сделал, уже даже прекратил за ней наблюдать, но тут почему-то она погибла, причём утром и совсем рядом с домом. Эта ситуация выбила его из колеи. Миша проникся странной симпатией к ней с её мелкими заботами и неурядицами, в душе проснулась глухая тоска по жизни, которой уже никогда не будет. И, видимо, это и помешало проверить все линии судьбы и вероятности досконально, найти ту самую, блеклую и почти невидимую, которая могла привести к столь трагическому фина-

ду. Глупая, печальная ошибка. Но нужно было собраться и действовать.

Вдруг из печальных мыслей его выдернула подвыпившая особа с яркой размазанной помадой, которая, слегка покачиваясь, подошла к Мише и глухим голосом поинтересовалась.

– А не пригласите ли вы даму на танец?

Миша пришёл в замешательство. Затем профессиональным взглядом оценил претендентку, отметил женственную фигуру, грудь третьего размера и согласный на всё взгляд. Это вводило в определённое искушение и отказываться было жаль. Он вздохнул, достал из внутреннего кармана ручку, выудил из стопки салфетку, быстро написал номер и протянул женщине.

– Сейчас не могу. Позвони через пару дней – потрахаемся.

Он аккуратно отстранил незнакомку, натянул куртку и вышел на улицу. Миша давно понял, что самый лучший способ общения с женщинами – это предельная честность и полное равнодушие к их чувствам. По какой-то странной причине женщины воспринимали хамство как проявление брутальности и мужественности и сами тащили грубияна в кровать.

Закурив последнюю сигарету, он поспешил навстречу промозглой мгле. Прошёл один переулок, другой, постоянно оглядываясь. Его преследовало мучительное ощущение того, что за ним следят, как будто кто-то, неуловимый, словно тень, идёт нога в ногу. Миша уже даже ощущал затылком

дыхание тени и чувствовал пристальный взгляд, но каждый раз, оглядываясь, никого не находил.

– Что за херня! – Он выбросил окурок и ускорил шаг.

До квартиры оставалось совсем немного. Нужный адрес знали все, но все столь же упорно это отрицали. Ходить туда или как минимум афишировать это было совсем не принято. Но судя по тому, что сам хозяин квартиры называл её пристанищем страждущих, клиентов было много.

Когда Миша увидел знакомый подъезд, он оглянулся в последний раз и оставшийся отрезок пути преодолел бегом, молниеносно взлетел на пятый этаж и позвонил в дверь. В эту самую секунду квартира казалась спасением. Дверь мгновенно открылась, и на пороге появилось существо неопределённого пола.

– Привет, милаш! – проворковало оно, пропуская Мишу внутрь и закрывая дверь. – На тебе лица нет, пухляшенька.

Существо потрепало гостя по щеке, жеманно скривив губы.

– Отвали! – Миша резким движением отстранил руку и выдохнул. – Водка есть?!

– Фи, водка! Только вермут.

– Тащи!

Гость быстро снял обувь, прошёл в комнату и бухнулся на необъятный диван.

Помещение представляло собой странную эклектичную смесь костюмерной театра музкомедии и буддистского хра-

ма с лёгким налётом провинциального шика. Повсюду в беспорядке валялись разноцветные парики, аляпистые наряды, боа и блёстки. На потёртом комодке восседала пара скульптурных изображений Будды, а на полках в углу стояла миниатюрная пагода. Потолок был завешен многочисленными ловцами снов и полосками с китайскими иероглифами. В комнате витал сильный спёртый запах благовоний. Довершал картину огромный жирный кот, недовольно покосившийся на гостя со спинки дивана.

Вскоре на пороге появился хозяин, который принёс хрустальный графин и две чашки с цветочным узором. Как ни странно, хозяин идеально гармонировал с окружающим пространством: ядовито-зелёные безразмерные шаровары, напоминавшие юбку, придавали весомости тщедушной фигуре; узкий торс обтягивала майка, под которой угадывался бюстгальтер; сверху была надета шерстяная, видимо, бабушкина кофта с красными розами и фиолетовый блестящий шарф. Жидкие белёсые волосы были собраны в пучок, а глаза казались огромными из-за длинных накладных ресниц. Звали это существо Захария, и с первого взгляда было сложно поверить, что он умел предсказывать будущее, ну или прекрасно делал вид, что умеет.

При жизни Захарию звали Кешей, и он был обычным советским спекулянтом, который из-под полы химчистки торговал заграничными духами и кожаными женскими сапогами. Бизнес процветал, объёмы росли, но ни одна проверка

чудесным образом ничего не находила. Кеша, благодаря экстрасенсорному дару, открывшемуся в раннем детстве, каждый раз умудрялся спрятать товар вовремя и выйти сухим из воды. Конечно, затем дела пошли хуже, он начал попивать, а закончилось всё тем, что сосед-алкоголик в пылу ссоры прирезал Кешу кухонным ножом, но зато «каким было начало».

Теперь в новой, как он сам говорил, «просветлённой» жизни дар усилился, и он мог зарабатывать себе на жизнь предсказаниями разной степени важности. Дар помогал ему не привязываться ни к одному из Домов, но при этом со всех получать таблетки и жить припеваючи. Основными клиентами были неудачники, чьи дела шли плохо и которые остро нуждались в поддержке и надежде. Но бывало, что и проводники захаживали, когда нужно было получить особо ценную информацию. Об этом Захария предпочитал не распространяться.

С Мишей же они были старыми знакомыми, более того, гость однажды спас предсказателя от бурного гнева Гавра, и с тех пор между ними установились почти приятельские отношения.

– Какими судьбами? – проворковал Захария, расставляя посуду на низком плетёном столике.

– Да даже не знаю, с чего начать. Хреново всё как-то. Сам-то как? Что видно? Что слышно?

– Ой, я в своей глуши сижу и ни про кого ничего не знаю... – кокетливо отмахнулся бывший спекулянт. – Так, зайдёт

иногда кто-то, цветы вон подарит или ещё что...

Он кивнул в сторону букета роз, стоявшего на туалетном столике. Его жеманные манеры и игра то ли в гея, то ли в женщину порой сильно раздражали, но Миша, как и многие, был готов закрыть на это глаза в обмен на полезную информацию. Хотя на ночь он в этой квартире никогда не оставался.

– Да ладно тебе прибедняться! – открыл бутылку Миша и принялся наливать вермут. – Запивки-то нет?

– Сейчас. – Захария ушёл на кухню, покопался там какое-то время и принёс бутылку дюшеса, палку колбасы и плавленый сыр.

– Не густо... Ну и то хлеб.

– Рассказывай давай! – Захарии не терпелось услышать то, о чём Миша хотел поговорить. Вернее, он с детским нетерпением хотел проверить, правильно ли ему кажется.

– Да не знаю, Зах. Говно всё! – протягивая чашку, чтобы чокнуться, начал Миша. – Давай за жизнь!

Он залпом осушил бокал, запив лимонадом прямо из бутылки, поморщился и продолжил:

– Работа вообще не клеится. Заваливаю задания. Матвей, сука такая, зуб уже точит. И, главное, задания-то верняк были. Ну железные просто. Но все завалил! Подчистую. А ещё чувство странное, как будто следит кто-то. Вот иду и прям слышу шаги чьи-то, оборачиваюсь – а там нет никого. Хоть убей!

Миша облегчённо выдохнул и принялся снова разливать алкоголь. Захария задумался, слегка покачиваясь на стуле, затем отрезал здоровый ломоть колбасы и заговорил:

– А задания все на жизнь-смерть были?

Миша яростно закивал, обрадованный реакцией приятеля.

– И все линии судьбы были чистыми? Судьба была определена?

Миша вновь яростно закивал и выпил вторую чашку.

– Печально, печально. Ты уже не первый, кто приходит с темой странных смертей.

– А кто ещё? – Миша перешёл на шёпот и инстинктивно растянул сферу тишины.

– Миш, пойми, я не могу говорить... – кокетливо начал предсказатель. – Меня ценят за конфиденциальность, ты ж понимаешь...

Он посмотрел на собеседника сквозь опущенные ресницы, проверяя реакцию.

– Гадом буду, ты меня знаешь, Зах! Я в долгу не останусь! – ударил себя в грудь Миша. Алкоголь начал наконец действовать.

– Я не должен этого говорить, но ко мне приходили проводники и интересовались... ммм... разными возможностями. Кажется, затевается что-то большое. Большая игра, понимаешь? – Он перешёл на еле различимый шёпот. – Кое-кто решил пойти ва-банк и всё изменить. Для этого нужен

серьёзный повод. Я ещё не уверен какой, но на кону точно будут очень большие ставки. Очень большие, понимаешь? И всё будет зависеть от нескольких людей. Расклад сил и наше существование может кардинально измениться. Мы вообще можем исчезнуть.

– Ты это... видел?

– Видел, частично. Но там силы будут задействованы просто страшные. Ни одному проводнику не снились. Я не могу ясно увидеть картинку. Мешают. Но проводники будут играть точно не последнюю роль в этом, хотя в итоге решать все придётся не им.

– Ещё бы! – усмехнулся Миша. – Они нашими руками жар-то загребать любят.

– Не в этом суть, Миш, – покачал головой предсказатель и стал вдруг очень серьёзным. – Мы очень погрязли. Не понимаем, забыли, зачем живём. Нам надо очиститься, вспомнить, зачем пришли сюда. Наша жизнь должна сильно измениться. Мир должен измениться. На грани он будет. Либо погибнет, либо сильно изменится. Это урок для всех нас, который мы должны понять...

– А можно это как-то предотвратить? Можно же уже что-то сделать? Ну хоть что-нибудь? – Миша нервно сглотнул.

– Миш, ты уже всё сделал. Девчонка была только первой жертвой.

Глава 9

На следующий день Лёшу разбудила уже одетая, неприлично бодрая и готовая к выходу Лика. Она похлопала его по щекам, и, игнорируя возмущения, ехидно поинтересовалась:

– Я уезжаю. Мне нужно нанести визит вежливости одному неприятному типу и взять у него должок. Вполне вероятно, что я уже не вернусь. Поедешь со мной?

– Заманчивые у тебя предложения, однако... – Сонный Лёша сел на кровати и, широко зевая, почесал взъерошенную макушку.

– А то! Фирма веников не вяжет! – весело ответила Лика, подходя к зеркалу и оценивая причёску.

Лёша ещё раз широко зевнул и накрылся с головой одеялом, оставив открытым только лицо.

– А по поводу не вернуться – это преувеличение?

– Ну как тебе сказать... – Лика оглянулась на него. – В прошлый раз уход отсюда стоил мне пять таблеток и недельное восстановление правой руки.

Лёша удивлённо хмыкнул.

– А оно тебе точно надо?

– Это вопрос престижа и профессиональной этики. По его приказу, Илья пытался мне помешать. По негласному правилу, он мне теперь должен тридцать таблеток, если я, конечно, смогу его убедить их отдать.

– Занятная у тебя работа... – Лёша встал с кровати и потянулся. – А меня тоже убьют, если что?

– Если повезёт, – бросила через плечо Лика и направилась в сторону прихожей.

Лёша постарался отогнать от себя неприятные мысли и быстро начал одеваться.

– И что же это за тип? – поинтересовался Лёша, пока они отъезжали.

– Аарон – проводник, глава Дома Кота.

– А почему названия Домов такие странные, нелепые: Кот, Гарпия, Волк? Что за зоопарк? – сморщился Лёша.

– Это условные названия. Просто у каждого Дома есть свой герб: некий абстрактный символ, который ассоциируется с этим домом. Они очень древние, и их историю не помнит никто, но самим гербам придумывают разные интерпретации. Вот, например, Аароновский напоминает кошачью морду. А наш похож на крылатого черта или гарпию. Но версий много. Матвей вообще напоминает старого костлявого чёрта. Та ещё сволочь!

– Мне почему-то кажется, что вы тут все друг друга не слишком цените.

Лика чуть оттопырила губу в задумчивости и затем утвердительно покивала:

– Да, пожалуй. Здесь есть те, кто хочет тебя убить, те, кто может тебя убить, и те, кто совмещают оба понятия.

– И к кому относится Аарон? – уже догадываясь, на вся-

кий случай уточнил Лёша.

– К тем, кто может нас очень легко убить, и тем, кто по-настоящему хочет это сделать.

– А почему он на тебя так взелся?

– Сначала я ему просто не нравилась за строптивость и непокорность, порядком ему поднадоела, и он приказал меня убить – у него не получилось. Он попытался ещё раз – опять не получилось. В целом это уже дело принципа. Пока мне везёт, но однажды удача может подвести.

– Печаааально... – снова зевнул Алексей, несмотря на то, что спал он сегодня очень долго. Видимо, новообретённая жизнь давалась его организму с трудом. Зато он нашёл ответ на главный вопрос для себя: верить во все происходящее или нет. Сны или галлюцинации никогда не затягивались на второй день, и уж тем более в них никогда не спят и не просыпаются, поэтому, скорее всего, это всё-таки происходило на самом деле. Конечно, даже по его собственному мнению, это достаточно сомнительное обоснование истинности происходящего, но другого-то всё равно не было. Может, он и сошёл с ума, но, кажется, воспринимать события как данность было единственно правильным решением.

– А вот и приехали.

Машина остановилась напротив новомодного небоскрёба, похожего на многоглазое чудовище, протянувшее стальные когти балок к ничего не подозревающим прохожим. Чёрные груды гранита чередовались в нём с полосками бле-

стящего металла, придавая дому хищный вид. По тёмным глазам-провалам бегали кроваво-красные блики, отбрасываемые огромной полуобнажённой неоновой дивой – вывеской ночного клуба, находившегося на первом этаже и привлекавшего толпы обеспеченных мужчин.

– Так себе архитектурка, – оглядев здание, констатировал Лёша.

– Да, тяга к прекрасному не его сильная сторона.

Они обошли здание, отыскивали неприметную серую дверь в отдалении от основного входа и вошли внутрь.

Сразу же оба упёрлись в длинный деревянный стол, за которым сидел мужчина плотного телосложения, одаривший их крайне неприятным взглядом исподлобья. Второй в глубине комнаты смотрел комедийное шоу, то и дело сотрясая стены громогласным хохотом. Первый внимательно оглядел пришельцев и бесцеремонно поинтересовался:

– Чё надо?

Лица сделала шаг вперёд. Здесь она выглядела напряжённой и вместе с тем собранной. Уверенные движения выдавали спортсмена, приготовившегося мгновенно сорваться и броситься в атаку, как только он услышит сигнальный выстрел. Лёша позавидовал её умению в одну секунду переходить из спокойного состояния в режим боевой готовности.

– Мне нужен Аарон, – отчеканила Лица, смотря прямо в глаза охраннику.

При этих словах его напарник оторвался от просмотра те-

левизора и быстро направился к ним.

– А, Лика! Давно тебя не было видно, – мерзко ухмыльнулся он. – Ты как дворняжка, ничего тебя не берёт. Долго лапу зализывала?

Он выразительно посмотрел на её руку.

– Не очень, воспоминания о том, как вы от меня сбежали, способствовали выздоровлению....

– Рискуешь... – Охранник сплюнул на пол и кровожадно посмотрел на Лику.

– Я пришла не драться, а получить долг, – спокойно продолжила она.

– Ты то ли смелая, то ли с мозгами не дружишь... – заржал второй.

– Всего понемногу.

– А это что за пионер? – Охранник показал на Лёшу, от чего ему тут же стало не по себе.

– Это со мной. Не волнуйся, он не опасен, – отмахнулась Лика.

– Тебя Матвей нянькой заделал? – ещё более отвратительно заржал он.

– А вот это уже точно моё дело. Было приятно поболтать, мальчики.

Лика, убедившись, что на неё не собираются нападать, подошла к перегородке, резким движением подняла и вошла внутрь. Затем повернулась и бросила взгляд на Лёшу, давая понять, что он должен следовать за ней.

Охранники обалдело уставились на всё происходящее. Они явно не предполагали, что беседа закончится столь внезапно, а гостя, не спросив разрешения, пройдёт мимо.

– Эээ... ты...

– Я ненадолго! – вместо ответа крикнула Лика.

Они прошли весь холл, повернули и подошли к лифту. Лика нажала на кнопку. К счастью для Лёшиной нервной системы, лифт стоял на первом этаже.

– Фуууф! – пытавшийся казаться мужественным Лёша наконец расслабился, когда двое охранников остались за спасительными створками лифта. Его сердце уже давно билось в районе желудка. – Ты с ума сошла?

– Просто ИХ я убью, если что.

– Ааа... – протянул Лёша. – Вы мне напоминаете горилл: у кого больше палка, тот сильнее и выкобенивается.

– А разве у людей не так?

Лёша собирался возразить, но лифт остановился. Лика задержалась на несколько секунд, над чем-то задумавшись, потом вышла и внимательно огляделась.

– Их десять, по-настоящему опасны трое, так что не высовывайся.

– Точно не собирался, – со всей искренностью, на которую был способен, заверил Лёша.

Лика подошла к двери, ведущей в следующее помещение, расправила плечи и решительно повернула ручку.

– Я же говорил, что ты ко мне ещё вернёшься, – раздался

холодный голос молодого мужчины, стоявшего у окна впол-оборота к гостям.

Он повернулся, и Лёша произвольно поёжился. Это был стройный человек с длинными светлыми волосами, спускавшимися волнистыми прядями на плечи. На его бледной синеватой коже не было заметно ни одного изъяна, неровности или следа щетины. Она напоминала первый снег, внезапно покрывший землю идеальным покрывалом. От взгляда тёмных глаз становилось неуютно, казалось, этот человек знает обо всех твоих проступках и пороках, и, более того, он их понимает и любит тебя именно за них. Тонкий аристократичный нос и пухлые розовые губы, слишком яркие для этого лица, то и дело расплывающиеся в порочной и сладострастной улыбке, лишь дополняли впечатление. Одет он был в лёгкий светлый костюм, а в тонких пальцах сжимал стакан с красным напитком.

– Я не могла заставить тебя долго скучать, Аарон, – отозвалась Лика.

Её голос прозвучал спокойно и уверенно, но Лёша отметил, что от прежней агрессивной решительности в голосе не осталось и следа.

Лёша осмотрелся. Они были в гостиной или каком-то её подобии, оформленном в восточном стиле: красные обои на стенах и чёрная низкая мебель, плетёные циновки и японские гравюры. В комнате было ещё три человека: две девушки – блондинка в красном коротком платье и шатенка в чёр-

ном брючном костюме – а также брюнет в халате, стилизованном под кимоно. Но они все держались поодаль и делали вид, что не замечают пришедших.

– Рад, что ты испытываешь ко мне столь тёплые чувства. – Аарон размеренными шагами направился в сторону Лики и Лёши.

С каждым его шагом сердце Лёши всё сильнее сжималось от чувства кромешного ужаса. Но, словно передумав, Аарон остановился, сделал глоток, поставил бокал на столик и сел в кресло лицом к Лике. Лёша судорожно выдохнул. Аарон стал пристально и нагло исследовал взглядом Лику, скрупулёзно останавливаясь на каждом кусочке её тела с жутковатой полуулыбкой. Казалось, он ждёт реакции, надеется, что Лика смутится или попытается остановить. Но та продолжала стоять с невозмутимым видом, будто ей не было никакого дела до происходящего. Только, как показалось Лёше, её грудь начала подниматься и опускаться чаще.

– Кажется, ты немного набрала в весе, – прокомментировал проводник. – Тебе не идёт. – Его алые губы слегка искривились.

– Ар, мне приятно, что кто-то следит за моим здоровьем... – оценила Лика, едва заметно отступив назад.

Лёша в очередной раз позавидовал Ликиной стойкости, сам бы и пяти секунд не выдержал этот подавляющий взгляд. Он смотрел то на Аарона, то на Лику, стараясь угадать, что же происходит и кто первым прервёт повисшее молчание, но

казалось, что эти двое уже потеряли связь с реальным миром.

Наконец, Аарон улыбнулся чуть шире, посмотрел в глаза собеседницы и уточнил:

– И что же заставило тебя ко мне прийти?

– Долг. Илья пытался мне помешать. Я пришла за оплатой.

Аарон вздёрнул правую бровь, изобразив удивление.

– Сладкая моя, я-то тут причём, а если бы и был, то с чего я буду тебе платить?

При этом обращении её губы едва заметно искривились.

– Если ты не оплатишь, я могу убить столько твоих людей, сколько понадобится для оплаты долга.

– Ха-ха... – Аарон посмотрел на неё с насмешкой и даже презрением. – В моём Доме? Даже если ты кого-то убьёшь, то туда им и дорога – слабаки мне не нужны.

Лица чуть сощурилась, решая, стоит ли ввязываться в спор, потом произнесла, рассматривая свою перчатку без пальцев.

– Я предполагаю, что убила бы девять из десяти здесь присутствующих. На тебя, признаю, силёнок у меня пока не хватит, но кто знает, что будет однажды? – Она бросила взгляд на Аарона, оценивая его реакцию. – Но оставим войнушку на другой раз. Вместе с моими тридцатью дозами ваш долг нашему Дому составляет пятьсот тринадцать таблеток, а это, как ты знаешь, критическая норма. Матвей вправе созвать

Совет и вызвать тебя. Он уже в курсе, так что рекомендую отдать мне всё.

Аарон на секунду поменялся в лице, затем чуть прикусил губу и с довольным выражением лица медленно произнёс:

– Порой даже не знаю, от чего бы я получил удовольствия больше, если бы собственноручно перерезал тебе горло или имел бы тебя так долго и так жёстко, что ты бы предпочла сдохнуть.

Трое, стоявшие поодаль, удивлённо оглянулись на Аарона. Лица помедлила, растерявшись, и наконец выдавила из себя:

– Надеюсь, это останется тайной для нас обоих. Я хочу свои таблетки.

Аарон повернулся к блондинке:

– Принеси тридцать таблеток и быстро.

Блондинка эффектно продефилировала в соседнюю комнату и вернулась с небольшим мешочком. Она протянула его Лике, настолько сильно сжимая пальцы, что той пришлось его буквально вырывать. Лица открыла мешочек, пересчитала содержимое и удовлетворённо кивнула:

– Спасибо. С Домом Кота всегда было приятно иметь дело.

Аарон довольно хмыкнул.

– Ты слышала что-нибудь про убийства? – вдруг серьёзным тоном спросил он.

– Про то, что кто-то убил уже несколько человек, но из

наших никто не признаётся?

Он кивнул.

– Слышала, но ничего интересного. Заданий у меня не было, – равнодушно ответила Лика.

– Захария предсказал, что будет много смертей.

Она сморщилась.

– Ему только дать волю, у него конец света каждый год, как по расписанию. Старый алкаш.

– Может быть, но будь внимательна, мало ли...

– Конечно, – пристально глядя в глаза Аарону, ответила Лика. Затем резко повернулась, взяла Лёшу под руку и потащила его прочь из комнаты.

Глава 10

– Зачем ты отдал таблетки? – Блондинка, изящно качая бёдрами, подошла к Аарону и опустилась на ручку кресла. – Ты же думал создать пару неприятностей их Дому. Мы сейчас гораздо сильнее. Долг был бы прекрасным поводом.

Она скрестила ладони у него на плече и положила на них подбородок. Её томный взгляд и низкий грудной голос отдавался в тишине комнаты гулким таинственным эхо. Аарон задумался:

– Нет, не время. Этого старого лиса нельзя недооценивать. Кто-кто, а он своего точно не упустит. У него всегда целая колода козырей в рукаве.

– И эта мерзавка – один из них? – раздражённо бросила блондинка.

– Не думаю, что она, но что-то точно есть. Матвей всегда учитывает то, что другие не замечают или игнорируют. Недаром он держится дольше всех.

– Матвей старше всех проводников?

– Не факт, что старше, но проводник – он точно дольше всех.

– И вы с ним давно воюете? – Она наклонилась, убрала волосы и начала медленно целовать его шею.

– Нет, просто у нас есть непримиримые противоречия, – загадочно улыбнулся Аарон.

Блондинка спускалась ниже к его груди, оставляя за собой блестящую влажную дорожку. Но Аарон, сидевший в задумчивости, совершенно не замечал ласку. Она на секунду оторвалась и прошептала со злостью.

– И Лика – одно из этих противоречий. Когда ты её наконец прикончишь?

Аарон ухмыльнулся, крепко взял любовницу за шею, повернул лицом к себе и прорычал:

– Да, Наама, она одно из этих противоречий... – Он страстно выдохнул и чуть оскалил зубы. – Ревность делает женщин крайне сексуальными...

Проводник сильнее сжал девичью шею, почти перекрыв доступ кислорода, так, что Наама оказалась в его полной власти и замерла в неподвижности.

– Поверь, я бы сделал очень много, чтобы заполучить эту девчонку в свой Дом, и не только из-за её симпатичной мордашки. Но скоро она окажется очень слабой. Тогда у тебя будет шанс поквитаться, если конечно... – Аарон прикусил нижнюю губу. – Мне она быстро надоест.

Глава 11

Они быстро покинули здание и вышли на улицу. Этот Дом произвёл ещё большее впечатление, нежели предыдущий. Лёше всё меньше нравилась ситуация, в которой он оказался, и он с тоской подумал о религиозных концепциях загробного мира. Конечно, подписаться на вечные муки он был не готов, но хотя бы определённости обстоятельств и правил игры его бы порадовала. Как-то сразу понимаешь, где и за что оказался, а в этой ситуации определённой и простотой и не пахло.

– Малоприятный тип, – бросил Лёша, указывая большим пальцем на здание позади себя.

– Поверь, не самый худший вариант. Он хотя бы не убивает ради банального удовлетворения собственного эгоизма.

– А есть и такие?

Лица ухмыльнулась, но промолчала.

– Ладно, мне работать пора.

– У тебя ещё и работа сегодня запланирована? – удивлённо переспросил Лёша.

– Ну да, естественно, я и так уже задерживаю заказ из-за тебя. Но нам, кстати, недалеко отсюда, всего минут пятнадцать ходьбы. – При этом Лица вытащила одну таблетку из мешочка, полученного от Аарона, и закинула в рот.

– А мне они не нужны? – невинным тоном поинтересо-

вался Лёша.

– Нет. Обычно новички тратят таблетку на два дня поддержания жизни. Схватки и задания требуют дополнительных доз. Ты свою съел вчера. Ещё одну получишь завтра.

– Но почему завтра?! – возмутился он.

– Надо учиться экономить. Сразу приучай себя к ограничениям. Потом скажешь спасибо. С опытом и течением времени расход энергии меняется: кто-то начинает тратить меньше. Кто-то больше. Но дольше живут именно экономные. Лучше быть в их числе.

– Я точно выживу?!

– Должен, – равнодушно отозвалась Лика. – На заданиях я всё равно тебе помогаю. Так что таблетки надо есть не тебе, а мне.

Лёша насупился, но промолчал и пошёл следом.

– Работа сегодня несложная, но потрудиться придётся. – Она сунула руку за пазуху и из внутреннего кармана куртки вытащила бумажную папку.

– На, изучай.

Лёша неуверенно взял папку и открыл первую страницу. Папка оказалась чем-то вроде личного дела молодого человека Кутузова Романа Андреевича тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, проживающего в Санкт-Петербурге по адресу улица Кораблестроителей...

– Что это?

– Ты читай, читай и поосторожнее на поворотах! – Лика

схватила Лёшу за рукав и притянула к себе, помогая ему избежать столкновения с представительным господином, спешившим к цветочному магазину. Лёша нахмурился и приподнял папку так, чтобы видеть и дорогу, и текст.

Родители в разводе, отец-алкоголик, умер семь лет назад, мать бывшая медсестра, сейчас на пенсии. Роман закончил биологический факультет, работает на кафедре в вузе, живёт вместе с мамой в трёхкомнатной квартире, доставшейся в наследство. Не пьёт, не курит. В армии не служил по состоянию здоровья. Уже четыре года находится в крепких романтических отношениях с Тульковой Ларисой Геннадьевной, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, которая работает бухгалтером в фирме своего отца.

К записи прилагались фотографии. Молодой человек, очевидно, Роман, обладал достаточно типичной, но в то же время приятной внешностью. Короткие тёмные волосы, узкое лицо, большой нос с горбинкой и тонкие губы. У него были добрые глаза и мягкий взгляд, благодаря которому Роман производил благоприятное впечатление, хотя и сразу было понятно, что приличных денег он не зарабатывает.

Его возлюбленная скорее относилась к «девушкам модельной внешности»: высокий рост, длинные ноги, стройное, хотя и угловатое и немного непропорциональное телосложение, чёрные волосы, доходившие до середины талии, аккуратное лицо с чуть вздёрнутым носом, милая улыбка с ямочками на щеках и голубые лучистые глаза.

– Хм... и что дальше? – недоумённо поинтересовался Лёша.

– Никогда не хотел почувствовать себя купидоном? – хитро отозвалась Лика.

– Ты о чём? – Он удивлённо выпучил глаза, отчего, потеряв контроль, чуть не врезался в маму с ревушим ребёнком. – Ой, простите! – пролепетал Лёша и поспешил догнать Лику. Его уже бесило, что постоянно приходилось бегать за наставницей, догонять или разговаривать с удаляющейся спиной, а передвигалась она чертовски быстро.

– Так про что ты? – Он наконец-то поравнялся с Ликой.

– Я о том, – не сбавляя скорости, пояснила она, – что наша задача – заставить этих ребят остаться вместе. Сейчас, если бы ты повторил вчерашнее упражнение и посмотрел на их карту жизни, ты бы увидел, что они оба стоят перед выбором: убийство или кража.

Они подошли к многоэтажной новостройке. Лика оглядела здание и указала на третий подъезд.

– Нам на шестой... – и опережая вопросы, продолжила: – Здесь на седьмом этаже живёт Лариса.

Они остановились у домофона, Лика бросила внимательный взгляд на панель, в ответ та жалобно запищала, и дверь тут же открылась. Они вошли внутрь.

– Лифт не работает, пойдём пешком.

Она начала подниматься по лестнице, быстро перешагивая через две ступеньки, и продолжила:

– Мама Романа тяжело больна. Ей предстоит серьёзная операция, нужно пятьсот тысяч рублей. Денег, естественно, у него нет. Возможности занять у друзей тоже нет: трое уже отказали, а двое могут дать в сумме восемьдесят тысяч. Остаётся ещё много. Он понимает, что быстро эти деньги не отдаст, просто потому что маме нужен будет тщательный уход после операции и куча лекарств, требующих ещё больше денег. Родственников тоже нет, при этом далеко не факт, что операция что-то даст – приличный возраст. Вполне возможно, она не переживёт операцию. Лариса из обеспеченной семьи, но её отец против отношений с Романом и денег давать не хочет. Она может слегка подделать бухгалтерскую отчётность, и у неё появятся деньги. Отец, скорее всего, этого даже не заметит, но поступок сам по себе малоприятный. И сейчас она не может решить, что делать.

Они остановились на площадке, и запыхавшийся Лёша поинтересовался:

– И что же ей делать?

– В наших с тобой интересах, чтобы она решила украсть эти деньги.

– Это спасёт его маму?

– Нет. Она умрёт, – прислонившись к стене и сосредоточенно глядя в окно, отозвалась Лика.

Лёша смутился. Не хотелось вмешиваться в чужую судьбу.

– Но они же всё равно останутся вместе?

– Да, на ближайšie два года. Потом расстанутся, она вый-

дет замуж за другого, детей родит, если будет умницей.

– А её отец?

– А что её отец? Он-таки обнаружит кражу, выгонит дочь из дома. Она уйдёт жить к Роме, они поживут и поймут, что, мягко говоря, не созданы друг для друга.

– Ну... ну... а зачем тогда? – обиженно переспросил Лёша, по-детски поджав губы.

Она бросила на него недоумённый взгляд:

– Это наша работа. Жить нравится? Нравится... Так что работать тоже надо.

Лица прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Лёша отвернулся, пытаясь найти хоть какие-то аргументы, чтобы поспорить, заставить её задуматься и, может, всё изменить. Но по ауре спокойствия и невозмутимости, исходившей от неё и осязаемой на физическом уровне, было очевидно, что только он видит в этом нечто неправильное.

– И как ты хочешь это сделать? – обречённо и печально поинтересовался Лёша.

– Мы не можем напрямую влиять на людей или влезать в их сознание, они защищены, но мы можем их подтолкнуть к той или иной черте, дать некий намёк, создать такие обстоятельства, в которых выбора почти не останется. – Лица потёрла переносицу и задумалась.

Лёше это всё совершенно не понравилось. Он уже хотел отказаться, но Лица бесшумно подошла, осторожно и нежно взяла за голову, приподнялась на цыпочки и заглянула в

глаза. Он, не понимая, что происходит, уставился на её лицо: бледную, почти прозрачную кожу с точечками озорных веснушек, тонкий аккуратный нос, пухлые губы и огромные тёмные провалы зрачков, которые буквально затягивали внутрь окружающее пространство. Стало совсем не по себе, и он попытался отступить назад, но голова закружилась, и мир превратился в смешение цветовых пятен.

В следующее мгновение Лёша уже ощутил абсолютную лёгкость и, кажется, бестелесность и понял, что Лика опять вытащила его из тела, только теперь уже неким ускоренным способом.

«А предупредить было нельзя?» – ворчливо подумал он.

«Это слишком банально!» – отозвалось эхо в его сознании. К его ужасу, он даже мог представить то выражение, с которым Лика бы произнесла эту фразу, не будь она сгустком воздуха в пространстве. «Полетели к ней, посмотрим, что делать!»

Теперь Лёша удивительным образом чувствовал, что Лика рядом, но сейчас потихоньку отдаляется. Он быстро последовал за ней, хотя странное газообразное состояние организма всё ещё оставалось непривычным и диковатым.

Они быстро преодолели первый пролёт лестницы, где Лёше стало жутко, когда он случайно оказался над провалом между перилами и заглянул вниз. Висеть на такой высоте, имея никаких чувств кроме зрения и слуха, было жутко. Он в панике попытался прибавить скорости и как можно быст-

рее добраться до обитой светлым деревом двери, у которой уже зависла Лика.

«Постарайся расслабиться и представить себя видимым, а затем невидимым. Тебе нужно научиться делать это самому, а не под моим прикрытием. Сосредоточься на окружающем пространстве и представь себя вновь призраком», – пронеслось в голове.

Он постарался проделать эту манипуляцию с собственным воображением, но получилось как-то жалко. У него не было настолько развитой фантазии, чтобы подобные трюки давались легко и с первого раза.

«Или ты работаешь, или мне всё это надоедает и на ближайшую вечность ты остаёшься милым газообразным облачком, обитающим в подъезде на окраине города».

Этот способ мотивации сработал весьма успешно. Лёша смог собраться, приструнить воображение и представить то, что от него требовалось. На долю секунды он увидел, что превратился в облачко пара. По крайней мере, если он смотрел вниз, то видел пол гораздо более бледным и расплывчатым. И потом, напрягшись, смог вернуться к невидимости.

«Сразу бы так! – бегущей строкой пронеслось в сознании. – А теперь за мной, прямо сквозь дверь. Только внутри не застрянь».

«Многообещающее напутствие...»

Лёша уже был не способен увидеть, где находится Лика, но чувствовал, что она внутри. Он нацелился на дверь и по-

пытался максимально ускориться, чтобы как можно быстрее проскочить ненавистную преграду. Цвета и предметы опять на миг смешались, и, когда они вновь соединились вместе, Лёша оказался в центре небольшой прихожей. Мысленно он возликовал.

Помещение было вытянутым, из него вели три прохода: на кухню, в одну из комнат – видимо, гостиную – и короткий коридор, заканчивавшийся ещё одной комнатой. Квартира была обставлена и оформлена дорого, но безвкусно. В ней чувствовалась проблема большинства обеспеченных хозяев: деньги уже есть, а вкус или готовность доверить оформление профессионалам пока не появились.

Из дальней комнаты раздавались негромкие сдавленные всхлипы. Повинуясь природной доброте, Лёша устремился на звуки плача. В комнате на оранжевом диване, уткнувшись лицом в колени, сидела Лариса. Она тихо всхлипывала, путаясь в собственных волосах. Она выглядела милой и нежной и настолько трогательно плакала, что Лёше захотелось вернуться в тело и уже в реальном облике прийти к ней и успокоить.

«Нюни подбери!» – решила подбодрить Лика.

Лёша мысленно вздохнул и поинтересовался: «Ну и что дальше? Долго девчонку мучить будешь?»

«Вот не надо мне лишнего приписывать. Работа есть работа».

Лариса потихоньку начала успокаиваться, подняла голову

и посмотрела в окно, всё ещё подрагивая от нахлынувших эмоций.

«Она нас не увидит?»

«Нет, конечно. Смотри: наша задача – сделать так, чтобы она взяла деньги. Она девушка, а значит, существо эмоциональное. Нам же лучше. Мы должны создать такое эмоциональное состояние, что у неё фактически выбора не останется. Для начала посмотри на карту и найди наиболее вероятные события».

Лёша сосредоточился на Ларисином лице, пытаясь сконцентрироваться на карте судьбы. Через несколько секунд он почувствовал уже знакомое ощущение резкого сближения с чужой головой, попытался зажмуриться, но вместо этого увидел огромный экран с яркой линией жизни в центре. Сориентировавшись, он нашёл область, где яркая синяя линия разветвлялась.

«Вот, молодец, нашёл, теперь давай дальше».

Лёша чертыхнулся и уставился в бледную линию, чувствуя себя умственно отсталым бараном, узревшим новое архитектурное сооружение, но картинка постепенно увеличилась, и он смог подробно рассмотреть текущий отрезок её жизни. Тот напоминал верёвку с несколькими узелками, над каждым из которых висело небольшое оконце. Остановившись на одном из них, можно было увидеть событие, которое вскоре должно произойти. Присмотревшись, Лёша увидел звонок от отца, который решит поинтересоваться, какие

у Ларисы планы на лето и не хочет ли она съездить в Хорватию с родителями, «а то тут тур неплохой предлагают». Затем увидел Рому, который будет мяться у подъезда дома, но так и не решится зайти и навестить девушку; увидел статую ангелочка, неожиданно падающую с полки и разбивающуюся вдребезги, когда Лариса потянется за флакончиком духов; увидел связку ключей, которую она забудет, когда соберётся ехать на работу ближе к вечеру, и множество других мелких событий, составлявших её жизнь на ближайшие несколько часов.

От такого объёма данных стало страшно: Лёша не испытывал восторга от возможности получить всю информацию о человеке, а главное – от права решать, какой должна быть его жизнь и что он должен в ней выбрать.

«Ты всё увидел... Хорошо, но ты пока не умеешь сопоставлять эти события. Здесь наша работа похожа на эффект домино. Видел когда-нибудь, как одна фишка приводит в движение целые ряды, запускает огромный механизм, который продолжает движение так долго, как определил создатель в самом начале? Мы делаем так же. Люди всегда недооценивают важность мелочей и эмоций, крохотных деталей, полностью определяющих их выбор. Любое самое взвешенное решение может полностью развалиться, если натолкнётся на подходящее, но малозначимое на первый взгляд событие».

«То есть ты хочешь создать цепочку ситуаций, которые

сформируют её выбор?» – перебил рассуждения Лики Лёша.

«Именно... Ты, кстати, правильно расставил акценты в том, что увидел».

Лёша удивился тому, что что-то сделал правильно, хотя и совершенно не собирался.

«Нужно помешать её отцу позвонить, Романа заставить подняться в квартиру, ключи переместить в сумочку (в этой связке есть ключ от сейфа), не дать статуэтке разбиться, поскольку это его подарок и Лариса, скорее всего, подумает о плохом знаке».

«А это-то ты с чего решила?»

«Ты и не представляешь, к каким невероятным средствам люди, а особенно девушки, иногда склонны прибегать, когда не могут что-то решить».

«По-моему, это перебор».

«Да, ты явно никогда не понимал женщин, – с иронией констатировала Лика. – Для закрепления нужно, чтобы ей было Рому жалко. Начнём с квартиры».

Лёша не понял, каких действий Лика от него ждала, но почувствовал, что она отдаляется. Он ещё раз посмотрел на Ларису, в печальной задумчивости сидевшую на диване, но теперь уже прижимающую к груди мягкую игрушку, и полетел вслед за Ликой.

«Ты где?» – обратился он к пустой прихожей.

«Да, прямо перед тобой. Глаза разуй!»

«Но я же не вижу!»

«О, господи! Вспомни, как я выгляжу, и постарайся почувствовать. Я для тебя полностью открыта».

Лёша воскресил в памяти образ Лики и попытался отыскать его в пространстве.

«Теплее, ещё теплее. Холодно! Морозилка!» – Лика как всегда издевалась.

Наконец, разозлившись, Лёша различил смутный силуэт, который профессиональными движениями как раз обыскивал карманы красного пальто.

«Тебе не стыдно?» – возмутился Лёша.

«Ещё чего!»

Не найдя того, что искала, она перешла на белый пуховик, а затем и на норковую шубу. Наконец, порывшись в левом кармане шубы, она вытащила массивную связку ключей с плюшевым брелоком, придирчиво изучила и, удовлетворённая находкой, направилась к кожаной коричневой сумочке, стоявшей на журнальном столике, и бросила ключи внутрь.

Лика оглянулась на Лёшу, одарила его не слишком доброй улыбкой и, хитро подмигнув, направилась к полке, на которой в беспорядке валялись расчёски, разные женские аксессуары и никому не нужные статуэтки, подаренные на многочисленные праздники. Лика отыскала на полке полупустой флакончик духов и небольшую фигурку двух пухлых целующихся ангелочков и поменяла их местами. Затем она зависла в замешательстве и вновь посмотрела на Лёшу:

«А ты что стоишь глазёнками хлопаешь? Дуй в ванную за

жидким мылом или шампунем!»

Удивившись новой просьбе, Лёша всё-таки отправился в ванную, но быстро понял, что света там нет. Мысленно выругавшись, он вернулся обратно в коридор, где Лики уже почему-то не было, и отправился на поиски выключателя. Отыскав, он попытался нажать клавишу, но осознал, что это невозможно. Лёша сосредоточился и вновь протянул теперь руку к выключателю. Естественно, пальцы растворились в пространстве стены. Лёша в растерянности начал оглядываться по сторонам в поисках предмета, который мог бы помочь, но сообразил, что с ними будет та же проблема.

«Но у Лики же как-то получается», – подумал он и, уже ненавидя эту несчастную кнопку, сильно шарахнул по ней кулаком. К его удивлению на этот раз всё сработало, и в ванной загорелся свет. Лёша посмотрел назад, проверяя, не привлёк ли он внимание Ларисы, и поплыл в ванную. Там его ждало очередное испытание: огромное количество разнообразных флакончиков, баночек, тюбиков, пестрота и разноцветность которых стала бы достойным украшением любого парфюмерного магазина.

«Ну и какой брать?» – раздражённо поинтересовался у самого красного из них Лёша.

Тюбик предпочёл сохранить гордое молчание, пришлось хватать белый флакон, кажется, с гелем для душа. Обрадовавшись тому, что наконец-то справился с поручением, Лёша двинулся назад и, конечно же, столкнулся с новой про-

блемой: в отличие от него самого флакон был вполне материальной вещью и совершенно не собирался просачиваться сквозь стеклянную дверь. Поразмыслив, Лёша решил пойти самым простым путём и осторожно приоткрыл дверь, чтобы выскользнуть наружу.

«Что ты делаешь, идиот?!» – Возмущение Лики пронеслось вихрем в сознании. – «Она может это увидеть! Ты её до психушки довести решил?!»

Смущённый Лёша с максимально высокой скоростью просочился сквозь щёлочку сам и вытащил за собой флакон.

«А НУ СДЕЛАЙ ЕГО НЕВИДИМЫМ, ПРИДУРОК!» – Лика начинала выходить из себя.

Лёша сжался от страха, проклял чёртов флакон и, следуя ранее полученной инструкции, представил, что флакона в руке нет. Постепенно тот стал прозрачнее и полностью исчез. Лёша выдохнул с облегчением, поднял глаза и поймал на себе злобный взгляд Лики.

«Кажется, я понял, как встречаются жены алкоголиков наутро после долгой попойки», – сглотнул он и порадовался, что у Лики не было никаких тяжёлых предметов под рукой.

«Потом поговорим», – процедила она и направилась к выходу из квартиры.

Они быстро вернулись к своим телам, которые, как ни странно, стояли в том же месте, что и раньше, и о чём-то непринуждённо беседовали. Жутковато было смотреть на собственное тело, жившее отдельной жизнью.

«Это иллюзия, для защиты, расслабься».

Ли́ка быстро влетела в тело, Лёша, предвкушая разборки, последовал за ней. На этот раз процесс воссоединения прошёл гораздо приятнее и был похож на возвращение домой после изнурительной поездки.

«Так, пошли вниз!» – бросила Ли́ка и понеслась по ступенькам.

На первом этаже она остановилась в тёмном промежутке между входной дверью подъезда и началом ступенек. Как и во многих домах, днём подъезд не освещался, поэтому что творилось на полу на этом коротком отрезке пути, было совершенно непонятно.

– Давай тюбик! – Ли́ка требовательно вытянула ладонь.

Лёша молча отдал гель для душа, виновато шмыгнув носом. Ли́ка открыла тюбик, поднесла к лицу, чуть поморщилась, перевернула и с деловым видом начала разливать содержимое по полу.

– Ты что делаешь? – вытаращил глаза Лёша.

– Узнаешь...

Покончив с этим странным занятием, Ли́ка аккуратно положила пустой тюбик на пол чуть ближе к входной двери и, ещё раз довольно оглядев проделанную работу, отряхнула руки и пошла по лестнице наверх.

Лёша не решился ничего спрашивать, но всё это напоминало мелкое хулиганство. Ли́ка тем временем достала мобильный телефон, почему-то в розовом чехле с плюшевым

зверем в качестве украшения. Лёша удивился тому, что, видимо, все девушки равнодушны к этим мохнатым чудовищам.

– Это не мой, а Ларисы.

– Ты его украла?

– Фи, что за обвинения. Одолжила на время. Для её же пользы. – Она начала набирать сообщение.

– Что ты пишешь?

Они наконец дошли до пятого этажа и остановились у мусоропровода.

– «Люблю тебя, милый. Я очень соскучилась. Как мама?»

– Ты это отправишь Роме?

– Ага, рискованно, конечно, но они вряд ли будут выяснять, кто там и чего писал.

– Но это же враньё.

– Почему враньё? – удивилась Лика. – Она его любит? Любит. Скучает? Скучает. И даже о маме его беспокоится, так что всё чистойшей правда.

Она закончила набирать текст и нажала кнопку «отправить». Лёша обречённо вздохнул, понимая, что возразить, пожалуй, и правда нечего, хотя все его сознание «правильного мальчика» активно протестовало.

Они дошли до шестого этажа, когда Лика посмотрела на наручные часы, подождала несколько секунд и быстро набрала на мобильнике какой-то номер. Послышались гудки, затем кто-то на том конце несуществующего провода прият-

ным женским голосом произнёс:

– Алло.

– Это улица Гагарина, дом шестнадцать квартира сто три? – затараторила Лика почему-то мужским бюрократическим голосом.

– Да... – ответили на том конце.

– Тулькова Лариса Геннадьевна?

– Да, а кто это?

– Это вам ваш участковый, Сергей Петрович Малышкин, звонит. У вас тут пару дней назад соседей на девятом этаже обворовали. Вы были в четверг дома?

– Ой, плохо-то как. Да, была. Где-то с часу... до вечера...

– Голос Ларисы казался растерянным.

– Вы ничего не слышали, может, шумы странные? Мебель двигали?

– Нет, ничего не слышала. Я музыку слушала, так что вряд ли смогу вам чем-то помочь.

– Хм, ясно. А никого подозрительного не видели?

Лариса помедлила.

– Нет, никого не видела.

– А к вам никто не приходит? Гости, может быть?

– Нет, не приходил никто.

– Ну ладно, спасибо большое за информацию. Если вдруг что-то вспомните – позвоните.

– Хорошо... А звонить-то куда? – вдруг сообразила Лариса.

Ли́ка не стала утруждать себя ответом, повесила трубку и начала громко откашливаться, прочищая горло.

– И что это было? – устало спросил Лёша.

– Мне нужно было занять линию, чтобы отец до неё не дозвонился. У него переговоры скоро, он уже не вспомнит, что что-то хотел.

– То есть очередной спектакль?

– Это не спектакль, а наиболее эффективный метод работы. Кто-то людям ноги ломает, кто-то их вообще чуть ли не убивает, а я просто и ненавязчиво формирую матрицу незначительных событий, которые приводят к серьёзным последствиям. А вот, кстати, и наш Ромео...

Где-то внизу раздался писк домофона и звук тугих скрипучих петель. Ли́ка облокотилась на перила и посмотрела вниз. Послышался тяжёлый топот и лёгкие шлепки – человек, видимо, пытался стряхнуть снег, налипший на одежду и обувь, затем ещё несколько шагов и...

– Да чтоб тебя! – громко вскрикнул посетитель и рухнул в темноту.

– Йееес! – радостно сжала кулак Ли́ка и, оторвавшись от перил, направилась к ранее облюбованной стенке.

– Он там себе ничего не сломал? – неуверенно поинтересовался Лёша.

– Нет, только синяки, сломанные очки и помятое чувство собственного достоинства. Но ты можешь посмотреть сам, сосредоточься на нем и представь.

Лёша закрыл глаза, мысленно отправился на первый этаж и нарисовал в темноте распластанное тело. Постепенно сквозь мрак начала проступать смутная мужская фигура. Пострадавший, ругаясь и ворча, наощупь искал упавшие очки. Очки, раздавленные и непригодные к использованию, оказались под правым локтем. Стоя на коленях, он собрал все части, понял, что соединить их уже невозможно, и, ещё раз ругнувшись, сунул в карман пальто. Затем оглядел себя, понял, что испачкался в чем-то вязком, причём это нечто пахнет не то иланг-илангом, не то пачули, и попытался медленно встать. Процесс оказался весьма болезненным, поскольку Роман делал это очень медленно и пытаясь лишний раз не опираться на правое колено. Наконец, он справился с собственным телом и заковылял вверх по ступенькам.

Лёша открыл глаза, и видение рассеялось. Он посмотрел на Лику, та уже со скучающим видом подпирала собой стенку, затем порылась в кармане, достала леденцы, кинула один в рот и молча протянула упаковку.

– Нет. Спасибо. Как-то не хочется... – Лёша скорчил кислую мину. – И чего мы ждём?

Лица приложила палец к губам в знак того, что лучше помолчать, и с невинным видом заговорила:

– Да ты представляешь, потом Ирка ему такая: «Ну ты и козёл!» – И дала по морде, а он ей: «Сама, дура, виновата!» – Собрал шмотки и ушёл, а потом ещё эта стерва прилетела и давай с Иркой разбираться, почему это та с её парнем спит.

Нет, ну ты представляешь, с её парнем и спит?

Лёша быстро перестал слушать подробности личной жизни несуществующей Ирки. Он невольно прислушивался к тяжёлым приближающимся шагам. Было так неудобно и стыдно перед Романом и Ларисой. Они живут, радуются, плачут, что-то планируют, а оказывается, что их жизнь может развалиться по мановению чьей-то злой воли. Придёт вот такая Лика и сделает так, чтобы выбора у тебя не осталось, а самое главное, что ни они, ни даже она сама не узнает, кому это все было нужно и зачем. От этих мыслей становилось тоскливо, тем более что Рома начал подниматься к ним на этаж.

Его пальто испачкалось в грязи и пыли, ставшей вязкой от контакта с моющим средством, джинсы на коленке были разодраны, и в дырке проступила кровь. Рома близоруко щурился, пытаясь рассмотреть окружающее пространство и людей, чьи голоса слышал. Он морщился от боли в колене, которое доставляло массу неприятных ощущений при сгибании.

Лёше от этого всего стало ещё противнее, и он уже хотел подойти и помочь, но Лика его опередила:

– Ой, вас довести? – удивительно правдоподобно забеспокоилась она, подавшись вперёд, чтобы видеть Романа.

– Нет, нет, спасибо, – вежливо и как-то скованно отозвался тот. – Я упал, поскользнулся просто. Надо было меньше ворон считать...

Он улыбнулся очень доброй и немного извиняющейся улыбкой, как бы прося прощения, что вот он такой тут грязный и неуклюжий.

– Что вы, что вы! – затараторила Лика. – Я вам помогу.

С этими словами она слетела вниз по ступенькам и быстро схватила его под локоть.

– Обопритесь на меня, да, вот так. Лёша, что стоишь, помоги мне, не видишь, человеку плохо? – Праведности её гнева могла бы позавидовать любая оскароносная актриса.

Лёша медленно сошёл вниз и нехотя взял его за вторую руку.

– Ну что вы, право слово? – залепетал ещё больше смущённый Роман.

– Можете даже ничего не говорить. А вдруг у вас нога сломана? Аккуратнее же надо быть. Вот мой дядя однажды... – И она принялась рассказывать очередную выдуманную историю о том, как некий дядя однажды в ванной позвоночник сломал.

Под фантастические рассказы они дошли до уже знакомой двери. Лика нажала на кнопку звонка, послышались шаги, дверь открылась, и на пороге возникла заплаканная Лариса.

– Господи, что с тобой? – всплеснула она руками.

– Я упал, поскользнулся у вас тут, – попытался оправдаться Роман. – Прости, я не хотел.

– Ничего, ничего, всё будет нормально, – бодрым голосом заверила всех Лика. – Вот, садитесь сюда.

Она указала на небольшой пуфик, стоявший в прихожей. Они усадили пострадавшего, и виновница происшествия бросилась к его ноге, помяла её с деловым видом, пару раз согнула и разогнула, игнорируя стоны, и вынесла вердикт:

– Всё хорошо. Просто ушиб. Я зачёт по медицине в институте сдавала. День полежит и бегать будет. До свадьбы и шрама не останется, – хитро подмигнула она Ларисе.

– Спасибо вам огромное! – поблагодарила хозяйка квартиры. – Он у меня иногда совсем как ребёнок.

– Бывает. Ладно, мы пойдём, а вы больше не падайте. – Лика очаровательно улыбнулась, повернулась, чуть отошла к висевшим курткам, как бы пропуская Лёшу вперёд. Тот нехотя воспользовался приглашением, но, когда он проходил мимо, ему показалось, что в её руке что-то мелькнуло и тут же исчезло.

Дверь за ними закрылась, и уже не торопясь Лика начала спускаться по ступенькам.

– С боевым крещением тебя! – то ли подначивая, то ли поздравляя, бросила она.

– Спасибо, но в гробу я видел такое боевое крещение.

– Да ладно, не дуйся. Всё, что ни делается, всё к лучшему.

Глава 12

– Поехали поедим, а? Я такая голодная, – бодрым голосом предложила Лика, когда они вышли на улицу.

– А ты не будешь проверять, что все случилось именно так, как ты планировала?

– Я видела карту, она изменилась. Плюс у меня пятнадцатилетний опыт работы. Я в себе уверена. – Её самодовольство зашкаливало.

Они подошли к машине, которую уже присыпало снегом.

– Какую кухню предпочитаешь в это время года?

– Да мне без разницы, честно говоря.

– Отлично, тогда поедем, куда я захочу.

Через полчаса они остановились у уютной итальянской закусочной с милым домашним интерьером и обширным выбором всевозможных макаронных изделий. С порога их окутал неповторимый аромат Сицилии и Корсики.

– У тебя хороший вкус, – похвалил он.

– Это заведение принадлежит Дому Волка, а его глава знает толк в еде и кулинарии.

Они сели за столик. Лёша начал задумчиво изучал меню, хотелось попробовать абсолютно всё.

– Можешь не торопиться. Нам тут долго сидеть, – сказала Лика, высматривая свободного официанта.

– Ты мои мысли читаешь?

– Нет, в твоём случае это необязательно...

– Ну и заказывай тогда сама, – Лёша сердито отложил меню.

– Да без проблем.

Пока Лика делала заказ, Лёша пытался набраться смелости, чтобы задать вопрос, который мучил его уже второй день. Ему очень хотелось, но он был не уверен в том, что готов услышать ответ. Наконец, когда официант отошёл, Лёша решил, что, была не была, и судорожно выпалил:

– Почему ты возишься со мной?

– Ты – моё задание, я должна его выполнять.

– Но тебе даже за него почти не заплатят.

– Да, не заплатят... – задумчиво ответила Лика. – Матвею вообще лучше не отказывать, потом отдача замучает... Мне лучше сохранять с ним хорошие отношения.

– Но ты же всё равно могла бы отмазаться или как-то выкрутиться, – продолжал настаивать Лёша.

– Не уверена... Матвей не терпит, когда с ним спорят. Плюс, наверное, ты ему зачем-то нужен. Время беспокойное, многих убивают, лишние руки всегда пригодятся.

– Я какие-то не очень умелые руки.

– Это да... – произнесла она многозначительно. – Что ты ко мне пристал? Я откуда знаю? Мне сказали – я делаю. Ты что, хочешь услышать от меня о какой-то своей великой силе и огромном потенциале?

Она посмотрела на Лёшу и, увидев искорку надежды в его

глазах, рассмеялась:

– Не в этой жизни, дорогуша... Ничего в тебе особенного нет. Ни талантов к нашей работе, ни способностей. Я бы даже сказала, что вы, сударь, бездарь.

– Ты учишь меня, общаешься со мной, логично было предположить... – покраснел от смущения Лёша.

– Я учу тебя только за тем, чтобы ты мог выжить, таков был приказ. А нянчусь я с тобой... – Она запнулась. – Ты ещё человек, причём неплохой, хоть и мямля.

Лёша поднял палец в знак протеста, но Лика проигнорировала и продолжила:

– Я давно просто не болтала... и вот так не сидела в кафе. – Она опустила глаза. – Каким бы ты ни был, плохим или хорошим, ты пока не хочешь убивать. Особенно меня. Это ключевое достоинство в текущих обстоятельствах. Здесь немногие им обладают, так что постарайся сохранить это как можно дольше.

– Я никогда никого не убью! – резким и уверенным тоном ответил Лёша.

Лика усмехнулась:

– Я когда-то так же думала... Хотя нет, вру. Не думала. Я сразу решила, что не вернусь назад, и начала делать всё для этого. Сначала один, потом другой... А потом и терять-то уже стало нечего и падать ниже было некуда. Совесть и нравственность – вещи крайне гибкие, на самом-то деле... – Она задумчиво уставилась в никуда. – Сначала делаешь

что-то одно, даже не слишком-то и плохое, а потом ещё, ведь предыдущее-то ты уже сделал, и ничего страшного не случилось, а потом однажды просыпаешься и понимаешь, что погряз по самые уши и отмаливать грехи уже поздно, да и не очень-то и хочется, если подумать.

– Но ты же хорошая, я вижу. Ты не хочешь никого убивать... – тихо и чуть наивно возразил он.

– Это потому что у меня глаза честные? – попыталась пошутить Лика. – А что есть «хорошая»? Ты мыслишь стандартными категориями морали. Все эти нормы нужны обществу, чтобы проще было жить и этим обществом управлять. Совесть и мораль – управленцы похлеще любого КГБ, мало кто может от них избавиться окончательно, а если и может, то счастья это всё равно мало приносит. А здесь понимаешь, что привычных категорий добра и зла нет. Убийство может привести к спасению всей планеты, а честность может убить... И что лучше? Сложный вопрос. Люди делают выбор, что ими руководит, кто знает? Главная ирония этого – в том, что для принятия любого, а особенно жизненно важного решения, у человека нет достаточного количества информации. Человек, в силу ограниченности сознания, обилия вероятностей и неумения предсказывать будущее, не способен составить сколько-нибудь долгий план действий. Даже выпускник школы не может предугадать, сможет ли он стать хорошим врачом или полицейским, что уж говорить о морально-нравственных дилеммах. Пока ты му-

чаешься и решаешь, подставлять компаньона или нет, списав на него всю чёрную бухгалтерию, этот самый компаньон может избивать до полусмерти единственного сына, и твой обман может спасти жизнь маленькому мальчику. Разве не благо? Благо. А может быть с точностью наоборот... Поэтому люди часто обманывают, предают, убивают, насилуют, но одновременно спасают, жертвуют, любят, и все это примерно с одинаковой вероятностью приводит к хорошим или ужасным последствиям, так что по сути их выбор не имеет смысла.

– То есть можно творить любую фигню, и за это ничего не будет? – Лёша не мог скрыть разочарование.

– Что, сожалеешь о бесцельно прожитых годах? – ухмыльнулась Лика. – Судя по моим наблюдениям, наказание всё-таки приходит, не сразу, возможно, не в этой жизни, но оно приходит. Часто как поступил ты с кем-то, так же рано или поздно поступят с тобой, просто, возможно, в следующей жизни. Души как дети, они должны развиваться, и их, видимо, нужно воспитывать, а прочувствовать всё на собственной шкуре – это лучший метод обучения...

– Значит, если я кого-то убью, то в следующей жизни меня тоже убьют?

– Как показывает мой опыт, скорее да... Но я не знаю, насколько эта закономерность повсеместна, может, она и не всегда выполняется. Люди не могут вспомнить, что натворили в прошлой жизни и за что пришла расплата. А мы обыч-

но видим две-три последние жизни человека, так что сложно собрать, что там было в анамнезе.

Ей пришлось прерваться, потому что принесли еду, от одного вида которой кружилась голова. Они, не сговариваясь, прервали беседу и на несколько минут занялись пастой и мясом. Когда же первая тарелка опустела, Лёша, все ещё не прожевав и от этого чавкая, произнёс:

– А по какому принципу разделены сферы влияния Домов?

– Сложный вопрос. По сути – принципа нет. Задания могут попадаться в любой части света. Но проводники настолько друг друга ненавидят, что предпочли разъехаться по разным концам мира. Давид обосновался в Америке. Ева свалила подальше в Австралию. Остальные перемещаются. Только Аарон с Матвеем всё никак Питер поделить не могут, постоянно здесь сталкиваются. И дался он им!

– Понятно, ну это хотя бы кое-что объясняет...

– Да ни черта это не объясняет. Не загружай себе голову. Поверь, в этом мире чем меньше задаёшь вопросов и чем меньше думаешь, тем спокойнее живёшь, так что давай просто поедим, как самые обычные люди.

– Как скажешь...

Лица замолчала, положила очередной кусочек стейка себе в рот, бросила украдкой взгляд на собеседника, явно расстроенного, и немного покровительственно улыбнулась:

– Ладно, давай тогда поиграем. Здесь целый зал посетите-

лей, ещё куча персонала и администрации. А теперь попробуй мне сказать, сколько здесь всего людей, сколько из них мужчин, сколько женщин, а сколько таких, как мы с тобой.

Лёша удивлённо посмотрел на Лику, потом оглянулся по сторонам, прикидывая хотя бы порядок цифр, о которых может идти речь.

– Ты уверена, что я это смогу?

– Если бы не мог, я бы не спрашивала, – отрезала Лика.

– Попробую... только как?

– Ты уже всё умеешь, не халтурь, а то будешь натурой отрабатывать ужин. – Она поймала его ошеломлённый взгляд. – Нет, не со мной... а с поваром, это тебе первая подсказка. У геев нарушен баланс женско-мужской энергетики, поэтому они её восполняют.

Лёша закрыл глаза, расслабился и постарался отключить привычные чувства.

– Сконцентрируйся на энергии, которая исходит от каждого существа. От меня, тебя, окружающих.

Лёша начал размеренно дышать и попытался почувствовать то, о чём говорила Лика. Постепенно звуки замедлились, цвета окружающих предметов стали блекнуть. Но он почувствовал сильное энергетическое поле, которое исходило извне и как бы прижимало его к стулу. Это был холодный обжигающий ореол чистой энергии, причём остававшийся невидимым. Привыкнув к первоначальному напору, Лёша попытался определить источник, но чем активнее он пытался

ся, тем сильнее его отбрасывало назад.

– Ли́ка, это ты? – не надеясь на ответ, спросил он у потока.

– Да, я. Я закрылась, но со мной всё равно сложно. Посмотри кого-то другого.

Он кивнул, поддался давлению энергии, и его отбросило назад к противоположной стенке. Лёша оглянулся и увидел вокруг себя несколько разноцветных пятен, заметно отличающихся по интенсивности и насыщенности: маково-красное, светло-зелёное, шоколадное, лазурное и т.д. Они видоизменялись, перетекая из одного оттенка в другой, сливались и разъединялись вновь, как будто бы подчиняясь воле художника.

– Это люди. Менее яркие и маленькие – женщины, они почти не отдают энергию, а, скорее, собирают, а большие и яркие – мужчины, они энергию расплёскивают.

Лёша переходил от одного пятна к другому, переключая зрение с обычного на особое. Вот серьёзный седой бизнесмен, а вот уже яркое фиолетово-жёлтое пятно с коричневыми точками, вот – симпатичная блондинка в розовом, и пятно, как ни странно, тоже розовое... В зале он насчитал восемь мужчин и шесть женщин – посетителей, а также четырёх официантов и двух барменов.

– Я ближе к кухне, – сообщил он Лике.

– Не надо. Ты отсюда всё можешь увидеть, просто расширь границы.

Лёша сделал глубокий вдох и постарался заглянуть за сте-

ны. Через несколько мгновений количество пятен возросло, теперь он видел их ниже себя, выше, почти повсюду.

– Не настолько, ограничишься пространством кафе.

Лёша кивнул и представил внешний облик кафе и его при- мерные границы. Количество пятен сразу снизилось. Всего их теперь было около тридцати, и все достаточно однород- ные, но где-то наверху появились три серых невзрачных пят- на, неодинаковых по яркости. Лёша попытался настроиться на них, но ему что-то мешало.

– Это они?

– Да, они, но не лезь к ним, ещё воспримут как нападе- ние. Проблемы нам не нужны. Так что можешь сворачивать лавочку и докладывать о результатах.

Лёша вновь вернулся к ощущениям своего тела, а затем открыл глаза, потряс головой и попытался поморгать, так как перед глазами плавали разноцветные звёздочки.

– Двадцать восемь человек: шестнадцать мужчин и двена- дцать женщин, трое таких, как мы.

– Молодец, почти справился. Только мужчин семнадцать – ты не учёл повара, о котором я говорила. – Лика по-коша- чьи прищурилась и, довольная, налила себе вина.

– Но в остальном-то я прав. – Он гордо расправил плечи.

– Ну да...

– Но ты же все это сразу чувствуешь, даже не концентри- руясь? – Лёша поджал губы. – И не только это?

Лика промолчала.

– Понятно... – насупился он.

– Ладно, сейчас принесут десерт, и пора бы нам уже выдвигаться.

– Куда на этот раз?

– Летучка у Матвея. Разбор полётов, так сказать, и раздача мест согласно купленным билетам.

– Хоть это-то не опасно?

– Как сказать... – Лица расплылась в обворожительной улыбке и хитро подмигнула.

Глава 13

Миша проснулся у себя в квартире от сильной тошноты. Он быстро вскочил и побежал в туалет, где его вытошнило.

Алкоголь выветрился под утро, когда он притащился домой и прямо в одежде завалился спать. Но всё прогрессирующий голод давал о себе знать. В рвоте он обнаружил кровяные разводы, а кожа рук начала шелушиться и сходить пластами, как после ожога. Дозу он не принимал уже четырнадцатый день, что плохо сказывалось на организме. Всегда уверенный в своих силах и успешный, он не имел привычки подолгу экономить таблетки, считая, что всегда должен быть в прекрасной форме и полон энергии. Кажется, теперь эта уверенность его и убивала.

Миша осторожно встал с пола, нажал на кнопку смыва и по стенке пошёл в ванную. Немного повозившись с кранами, заткнул слив и стал ждать, пока вода примет его в тёплые объятия.

«Нужно привести себя в порядок, съесть полтаблетки и ехать к Матвею. Он обещал задание. Чёрт с ним, попрошу полегче. Проводник должен понять. Всё-таки столько лет работаем». – Он потянулся за сигаретами, но случайно задел полку и отломал половину ногтя, обнажив нежную розовую кожу.

– Твою мать!

Миша прекрасно знал симптомы: неутолимый голод, смешанный с ощущением сосущей пустоты внутри, которую ничто не способно заполнить, раздражительность, плохой сон, постоянные кошмары и сны о таблетках. Затем шло постепенное разложение: отслоение кожи, ногтей, кровотечения и мучительная смерть. Но проверять их на себе оказалось гораздо неприятнее. Он чувствовал себя чужим, отверженным, как будто бы собственное тело предало его, обрекая на верную гибель. Миша закурил и осторожно достал из баночки с шампунем последнюю стопку таблеток.

Смотреть на неё оказалось страшной пыткой. Потребовалась нечеловеческая воля, чтобы развернуть стопку, аккуратно достать только один кружочек и завернуть остальные. Внутри закипела волна ярости, направленная на себя, Матвея и на всех остальных. Он жизнь был готов отдать, только бы съесть все таблетки. Каждая клетка ослабленного организма отозвалась жадным стоном в предвкушении дозы. На миг он уже не верил, что сможет отказаться, но в последний момент успел взять себя в руки и вернуть стопку на место. Миша быстро засунул под язык одну единственную таблетку, которая показалась ему манной небесной. Наслаждаясь дозой, он осел в тёплой воде и предался приятному ощущению бурлящей по телу энергии.

Наркотическое опьянение продлилось недолго, и через полчаса, когда он выполз из ванной, быстро оделся и вышел из дома, внутри опять копошилось сосущее беспокойство.

Пройдя несколько метров, он залез в машину и тронулся с места. Нужно было торопиться, чтобы успеть до того, как все соберутся, и поговорить с Матвеем.

Миша гнал по улицам, то и дело рискуя попасть в аварию, но в текущем состоянии нервозности по-другому действовать было нельзя. По пути он снова то и дело нервно вглядывался в зеркала заднего вида, поскольку ощущение слезки вернулось, но никого не обнаружил. Стремясь избавиться от этого чувства, Миша прибавлял скорость. Он даже не заметил, когда спидометр завис на ста пятидесяти.

Миша быстро выскочил из авто, забыв поставить его на сигнализацию, и одним прыжком заскочил на крыльцо. Войдя внутрь, он тут же наткнулся на Клару, которая, напевая песенку, кропотливо стирала пыль с очередного медного бюстика.

– Хозяин где? – запыхавшись, выдавил гость.

– Ой! – испугалась Клара от неожиданности. – Да у себя вроде. Где ему ещё быть? Но я не видела.

Миша кивнул и понёсся наверх в знакомый зал, где Матвей проводил большую часть времени. Чуть не упав на середине лестницы, влетел в комнату, но Матвея там не оказалось. Миша начал рыскать по этажам, открывая все комнаты, пока наконец в одной из маленьких спален не обнаружил проводника, облачённого в шёлковый халат и играющего с какими-то фигурками.

– Вот ты где!

Матвей неторопливо повернул голову, сделал глоток из огромной чашки и нехотя заговорил:

– А, Миш, привет! Ты рано. Подожди в зале, – махнул он рукой в сторону посетителя.

– Матвей... стой! Мне надо... с тобой поговорить! – Всё ещё не мог отдышаться гость.

– Что-то интересное? – Проводник приподнял одну бровь, лёгким движением руки заставляя исчезнуть фигурки.

Миша перевёл дух, думая, с чего бы начать.

– Матвей, мне работа очень нужна. Я на мели. Ты обещал мне что-нибудь дать. Дай, пожалуйста. Только можно попроще. Ты же меня знаешь, я в долгу не останусь... – Его лицо приобрело жалобное выражение.

Матвей никак не отреагировал на просьбу, лишь поудобнее сел в кресле, задумавшись.

– Ну очень надо. Правда. Ты обещал!

Проводник вздохнул:

– Да знаю, что обещал. Но что-то нет пока ничего. Тем более простого. Времена нынче не те. – Он пожал плечами.

– Но ты сам просил зайти...

– Обстоятельства изменились. Другие приоритеты. Что поделаешь... – Проводник уткнулся в дно чашки.

– Не может быть такого, что ничего нет. Вообще ничего. Матвей, будь человеком. – Миша начинал злиться.

Матвей погрузился в себя, обдумывая предложение. Перспектива была заманчивой.

– Ладно, – наконец выдохнул он. – Есть у меня одно задание, но оно весьма необычное... У тебя, кажется, щит хороший?

– Ну да... – удивлённо пожал плечами Миша.

Матвей довольно улыбнулся.

– Мне нужно, чтобы ты в определённый момент прикрыл пару наших от проводников, а потом присмотрел за ними. Но это очень опасно...

– Хорошо. Я готов на всё.

Глава 14

Когда издали показалось незаметное обшарпанное здание, принадлежащее Дому Гарпии, Лёша впервые почувствовал, какой большой путь проделал за пару дней. Он вспомнил, как пугливо озирался по сторонам, стоя на заснеженном крыльце, совершенно не понимая, где находится. Вспомнил, насколько фантастичным казалось происходящее, насколько поражало то, что похитители, за которых он принял всю эту компашку, вытолкали его за двери собственного дома без охраны и наручников. Тогда даже была возможность сбежать, что Лёша был почти готов сделать, если бы не таинственная чёрная тойота, ждавшая на стоянке.

Вблизи Дом выглядел ещё старше, грязнее и мрачнее. Создавалось впечатление, что его не мыли и не ремонтировали с самого момента постройки, а про краску и облицовку забыли ещё сами проектировщики. В обычной жизни Лёша не только не предположил бы, что здесь базируется Великий Дом, но и решил, что даже бомжи и наркоманы предпочтут ему более опрятные обиталища, которых в Питере можно найти в избытке.

– Почему Матвей живёт в таком доме? – спросил Лёша, громко хлопнув автомобильной дверью.

– По мозгам себе так постучи. Машина не казённая, а денег стоит, – процедила сквозь зубы Лика.

– Прости. Я нечаянно...

– За нечаянно бьют отчаянно. Плюшкин он, вот и тянет его на всякий хлам и раздолбанные памятники архитектуры.

Они начали подниматься по обледеневшему крыльцу. Лёша поскользнулся, но успел поймать равновесие и затормозить коленом и обеими руками.

– А на чистке снега он тоже экономит? – пытаюсь встать, но упав при этом ещё раз, пробурчал он.

– А как же? Это всё дела людские, и Проводнику о них думать не положено, – весело отозвалась Лика, помогая ему встать.

Наконец, они смогли добраться до верхней ступени. Лика пристально посмотрела на витиеватый узор на дверной ручке, и дверь широко распахнулась.

– А мне пароль сообщишь? – отряхиваясь от липкого снега, поинтересовался Лёша.

– Ты пока не дорос. Не отставай от меня и поменьше болтай.

Лёша кивнул. Они вошли в уже знакомый холл, но теперь в нём не было никакой одежды, а стояли только старинный диван с деревянной резной спинкой и несколько помятых кресел, покрытых толстым слоем пыли, который поднялся, пока они пересекали комнату. Лёша начал яростно чихать и отплёвываться, отчего споткнулся о хлам и чуть не рухнул на диван. Лика оглянулась, посмотрела на него, схватила за ворот куртки и потащила вперёд.

– Шевели лапками, Чебурашка.

Они быстро поднялись по лестнице, прошли несколько помещений, очертания которых Лёша не мог рассмотреть, поскольку глаза слезились и ужасно хотелось чихнуть, и вышли в уже знакомый длинный коридор с кучей разноцветных дверей.

Лёша чихнул последний раз и яростно начал тереть нос рукавом толстовки. Ему казалось, что тот сильно распух и превратился в огромный красный пульсирующий томат.

– Всё? – безэмоционально поинтересовалась Лика.

– Пофти, – прогнусавил он в ответ. – Пвафти...

Лика с жалостью посмотрела на него.

– Заройся в одежду и постарайся не светиться, а то твой убогий вид там сейчас всех порадует.

Лёша кивнул, всё ещё теребя нос. Лика отвернулась и стремительно направилась в глубину коридора, где, по воспоминаниям Лёши, находился зал, в котором он впервые встретил Матвея. Чем ближе они подходили к дверям, тем громче становились голоса, расходившиеся гулким эхом по пустым и заброшенным комнатам, и тем глубже в желудок уходило сердце.

– Я уже и не надеялся. – Лёша ещё не видел того, кто произнёс эту фразу, но по мерзкому холодку, пробежавшему по спине, определил Матвея.

– Я была уверена, что без меня не начнёте. – В голосе Лики опять появились нотки упрямства и напористости.

Они оказались в том же просторном зале, но только на этот раз в центре стоял длинный деревянный стол с множеством старинных, но разномастных стульев. Во главе стола сидел Матвей, причём он умудрился занять такое положение, что лицо и фигура оставались в тени и было невозможно разглядеть его мимику и понять, злится он или шутит. За столом сидело около пятнадцати мужчин и женщин разного возраста и, как казалось, социального положения: уже знакомый Миша, неформал, шикарно одетая дама, похожая на одну из героинь «Секса в большом городе», простой работага, двое студентов, классический русский интеллигент, престарелый донжуан, бабушка-божий одуванчик, две симпатичные девушки и несколько мужчин неопределённого рода занятий и невыразительной внешности. Некоторые из них выглядели напряжёнными, а часть смотрели на Лику с крайним неодобрением.

Игнорируя взгляды, Лика прошла в дальний конец стола, выбрала удобное кресло-стул и бесцеремонно в нём развалилась, вопросительно посмотрев на Лёшу, в нерешительности застрявшего на пороге. Тот поспешил за ней и опустился на высокий табурет рядом, хотя он мог этого и не делать, поскольку на его присутствие так никто внимания и не обратил.

– Начали мы без тебя, но интересного ты пока мало пропустила. Ваня рассказывал о том, как провалил задание, и теперь эта милейшая мать двоих детей чуть не прибила мужа, собрала манатки, детишек и свалила из дома.

Престарелый донжуан, по всей видимости, этот самый Ваня, бросил на вновь пришедших особенно жалостливый взгляд.

– Ладно, это даже жалко... – На миг глаза Матвея, сокрытые в темноте, сверкнули ледяным блеском. – Ну что, из девятнадцати заданий вы провалили уже четыре... Потрясающие результаты. Может, разогнать вас всех к чёртовой матери да набрать новичков? А ещё у Аарона с Гавром кого прихватить?

– Может, хватит? Мы всё знаем... – подала голос героиня «Секса».

Несмотря на явную конфликтность ситуации, она произнесла это таким беззаботным и томным голосом, что заряды агрессии, витавшие в воздухе, мгновенно расплзлись по дальним углам комнаты. Матвей помедлил, видимо, решая, стоит продолжать или нет, и поинтересовался:

– Лица, как ты?

– Всё хорошо. Заказ выполнен. Жду оплату.

Матвей сдержанно кивнул, а Михаил саркастично хмыкнул.

– Как Аарон? Сильно орал?

– Нет, принял новость о долге стойко и почти мужественно, если в его случае это возможно... – ответила Лица. Лёша про себя отметил, что уже со вторым проводником она ведёт себя слишком резко и строптиво.

– Прекрасно... – Матвей явно хотел продолжить речь, но

какая-то мысль его остановила.

Он замолчал, изящными движениями сложил пальцы домиком у подбородка в присущий только ему манере и задумался. Собравшиеся не показали удивления или раздражения. Все продолжили молча сидеть в тех же позах.

Лёша старался издавать минимум звуков. Казалось, что он даже дышит слишком громко, поэтому постепенно он замедлил дыхание. Сознание обратилось в глаза, он внимательно разглядывал каждого из присутствующих, пытаясь найти в них что-то общее, что отличало бы их от обычных людей и выдавало особых существ, наделённых сверхспособностями, но все было тщетно. Подобных им можно было встретить каждый день на любой улице крупного города. Пожалуй, единственным, кто выделялся, был Матвей. Его фигура по-прежнему была скрыта во тьме, но Лёша странным образом чувствовал его взгляд и в каждый момент мог с точностью сказать, на кого сейчас смотрит Проводник.

Наконец, Матвей поднял взгляд, оглядел сидящих за столом и произнёс:

– Вы получите свои задания в обычном режиме. Но учтите, если не станете работать лучше, я начну избавляться от балласта...

Лёша почувствовал вспышку негодования в комнате. Он обвёл глазами сидевших за столом, и на миг его взгляд пересёкся с Мишиным. Тот выглядел подавленным и уставшим. От него веяло надломленностью и уязвлённой гордо-

стью, хоть он и старался держаться.

– Теперь... – глава Дома чуть запнулся, – кто-нибудь слышал что-нибудь об убийствах?

– В кабаке поговаривали, что уже сотня человек умерли при странных обстоятельствах, – подал голос неформал.

– Примерно, только жертв уже больше. У людей все службы уже упорно ищут виновных. И да, пропала Сонька. Гавр найти её вторую неделю не может.

Матвей посмотрел в сторону.

– Многообещающее начало...

– Ты считаешь, что кто-то под шумок убирает неугодных? – бросила Лика.

– Если убийства продолжатся, то все начнут копать, пытаюсь выяснить, кто это... И всем будет не до разборок... или наоборот, кто-то надеется развязать очередное противостояние.

– Делов-то. Наверняка, очередной чёрный колдун суповой набор для вызова демона собирает. Сколько таких уже было? А Сонька много кому не нравилась. Через некоторое время, как почувствуем вспышку, съездим поговорим с колдуном по душам, – предположила одна из студенток.

– Вполне вероятно, что так оно и есть. Но будьте внимательны и слушайте все сплетни. Эту ситуацию нельзя упускать из виду, она может вылиться во что-то серьёзное, – Матвей помрачнел. – Ладно. Можете расходиться, позже получите задания и оплату. И да, Лика, останься, ты мне нужна.

Ли́ка удивлённо нахмурилась, но осталась сидеть. Все встали со своих мест и медленно направились к выходу. Лёша замер, не понимая, стоит ему остаться или уйти, поскольку никаких распоряжений в его адрес не последовало. Он уже привстал, чтобы подождать Лику снаружи, но Матвей бросил пристальный взгляд, и он в испуге сел обратно.

Когда все вышли, Матвей дождал ещё немного, пока шаги не стихли в глубине здания, вздохнул и наклонился вперёд. В это мгновение двери в зал самопроизвольно захлопнулись, в комнате повисла оглушительная тишина. Ли́ка всё так же сидела на месте, закинув ногу на ногу и покачивая носком ботинка. Наконец, Матвей резко поднялся и стал медленно прохаживаться вдоль стола.

– К тебе у меня особое задание... – с трудом начал он.

– Сначала долг, потом работа, – отчеканила Ли́ка.

– Вот мерзавка! Я тебе про серьёзные вещи, а ты! – вдруг не выдержал проводник.

– Потом я от тебя вообще ничего не получу, так что сначала деньги, потом стулья.

Матвей тяжело вздохнул, сунул руку в брючный карман и кинул Ли́ке небольшой мешочек.

– Можно не пересчитывать? – наслаждаясь ситуацией, заинтересовалась она.

– Ещё пара слов, и потратишь весь запас на восстановление.

– Намёк понят. – Она поспешно убрала мешочек в карман

и выпрямилась в кресле, демонстративно сложив руки перед собой.

Матвей покачал головой.

– К тебе серьёзное дело. Через несколько дней намечается очередная политическая акция, что-то вроде митинга, снова соберётся куча народа, поорут, поматерят правительство, повыдвигают фантастические прожекты и разойдутся. Но суть не в этом. У нас тут появляется новый оппозиционный лидер, пока молод, зелен и наивен, но в будущем, при удачном стечении обстоятельств, может стать очень влиятельной фигурой... даже слишком. Но он кому-то очень сильно мешает. Весьма высока вероятность, что он не доживёт до митинга, либо это будет последний митинг в его жизни. Твоя задача – сделать так, чтобы он в добром здравии приехал туда и в таком же здравии после доехал до дома.

– Хм... – Лика выглядела сильно озадаченной. – А кто его убить-то собирается и чем он кому-то так помешал?

– А вот это самый интересный вопрос – я не знаю. – Матвей развёл руками.

– То есть как? Слишком много желающих? – попыталась пошутить Лика.

Матвей неожиданно утвердительно кивнул.

– Похоже на то... Я много раз просматривал его, все линии, все пересечения, всех окружающих, и врагов, и друзей. Но всё глухо. Действительно непонятно: умрёт, причём не несчастный случай, не совпадение, а именно убийство, но

кто это будет – непонятно. Мне кажется, что много желающих, причём, как ни странно, с одинаковой вероятностью, поэтому по карте понять ничего невозможно.

– Так, может, кто-то из наших будет пытаться убить и скрывается?

– Нет... Там как с Ильёй у тебя было бы. Линию не видно, но все равно следы остаются. Нужно просто не быть тупорылым идиотом и разуть глаза. Либо кто-то другой увидит, либо какие-то следы можно найти, а здесь я уже голову сломал, но всё бесполезно. Никаких следов... Просто кто-то точно его убьёт, но кандидат пока не определён.

– То есть при большом скоплении народа мне нужно каким-то образом защитить человека, при этом непонятно от кого именно?

– Как-то так... – Видимо, озадаченный тем, как это всё прозвучало, Матвей замер у одного из стульев и облокотился на спинку. Свет упал на его лицо, и Лёша отметил, что он на самом деле гораздо старше, чем показалось в первый раз.

– Может, мне ещё сходить Аарона пристрелить? – иронично поинтересовалась Лика.

– Знаешь, а было бы неплохо... Но проводником ты будешь хреновым, так что я бы лучше продолжил ему не давать. Ещё с десятков лет, и он уже сам сдастся, – в той же манере ответил ей глава Дома и как-то нехорошо улыбнулся.

– Шёл бы ты! – разозлилась Лика.

– Не сердись, может, я просто ревную. Вот сведения.

Матвей кинул появившуюся из пустоты папку на стол. – Задание знаешь, работать умеешь. Удачи.

– И как ты себе это представляешь? – не реагируя на папку, поинтересовалась Лика.

– Обычно. У тебя всего одна функция – охранять парня. С этим даже люди справляются, не то, что ты.

– А если серьёзно?

– Ну что, если серьёзно? Рано или поздно убийца должен проявиться, тебе нужно будет его остановить. Хотя как, ограничений нет, хоть сама под пулю бросайся. Плачу тридцать таблеток.

– А если кто-то из наших?

– Тебя это как-то никогда не останавливало... – Матвей начинал злиться. Его голос стал очень холодным и отстранённым, а в глаза Лёша даже не решался смотреть.

– Это прямое нападение на своего... без серьёзной причины.

– Он будет мешать твоей работе.

Лика сдержанно кивнула.

– И да, – вдруг вспомнил Матвей, – ты будешь не одна. С тобой будет работать Лаз.

– Лаз?! – Лика подскочила от удивления.

– Да, Лаз, а что такого? Он отлично работает. Давид им доволен.

– Но...

– Есть какая-то тёмная история, о которой я не знаю? –

Матвей ехидно улыбнулся.

– Нет.

– Вот и отлично. Приступаешь завтра.

Глава 15

– Вот ведь старый хрен! – Лика в сердцах ударила ладонью по бедру, когда они отъехали на достаточно большое расстояние.

Лёша вопросительно посмотрел, недоумевая, почему она так злится. Та раздражённо сунула руку в бардачок, долго там копалась, наконец, выудила упаковку леденцов, закинула себе несколько в рот и начала усиленно их грызть.

– Да чтоб у него пятки с головой срослись, а все его добро крысы пожрали... – продолжала ругаться Лика, яростно уничтожая очередную конфету.

– Да что такого он сделал?

– Подсунул мне хрень, а не задание, и работать мне с этим... – Лика осеклась. – И всё это опять за копейки. Паскуда!

– Ну а почему ты тогда взяла это задание? – Лёша начал нервничать, поскольку замучился считать, сколько правил дорожного движения они уже нарушили.

– Да... – она отмахнулась, – я не могу ему отказать. Я ему должна... за то, что он меня вытащил. Он не должен был.

– Он тебе помог? – Лёша боялся упустить этот внезапный момент откровенности.

– Ну как помог... – Лика горько усмехнулась, – получил в моем лице универсального раба, понимающего, что ему не

составит труда засунуть меня обратно.

В машине повисла тишина. Каждый думал о своём. Лёша собрался с духом и выпалил:

– Что со мной дальше будет? Я ему тоже должен?

Вопросы прозвучали по-детски настырно и упрямо, как выстрел хлопушки. Внутри вдруг поднялась огромная волна ненависти и злости. В эту секунду Лёша ненавидел Лику, Матвея и всех окружающих. Какая-то мысль, ещё не до конца осознанная, выжигала сердце и разум, приводя в неистовство. Хотелось крушить, ломать и уничтожать всё на своём пути. На мгновение он даже решил, что может вгрызться в горло Лике, и почти почувствовал металлический вкус крови на языке. Она бросила на него беглый взгляд и, помедлив, ответила:

– Зависит от тебя. Я научу тебя всем азам, потом ты получишь задание, будешь работать, найдёшь жилье, обживёшься потихоньку. – Её ответ прозвучал вполне искренне, но печальное выражение лица продемонстрировало, что просто как раз не будет.

– Но... но... – Его кулаки сжались, а губы исказились от бессильной злобы. – А если я так не хочу? Почему меня-то никто не спросил? Хочу ли я попадать в эту систему? Может, в небытие мне было лучше?! – Громкость его голоса всё повышалась, постепенно доходя до крика. – Я хочу жить нормальной жизнью! Я не хочу носиться, как ты, и убивать всех по первому требованию мерзкого старпёра! Я не хочу

копаться в вашем дерьме! Я не хочу разбираться, почему вы все друг друга ненавидите!

Лёша был готов не то расплакаться, не то разнести салон машины вдребезги. Лица хмыкнула.

– А вот и наша принцесса заистерила. Медленно до тебя доходит.

– В смысле? Ты о чём? – Лёша растерялся.

– Поздравляю: то, что ты сейчас испытываешь, называется голод. Тебе очень нужна доза. У тебя психика медленная, ты, вроде, информацию воспринимаешь, а до конца это всё не доходит. Но, судя по твоим бессильно сжимающимся кулачкам и брызгам слюны, заляпавшим мою машину, лёд тронулся.

– Да пошла ты!

– Ещё раз скажешь – лишишься всех пальцев, причём по одному.

Лёша нервозно сглотнул.

– Прости.

– А теперь заткнись и слушай. Ты попал сюда, почему – не знаю, но не думаю, что ты весь такой белый и пушистый. Таких просто не существует. Нет ни одного человека, которому покаяться не в чём... – Лица многозначительно замолчала. – Ты мёртв, больше тебя нет, и ты никому не нужен. Единственный способ твоего существования – это работа. По сути, ты теперь не человек, ты животное. Тебе нужна таблетка. Не потому что тебе с ней будет клёво или весело. А потому

что ты без неё сдохнешь. Ты не принадлежишь себе и ничего не решаешь, ты получаешь задание и выполняешь. Не нравится – я тебя высаживаю и протянешь ты максимум неделю. Поэтому заткнись, собери нюни и не возникай.

Ли́ка резко затормозила у своего дома, так что Лёша, который забыл пристегнуться, влетел лбом в бардачок.

– Ты либо идёшь со мной и в следующий раз следишь за языком, либо мы расстаёмся здесь и сейчас и вали куда хочешь.

Лёша мгновенно понял, что Ли́ка не шутит и он сейчас действительно стоит перед выбором: остаться или умереть. Дальше отступать будет некуда, и он должен окончательно решить всё раз и навсегда. Нужно собраться и понять для себя, на что он готов пойти, чтобы жить или по крайней мере существовать.

Он попытался представить, вернее, даже вспомнить, каково ему было в небытие, в том хаосе, и каково ему было умирать, и что вообще значит «не жить», «не существовать», не больно ли это? И насколько страшно? Он вдруг с предельной ясностью понял, что сейчас может вынести себе смертный приговор, всего лишь решив уйти от Ли́ки, отказаться от сил, судьбы и от возможности жить... Он был уже готов открыть дверь, но ощущение собственной ничтожности и желание быть выше и сильнее других сдавило сердце мёртвой хваткой.

– Прости... – только и смог выдавить из себя Лёша, опу-

стив глаза. – Может, тогда дашь мне таблетку?

– Только завтра, – уверенно покачала головой Лика. – Ты должен понять, что есть доза и почему её надо экономить.

Она припарковалась, вытащила ключи и вышла из машины. Лёша нехотя поплёлся следом.

Глава 16

Следующим утром Лика молча ткнула Лёшу под рёбра и прошла на кухню. Видимо, это был намёк на то, что пора вставать и куда-то ехать.

Весь вчерашний вечер после состоявшейся ссоры они провели в абсолютном молчании. Лика не выглядела обиженной или рассерженной, она попросту его не замечала. Кажалось, после неприятной сцены она решила, что Лёша превратился в мелкое насекомое, на которое не стоит тратить время. Лёша понимал, что с этим надо что-то делать, и он как бы, наверное, может быть, должен извиниться. Но, во-первых, было стыдно признаваться в мотивах своего поведения, а, во-вторых, он не знал, как первым заговорить, не вызвав тонну едких насмешек и волну презрения в свой адрес.

Спать хотелось просто до ужаса. Всю ночь снились странные, туманящие голову сны, которые не давали отдыха. Лёша чувствовал себя гораздо более уставшим, чем вечером. Он высунул руку, чтобы нащупать скомканную одежду, поёжился от холода, царившего вокруг, спрятал руку обратно, чтобы немного погреться и собраться с мыслями, и затем резким движением схватил вещи и начал одеваться прямо под одеялом. Повоевав пару минут с джинсами, он-таки смог их застегнуть, мужественно откинул тёплое, манящее одеяло, встал и, широко зевая, побрёл на кухню.

Там уже одетая и собранная Лика пила чай из огромной красной кружки и щёлкала каналами телевизора, стоявшего на полке кухонного шкафчика. Лёша бросил на неё смущённый взгляд и потянулся за кружкой – налить себе кофе.

– Кофе нет. Чай пей!

Лёша чуть кружку не уронил от неожиданности: её голос был слишком резким и властным, как удар хлыста по спине. В ответ он молча кивнул и потянулся за пакетиком чая.

– Из еды есть только яичница, если ты её, конечно, пожаришь.

– Нет, спасибо, я не могу есть с утра.

Он налил себе чай, чуть не разбив кружку, поскольку не смог сосредоточиться на том, что он делает, и тяжело опустился на высокий стул около барной стойки. Повисло тягучее молчание. Лика всё с тем же невозмутимым видом продолжала щёлкать телевизионным пультом. Лёшу раздражало постоянное мельтешение картинок и голосов, но попросить перестать он пока не решался.

– Что ты ищешь?

– Какие-нибудь полезные новости: либо про убийства, либо про нашего будущего вождя пролетариата.

– Но там же всё равно правду не скажут.

– Да зачем мне правда? Мне просто нужно упоминание, связь с этими событиями, всё остальное я сама почувствую.

– Ясно... – Разговор не клеился.

Помолчав ещё какое-то время, Лёша понял, что деваться

некуда, и произнёс:

– Прости меня...

– Всё нормально. Это нормальная реакция на происходящее. Просто я не могу тебе ничем помочь и не могу объяснить, что тебе дальше делать и что с тобой будет, поскольку сама не знаю. Единственное, что я могу сделать, – это научить драться, чтобы тебя как можно дольше не убили. Я даже защитить тебя не смогу, если что, поскольку этим начнут пользоваться и манипулировать мной и тобой. И первый мой урок – это терпение. Терпи голод, однажды ты скажешь мне за это спасибо.

– Спасибо, – прошептал Лёша.

– Правда, постарайся не думать об этом, так тебе будет легче. – В глазах Лики мелькнуло сочувствие.

Она пару секунд помедлила, собираясь, затем достала из кармана таблетку и положила её перед Лёшей.

– На твою дозу!

Лёша удивлённо уставился на знакомый кружок. Рот наполнился слюной, а в желудке засосало. Он молниеносно схватил дозу и закинул в рот. Таблетка начала растворяться. С каждой секундой тело наливалось энергией и восторгом. Лёша в порыве благодарности поднял взгляд на Лику. Она пыталась это скрыть, но её лицо выражало только неприязнь.

– Что-то не так?

Вместо ответа она резко встала, поставила кружку в посудомоечную машину и затараторила: – Нам пора. Я, правда,

плохо представляю, как мы выполним это задание, так что тебе лучше поскорее найти себя в этом мире. Собирайся!

Лёша нехотя отправился в ванную, чтобы прийти в чувства. Неплохо было бы принять душ, а то, кажется, скоро он начнёт пованивать, что вряд ли обрадует Лику и окружающих. В ванной обнаружилось только одно большое полотенце, и Лёша решил попросить у Лики что-нибудь, чем можно было бы вытереться.

В прихожей её не было, в комнате, где он спал, тоже, оставалась только спальня. Ничего не подозревая, Лёша приоткрыл дверь и просунул голову внутрь, уже открыв рот, чтобы задать свой насущный вопрос, но то, что он увидел, ошеломляло.

Лика сидела на коленях спиной к нему. Перед ней стоял огромный угловой шкаф, створки которого были распахнуты. Среди вешалок с одеждой начищенными стальными бочками сверкал большой встроенный ящик, очевидно, сейф. Лика протянула дрожащую руку к передней панели сейфа, начала судорожно нажимать кнопки, набирая многосложный код. Когда замок пикнул в последний раз, она замерла на мгновение, сделала глубокий вздох и рывком открыла дверцу.

Несмотря на толстые стенки, которые могли бы защитить содержимое даже от ядерного взрыва, сейф оказался гораздо вместительнее, чем можно было ожидать. Лёша сначала даже не понял, чем он заполнен, а когда присмотрелся, не

поверил собственным глазам. Сейф был до упора забит белыми таблетками – дозами, которые Лика так старательно выбивала из Матвея и так бережно хранила. Все они, скрупулёзно собранные в ровненькие башенки, стоявшие вплотную друг к другу, заполняли пространство сейфа. Казалось, что если положить туда ещё хотя бы одну таблетку, то хрупкое равновесие будет нарушено и конструкция хлынет единым белоснежным потоком на пол. Лёша даже не мог представить, сколько их там было – тысяча, а, может, даже больше... Широко раскрытыми глазами он взирал на этот стратегический запас и совершенно не мог понять, зачем ей было нужно столько таблеток.

– Вау... А зачем тебе столько? – не выдержал он.

Лика вздрогнула от неожиданности, захлопнула дверцу сейфа, вскочила на ноги и в одно мгновение оказалась рядом с Лёшей. Он даже не успел понять, что происходит, как уже согнулся от жуткой боли в животе. Она со всей силы заехала ему кулаком под рёбра. Лёша попытался опуститься на пол, чтобы перевести дыхание, но Лика схватила его за волосы и потянула вверх. Из глаз брызнули слёзы. Лёша завис на полусогнутых ногах, мучаясь от спазма в животе и боясь пошевелиться, чтобы не сделать себе ещё больнее. Она второй рукой сильно сжала его шею, почти всадив острые ногти в кожу и прошипела:

– Ещё раз увижу здесь – убью...

Её голос был глухим и жёстким, потерявшим человече-

ность. Лёша осторожно приоткрыл глаза и сквозь пелену слёз увидел лицо, вернее, гримасу. Глаза пылали огнём слепой ярости, рот уродливо искривился, обнажая острые хищные зубы, а вокруг носа собрались старческие морщины, придававшие ещё большее сходство со звериной мордой. Лёша испугался, что сейчас его задушат, тем более что пальцы вокруг шеи сжимались всё сильнее.

Ужас парализовал тело, Лёша приоткрыл рот, чтобы вымолить прощение, но вместо внятных звуков смог издать только приглушённое бульканье. В ответ Лика прорычала:

– Это мои таблетки! Только мои! Даже не смей думать о них! Иначе...

Её зрачки сузились, видимо, Лика заметила страх, который пронизывал Лёшу, заставляя его дрожать, словно от пятидесятиградусного мороза, чуть повернула голову набок и, скривив уголок рта, разжала хватку. Лёша тяжело рухнул на пол, дрожа от шока и осознания того, что чуть не умер, сгруппировался и попытался вжаться в стенку, чтобы стать как можно незаметнее. Она молча повернулась и направилась в ванную, откуда вскоре послышался шум воды.

Лёша проводил угрозу взглядом, зажимая себе рот в попытках справиться с внезапным приступом икоты, и поняв, что его не видно, ползком перебрался в другую комнату. Он осторожно прикрыл дверь и залез под одеяло, стараясь не издавать звуки, чтобы не дай бог, не привлечь внимание.

Сердце бешено колотилось, пытаясь выпрыгнуть из груди,

желудок жалобно ныл, а мозг отказывался предлагать хоть какие-то версии происходящего. Лёша не имел ни малейшего представления, что произошло. Но Лика взбесилась, когда поняла, что кто-то узнал про таблетки. Она пыталась их скрыть. Но это идиотизм! Он не взял бы чужого... Без спроса. А красть что-то у неё – это всё равно, что прыгать в жерло вулкана, предварительно отравившись и перерезав вены.

Почему она так бережно их хранит? Почему потеряла человеческий облик, когда тайну обнаружили? Если бы Лёше было сейчас куда идти... Что делать? Лика в ванной, входная дверь рядом с ней, проскользнуть незамеченным не удастся, из окна тоже не выпрыгнуть. Защищаться бесполезно. Если захочет, убьёт, даже не задумываясь. Перед глазами возник труп Ильи и протяжно засосало под ложечкой.

Его размышления прервал звук шагов. Лёша в панике замер, завернувшись в одеяло и молясь, чтобы она прошла мимо. Но шаги затихли, и дверь распахнулась. Лёша мысленно попрощался с жизнью. На пороге стояла Лика с мокрыми волосами и одеждой, по которой струйками стекала вода.

– Прости. Я не должна была так себя вести, – прошептала она.

Лёша никак не отреагировал, ожидая последствий. Лика подошла к кровати, мягко опустилась на край и положила ледяную руку ему на голову.

– Прости, мне стоило вести себя по-другому. Просто... – Она сделала паузу, – никогда не приближайся к моей комна-

те и особенно забудь то, что ты видел, тогда всё будет хорошо.

Лёша высвободил голову из убежища и осторожно посмотрел на неё. Лица выглядела спокойной и самоуверенной, как и обычно, самообладание и легкая ироничная полуулыбка вернулись, а от прежней бури не осталось и следа.

– Что это было? – выдавил он.

– Ничего, просто не ходи туда, и это никогда не повторится. Я должна была тебя предупредить и быть более осторожной. Я просто забыла, что могу быть не одна. Я не хотела сделать тебе больно.

– Ты уверена?

– Да, конечно. Мне правда неудобно. На этот раз я накосячила, так что готова списать тебе все косяки и начать наше общение с чистого листа.

Она подмигнула и протянула руку. Всё ещё опасаясь неадекватной реакции и нового приступа ярости, Лёша осторожно её пожал.

– Вот и славно. А теперь собирайся! Нас революционер ждёт.

Глава 17

Час спустя они остановились в южной части города среди сталинских домов, суровых и строгих, как будто вздыхающих о временах прежнего величия. По заснеженным улицам уныло и медленно брели пешеходы, напоминая сонных мух, залетающих поздней осенью в дом в последней попытке найти тепло. Единственное оживление вносил промоутер, с трудом натянувший на огромный тулуп ядовито-зелёный бутерброд рекламного плаката и кричащий в громкоговоритель зазорные стихотворные слоганы. Лика, видимо, поддавшись общему настроению, тяжело вздохнула, посмотрела на себя в зеркало и нервно поправила куртку.

– Он здесь живёт? – спросил Лёша.

Он ещё плохо понимал, как ему теперь себя вести. Лика явно хотела забыть сцену, произошедшую в квартире, или предпочла бы сделать вид, что ничего не было, но Лёша ещё был к этому не готов. Пожалуй, он впервые по-настоящему понял, насколько важны эти несчастные таблетки и что она действительно готова ради них на всё. От мысли, что всё её существование, а теперь соответственно и его, полностью сводится к несчастным белым кружочкам и имеет весьма конкретную стоимость, начинало подташнивать. Лёша был не уверен, что сможет общаться с Ликой на прежней, почти приятельской ноте, мешало мерзкое ощущение, что

внутри что-то оборвалось и им теперь обоим неуютно находиться рядом. При этом с каждым днём он чувствовал себя всё ближе к Лику, всё роднее, ведь они были объединены общей судьбой или даже общим проклятьем. Так, наверное, ощущают себя два недолюбливающих друг друга человека, после кораблекрушения очутившиеся на одном плоту.

Лику не стала утруждать себя словами, молча кивнула, откинулась назад, прислонила голову к холодному стеклу, прикрыла глаза и, видимо, приготовилась ждать. Лёше не хотелось задавать дополнительные вопросы, он и так чувствовал себя ребёнком-почемучкой, но оставаться в неведении тоже не хотелось. Он засопел, скривил губы и принялся демонстративно играть собственными пальцами, поочерёдно соединяя наиболее удалённые из них. Так продолжалось несколько минут, наконец, он заговорил:

– Почему мы не идём туда?

Лику помедлила, словно выныривая из глубин подсознания, затем отстранённо ответила:

– Мы ждём Лаза. Раз мы работаем вместе, то не имеем права что-то предпринимать, пока он не появится. Это грубое нарушение правил и акт агрессии.

– Поняаяаятно... – протянул Лёша. Он пристально посмотрел на Лику, ожидая продолжения, но она опять неподвижно замерла в уголке сидения.

– А что наш «оппозиционер» из себя представляет? – Лёша произнёс это слова, сделав особый акцент на слове «оп-

позиционер», копируя интонацию Лики.

– Какая разница? Нам нужно, чтобы он выжил, – тихо продолжила она, пряча раздражение. – Предельно понятное и конкретное задание. Для его выполнения мне не нужно ничего знать о его тонкой душевной организации, а тем более о той придури, которая сподвигла его на политическую деятельность.

– Ты что-то имеешь против политиков? – удивился Лёша.

– Нет, мне без разницы.

– Тогда откуда такая агрессия?

– Ну лично мне... – Лика явно злилась, но пыталась перенести злобу с Лёши на предмет разговора. – Вся эта политика, идеология, оппозиция и прочее кажется тараканьими бегами. Тирания сменяется демократией, коммунизмом, монархией, суть при этом не меняется. – Она говорила всё быстрее. – Всё равно всегда есть элита, которая правит всеми остальными. Конкретные персоналии значения не имеют. В любом случае сейчас у руля именно та политическая власть, которая в данных условиях рынка лучше продаётся и активнее идёт на уступки.

– Но... – Лёше хотелось поспорить, хотя тёплых чувств к политикам он не испытывал. – Вдруг он хочет, как лучше, людям помочь, страну улучшить. Зачем ты так... сразу?

– В политику редко идут из-за человеколюбия, гораздо чаще из-за жажды власти и гордыни. Человек считает, что знает, как улучшить жизнь других людей, а главное: что он по-

нимает, что есть хорошо, а что есть плохо. То есть ставит себя выше других, считает, что сам умнее, упрямее, целеустремлённее и так далее. Кажется, в христианстве это называется гордыней, а не заботой о ближнем... – Лица сморщилась, наклонила голову и двумя пальцами потёрла глаза.

– Ты всё упрощаешь, и тебе нравится думать, что все вокруг злые.

Лица от неожиданности этого обвинения открыла глаза и несколько раз растерянно моргнула, добродушно улыбаясь:

– Ты серьёзно?

– Ну да... А что?

Лица залилась звонким смехом, от чего он окончательно смутился и покраснел.

– Ты очарователен... Спасибо! – широко улыбаясь, поблагодарила Лица. Но вдруг, словно почувствовав болезненный толчок, она резко напряглась и перестала улыбаться.

Лёша вопросительно приподнял брови.

– Лаз здесь, – выдохнула Лица. Она не двигалась, но мгновенно сжалась в маленький комок и приготовилась к обороне. Почувствовав это неуловимое стремление, Лёша даже не увидел, а интуитивно понял, что Лаз стоит позади Лицы. Она несколько раз медленно вздохнула, натянула на кисти кожаные перчатки и открыла дверь машины.

Недалеко от них стоял высокий человек плотного телосложения. Его мужественный силуэт с широченными плечами, обтянутыми кожаной курткой, похожей на Лицину, вы-

делялся на фоне белого снега. У него были густые русые волосы, частично скрытые черным капюшоном, высокие выразительные скулы, покрытые короткой щетиной, и зеленоватые добрые глаза, при взгляде в которые сразу представлялись бескрайние холмы и долины, дикие, непокорные и бросающие человеку вызов. От него веяло физической силой, здоровьем и уверенностью в себе. Лёше показалось, что он уже видел его однажды – на одной из иллюстраций к сборнику древнегреческих мифов – он был среди героев, которые смело завоёвывали государства и безрассудно спорили с богами.

– Привет... – Ли́ка неуклюже махнула рукой в знак приветствия, вылезая из машины.

– Привет...

– Как дела? – выдохнула она.

– Нормально. А ты? Как?

– Нормально... – Повисла мучительная пауза, в которую каждый подыскивал способ продолжить диалог. Наконец, рассеянный взгляд Ли́ки попал на Лёшу, и она схвати́лась за него как за соломинку.

– Это Лёша, знакомься. У нас недавно. Я его учу. – Она старалась спрятать глаза.

Лаз протянул руку Лёше, и тот невольно поморщился от крепкого рукопожатия.

– Давно не виделись. – Лоб Лаза рассекла печальная складочка.

– Да, давненько... – Её голос чуть задрожал от ветра. – Как будем работать?

– Предлагаю так: встречаем в квартире и сопровождаем до места назначения.

Долгие разговоры давались Лазу не просто. Он по крупинкам выдавливал из себя каждое слово. Казалось, что его горлу, предназначенному для раздачи команд и перекрикиванию звуков сражения, было тяжело приспособиться к повседневной спокойной речи и нейтральному тону.

– Я пойду скрытно, ты мониторишь подходы, а Лёша... Ты ведь Лёша? Просто смотрит по сторонам и ищет убийц среди людей.

– Хорошо! У тебя есть соображения на этот счёт? Я до сих пор мало понимаю, что это всё значит... – Лица сосредоточенно ломала костяшки пальцев.

– Честно? Я тоже. Странно. Я с таким не сталкивался.

– Я тоже. – Она покачала головой.

Повисла очередная пауза.

– По...ехали? – почти прокашлял он.

Лица кивнула и чуть сгорбленно направилась к машине. Лаз, несколько раз оглянувшись по сторонам, исчез. Лёша был готов к тому, что сейчас произойдёт что-то необычное, но все равно вздрогнул от неожиданности, когда Лаз растворился в воздухе. Он постоял, упрямо вглядываясь в смятый сугроб, ещё хранивший следы Лаза, и повернулся к автомобилю.

Они забрались в тёплую машину. Лёша мысленно благословил того, кто придумал климат-контроль, и начал усиленно тереть отмерзающие руки. Лица загнула рукав куртки и посмотрела на часы.

– Он выйдет из дома через полчаса, его встретят друзья на машине, и он поедет на Марсово поле на митинг. Там пройдёт часа четыре и вернётся домой, при этом на каждом из отрезков пути его могут убить.

– И у нас нет никаких намёков на кандидатуру убийцы? – радуясь теплу, весело поинтересовался Лёша.

– Неа, иначе было бы скучно. – Лица достала из кармана мешочек с таблетками и съела одну.

Лёша удивлённо посмотрел на неё, намекая, что с ним тоже было бы неплохо поделиться.

– Тебе, конечно, не за чем. Ничего делать не будешь. – Лица задумчиво оглядела Лёшу. – Но половинку дам.

Он даже не успел сообразить, что она имеет в виду, как она уже поспешно разломилась таблетку на две половинки и поспешно убрала мешочек.

– Но! – заикнулся было он.

– Я не буду просто так переводить энергию. Начнёшь приносить пользу – получишь больше. – В её голосе появилась ярость.

Лёша неуверенно кивнул и проглотил таблетку.

– Лаз уже там. Идём!

С этими словами Лица включила мелодичную музыку, по-

мялась в кресле в поисках более удобного положения и, прикрыв глаза, погрузилась в себя. Лёша, проследив за её телодвижениями и мучаясь от неуверенности в том, каких же дальнейших действий от него ждут, всё же постарался присоединиться.

На этот раз он достаточно долго сидел с закрытыми глазами, не видя ничего кроме темноты и жёлто-зелёных звёздочек. Ему это уже порядком надоело, к тому же он не понимал, почему Лика пожадничала целую таблетку. Лёша сидел, пытаясь выйти за рамки сознания, но, видимо, без допинга проделывать такие манипуляции было сложно.

– Не пытайся выйти, ты можешь увидеть всё отсюда, это экономит много энергии. Он на пятом этаже в середине дома. – Лика опять влезла в сознание.

Лёша недовольно вздохнул, откинулся назад и представил здание, прорисовывать отдельные штрихи и фрагменты, постепенно концентрируясь на центре многоэтажки.

Через какое-то время стены исчезли, и он увидел крохотную комнату с оранжевыми обоями с осенним орнаментом. Комната была квадратной формы, в дальнем углу стоял потёртый трёхстворчатый шкаф, рядом с ним – стандартный рабочий стол, а вплотную к окну – двуспальный, не заправленный диван, на котором, закинув ногу на ногу и качая ступнёй, валялся мечтательного вида молодой человек и что-то восторженно декламировал.

– Как-то он мало похож на надежду русской демократии, –

прокомментировал Лёша.

– Какая демократия – такая и надежда, не придирайся, – отозвалась Лица.

– Ты что-нибудь чувствуешь?

– Пока нет, нигде... – Она казалась раздосадованной.

– А Лаз где?

– Я не знаю. Он сейчас ото всех скрыт.

– Но нас-то он чувствует?

– Должен...

Политик тем временем перевернулся на живот, его голос стал громче. Он интенсивно жестикулировал, по всей видимости стараясь максимально продемонстрировать свои убедительность и чистоту помыслов. Глаза горели искренним огнём убеждённости и даже веры. Кажется, он и правда в будущем мог бы стать не только хорошим оратором, но и харизматичным лидером организации, партии, а может, даже страны. Если, конечно, никому не перейдёт дорогу раньше, что, по всей видимости, он уже сделал. Лёшу удивила открытость и даже наивность его лица. То ли из-за освещения, то ли из-за искренней воодушевлённости, он выглядел скорее юношей, только что попрощавшимся с детством, чем взрослым человеком.

– Странно, что его кто-то хочет убить.

– Внешность порой бывает очень обманчива. Ладно, кина посмотрелся, теперь топай к нему. Вещи в багажнике. Представишься журналистом, он поверит.

– Это как?! Зачем?! Чтоб меня тоже убили?!

– А я тебе на что? Или ты мне не доверяешь? – иронично поинтересовалась Лика.

– Доверяю, конечно.... Но мне кажется неразумным находиться рядом с предполагаемой жертвой убийства.

– Кто не рискует, тот ничего и не получает! Выходишь из машины, заглядываешь в багажник, там – фотоаппарат, диктофон и удостоверение на твоё имя, хватаешь и идёшь прямо к нему. Говоришь, что ты из газеты, и с ним договаривались, что ты проведёшь с ним весь день, чтобы показать читателям один день из жизни молодого политического деятеля.

– Если что – моя смерть будет на твоей совести. – Лёша понял, что спорить дальше бесполезно.

– Плюс один, запишу на свой счёт.

Лёша вздохнул, «вернулся» в машину и открыл глаза. Лика сидела всё в той же позе и выглядела крайне спокойной и даже умиротворённой.

Он с трудом выполз из машины на холодную улицу и побрёл к багажнику. Замёрзшими скрюченными пальцами с большим трудом открыл заиндевевший багажник и обнаружил внутри матерчатую сумку с фотоаппаратом, блокнотом и корочкой удостоверения. Чуть не поскользнувшись, Лёша повесил сумку через плечо, фотоаппарат на шею, а удостоверение засунул в карман.

Затем нехотя поплёлся к подъезду. К счастью, домофон не работал и дверь оказалась открытой. Лёша медленно побрёл

вверх по лестнице.

Остановившись на пятом этаже, он замер в нерешительности, поскольку не успел с точностью рассмотреть, в какой из квартир живёт его подопечный.

«И что мне делать? Звонить везде? – Не вариант...»

– Лика! Лика! – осторожно позвал он, но ответа не последовало.

«Отлично...»

– А зовут-то его как?! – обратился Лёша к отсыревшим облупившимся стенам подъезда. Стены молчали.

«Понятно... Разбейся сам».

Новоиспечённый журналист закрыл глаза и постарался прочувствовать каждую из квартир на площадке. Крайняя левая отозвалась тёплой вибрацией. Он сосредоточился на ней сильнее, смог проникнуть внутрь, зайти в вытянутую прихожую с цветастыми обоями и жуткими антресолями, заваленными всяким хламом, затем в уже знакомую оранжевую комнату. Подопечный был всё там же, но теперь уже старательно гладил рубашку, сердито общаясь с раскалённым утюгом. Лёша изучил комнату и на свою удачу заметил на столе небольшую синеватую зачётку. Он двинулся к ней и, чуть напрягшись, смог незаметно открыть и прочитать.

«Арсеньев Тимофей Александрович. Ну что ж, будем знакомы».

Он быстро вернулся обратно к своему телу, поправил одежду, пригладил волосы, нажал на кнопку звонка и замер

в ожидании. Через несколько мгновений в глубине квартиры раздался звук шарканья разношенных и плохо держащихся на ногах тапочек. Шаги приблизились, чей-то глаз закрыл огонёк света в дверном глазке и дверь гостеприимно распахнулась.

На пороге стоял тот самый Тимофей Александрович в футболке с символом супермена и домашних спортивных штанах.

– Здравствуйте! – Лицо Тимофея светилось приятной и лучистой улыбкой. – Вы ко мне?

Лёша завис в ступоре, будучи неспособным выдавить из себя хоть что-то. Так нагло врать прямо в лицо человеку, рассказывать абсурдную легенду оказалось гораздо труднее, чем думалось в начале. Он осознавал, насколько по-идиотски выглядит, зависнув здесь на пороге с выпученными глазами, но ничего поделать не мог.

– Вы, наверное, журналист? – пришёл ему на помощь сам подопечный.

Лёша яростно закивал и немного приподнял фотокамеру в подтверждение своей профессиональной деятельности

– Да-да... Журналист... Алексей, – не придумав ничего лучше, он представился собственным именем. – Газета «Труд».

– Но говорили же, что из «Комсомольской правды» человек приедет, – нахмурился Тимофей

– Эээ... – Лёша был готов впасть в истерику. – Я и там и

там работаю...

– На полставки что ли? – вновь заулыбался политик.

– Ага, – облегчённо кивнул Лёша и попытался незаметно вытереть со лба пот, благо, длинные волосы позволяли это сделать.

– Проходите, проходите... – Тимофей отступил назад, приглашая Лёшу зайти.

– Спасибо, – проямлил тот в ответ, воюя с непослушными ногами.

Дверь закрылась. Тимофей покопался в шкафу в поисках вешалки, выудил её с радостным «О!». Но по отходящей от вешалки дуге он понял, что та сломана, и начал новые поиски.

– Да не надо, не надо, – попытался отбиться одеревеневший Лёша.

– Ну что вы? Я ещё не собран. Рубашку погладить... То сё, вы обувь не снимайте, а в куртке вам жарко будет.

Лёша в очередной раз кивнул и начал раздеваться, запутался в ремнях сумки и фотоаппарата, разозлился своей неловкости и одним рывком стянул с себя куртку, сумку и камеру, которая шлёпнулась на пол.

– Осторожно! – только и успел крикнуть Тимофей, протягивая руку, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить падение.

– Ничего, всё нормально. Цела...

Лёша поднял камеру, осмотрел и, не обнаружив внешних

повреждений, решил, что всё хорошо.

– Чайкофеводы? – скороговоркой предложил пышущий энтузиазмом хозяин квартиры.

– Нет, нет...

– Вы тогда проходите в комнату, я сейчас доглажу рубашку, переоденусь, и мы скоро выйдем. За нами заедут...

Лёша помялся, чувствуя неловкость от ситуации и ощущая, что за ним, наверняка, наблюдают как за хомячком в клетке. Он нехотя прошёл в комнату и опустился на кожаное кресло, стоявшее у рабочего стола. Тимофей вернулся в гладильной доске и принялся скрупулёзно наглаживать стрелки.

– А вы со многими уже так дни провели? И с кем, если не секрет? – Хозяин хитро подмигнул и понизил голос, став ещё сильнее похожим на школьника.

– Ээээээ... Вы о чём? – сперва не понял вопрос Лёша.

– Ну с кем ещё из политиков вы так ездили? – Его уши заалели. Было понятно, что Тимофею очень льстил интерес журналистов, он по-детски гордился и его распирало чувство собственной важности.

– Ой, нет. Я новенький. Я только первый раз, до этого мой предшественник ездил, так что не могу вам подсказать. – Лёша быстро сообразил, что со своими знаниями о политике моментально сядет в лужу и уничтожит легенду.

– Аааа... ясно... – Юное дарование расстроено засопело.

Наконец он догладил брюки и, удалившись за дверцу

шкафа, методично и аккуратно в них влез. Лёша никак не мог удобно усесться в кресле. Ему постоянно что-то мешало, кололо и саднило. Плюс раздражала оторвавшаяся заусеница на большом пальце, которую он то и дело начинал отчаянно ковырять.

– Ну вот и всё! – Тимофей с крайне серьёзным видом завязал галстук на какой-то хитроумный узел, застегнул пиджак и придиричиво со всех сторон оглядел себя в зеркало, стряхивая несуществующие пылинки. – Но ребята как-то не торопятся. – Сморщив лоб, он посмотрел на наручные командирские часы, великоватые для хрупкого запястья.

– А вы знаете всех, кто там будет? – Лёша решил, что надо попытаться быть полезным и выяснить вводную.

– Да нет, в основном наша организация по защите прав человека, может, ещё кто-то придёт. Пиаром занимаюсь не я, так что даже не знаю. – Он неловко пожал плечами, как будто прося прощения за то, что не может помочь.

– А у вас много врагов? – Лёша сам удивился серьёзности тона, с которой был задан вопрос. При взгляде на этого юношу он вообще начинал сомневаться, что хоть кто-то мог желать ему зла, а тем более смерти.

Видимо, Тимофей разделял его позицию и фыркнул от удивления.

– Ну откуда у меня враги? – Его губы растянулись в простодушной улыбке. – Я не так много сделал, чтобы это хоть кто-то заметил, не говоря уже о недоброжелателях. Вот в бу-

душем, когда мы реализуем нашу программу, тогда все не разделяющие наши идеалы и ценности...

«Понятно, парнишу понесло...» – подумал про себя Лёша и, перестав слушать политическую жвачку, попытался сосредоточиться на ощущениях. Несмотря на все усилия, поиски дали только неловкость и раздражение. Казалось, никакой угрозы нет, что ещё больше насторожило. Ему просто не верилось, что может произойти что-то нехорошее, а тем более смерть. Лёша пытался увидеть в лице Тимофея признаки обречённости и судьбы, но ничего не было.

Вдруг пронзительно зазвучала стандартная мелодия старого мобильного телефона. Тимофей бросился к трубке, внимательно выслушал собеседника и, пару раз угукнув, повесил трубку.

– Нам пора – машина внизу, – улыбнулся он, но сообразив, что улыбка не вяжется с солидностью и важностью роли, придал лицу суровое выражение, что только добавило комичности образу.

Лёша почувствовал, как сердце, сдерживаемое прутьями рёбер, затрепетало словно испуганная канарейка. Здесь за каменными стенами здания он чувствовал себя гораздо спокойнее. Казалось, что стены маленькой, тёплой и уютной квартирki непостижимым образом смогут защитить от неумолимо приближавшейся опасности. Он тяжело вздохнул и поплёлся в прихожую натягивать всё ещё мокрые ботинки. Тимофей же, наоборот, выглядел воодушевлённым и

со скоростью ужаленного хорька носился по квартире, в самый последний раз проверяя, не забыл ли он чего важно-го. Вся его напуская солидность, смешанная с детским восторгом от предстоящего мероприятия, непосильным грузом давила на Лёшу. Ему хотелось взять энтузиаста за плечи, встряхнуть и заорать: «ПРЕКРАТИ!! ТЫ СДОХНЕШЬ СЕГОДНЯ!! ХВАТИТ!!!». Но он понимал, насколько странно и неадекватно это будет выглядеть. Скорее всего, его просто выставят за дверь, приняв за жертву городского стресса. Но от осознания собственной беспомощности легче не становилось. «Лица, как же я на тебя надеюсь,» – пронеслось в голове.

Тимофей собрался и, надев серую шапку-ушанку, вытянул руку, уступая дорогу Лёше. Тот, стараясь не смотреть на хозяина квартиры, направился к выходу.

– А ваша камера? Как же вы без неё?

– Да-да, простите – задумался... – Лёша осознал ошибку и быстро схватил вещи, скоростью пытаясь компенсировать досадную оплошность. – Я иногда такой рассеянный. – Он тихонько постучал себя по голове, демонстрируя искреннее раскаяние.

– Да, бывает... – отмахнулся довольный политический деятель.

Они вышли из квартиры. Тимофей закрыл дверь, подёргал её несколько раз, проверяя, и, быстро перебирая ногами, полетел вниз по ступенькам. Лёша последовал за ним, под-

спудно надеясь, что это всё неправда и никто никого убивать не хочет.

Они вышли на улицу, Тимофей поправил шапку, проверил пуговицы пальто и нажал кнопку открытия двери. У подъезда стояла выдавшая виды иномарка тёмно-синего цвета, покрытая пятнами серой грязи. В ней сидели двое. Тимофей приветливо помахал, Лёша поискал глазами машину Лики, но её нигде не было. Внутри всё сжалось от ощущения брошенности и сосущего чувства одиночества. Настолько ненужным он не чувствовал себя ещё никогда.

Они сели в машину, Лёша уложил на сидение камеру и, немного подумав, пристегнул ремень безопасности в надежде, что с ним ему будет чуть-чуть спокойнее.

– Это Аня, она отвечает за рекламу нашей организации, – представил темноволосую девушку Тимофей.

Она повернулась к ним и широко улыбнулась профессиональной улыбкой «коммуникабельного и стрессоустойчивого» пиарщика. Её можно было бы назвать приятной или даже симпатичной, если бы не чрезмерное желание понравиться и «наладить личный контакт».

– А это Пал Палыч, он водитель Фёдора Ивановича.

Коротко стриженный водитель лет сорока приподнял правую кисть, лежащую на руле, и задорно подмигнул в зеркало дальнего вида.

– А кто такой Фёдор Иванович? – поинтересовался Лёша в попытке отвлечься от происходящего.

– Это хороший человек, – неожиданно замялся Тимофей. – Он бизнесмен... Он нам помогает.

Кажется, будущий политический лидер стеснялся помощи от акул современного бизнеса и не хотел её афишировать. К счастью, Лёше было совершенно не до того, и он не стал развивать тему.

Водитель завёл двигатель, и они полетели вперёд по зимнему городу. Лёша то и дело оглядывался, стараясь разглядеть в грязном заднем окне знакомый чёрный джип, но всё было тщетно. Аня начала грузить Тимофея организационной ерундой, повесткой дня и обязательными поездками: в собачий приют и, конечно, же на субботник, где он обязательно должен был появиться, чтобы потом об этом написали. Тот старательно слушал и пытался вставить комментарий в пулемётную очередь указаний.

Лёша откинулся на сидение и попробовал расслабиться. Получалось из рук вон плохо. Скорее даже наоборот, его с каждой секундой всё сильнее раздражала машина, люди, а особенно Аня и её тонкий и пронзительный голос, который с упорством перфоратора въедался в глубины мозга.

Минут через двадцать они остановились у персикового особняка, окружённого со всех сторон водой. Аня, Тимофей и Лёша вылезли из машины, а водитель поехал дальше по своим делам.

Они медленно подошли к большому открытому участку – видимо, тому самому Марсову полю, где уже была уста-

новлена невысокая импровизированная сцена, около которой, объединённые в разрозненные группки, стояли несколько десятков молодых людей. Лёша оглядел разношёрстную толпу, пытаясь хоть по каким-то, пусть очень сомнительным признакам, вычислить будущего киллера, но все присутствующие больше походили на празднично шатающихся студентов, прогуливающих занятия в поисках пищи для легковверного разума.

Среди них было множество похожих друг на друга молодых людей с жидкой бородкой и тусклым конским хвостом, завернувших тонкую шею с выдающимся кадыком в грязноватый шарф с разноцветной рокерской символикой, несколько невыразительных девушек-отличниц, спрятавшихся за сверкающими стёклышками очков, и даже несколько коротко стриженных спортивных юношей в берцах. Лёша не был фанатом подобных собраний, но честно говоря, от данного мероприятия он ожидал большего.

«И зачем убивать эту звезду закомплексованной молодёжи?»

Они подождали, пока не иссяк поток машин, и перешли дорогу. Толпа, увидев Тимофея, оживилась, и большинство взглядов устремилось в его сторону. Он тут же заметил повышенное внимание к своей персоне, от чего его щёки порозовели, а губы расплылись в довольной улыбке. Тимофей вместе с остальными направился к центральной и самой многочисленной группке собравшихся и по очереди поздоровался

со всеми (и даже с девушками) за руку. Лёша, осознав, что ему там не место, отошёл чуть в сторону и достал фотоаппарат, решив на всякий случай сделать портреты всех присутствующих.

Среди стоявших перед сценой никого, кто мог бы представлять опасность, не нашлось. По левую сторону от площадки чуть в отдалении стояли трое крепких охранников, правда, непонятно чьих. Возможно, Фёдор Иванович прислал не только водителя, но и надсмотрщиков. Недалеко две мамы прогуливались вместе с колясками – тоже маловероятные убийцы. У вечного огня тусовалась стайка несчастных туристов-азиатов в отчаянной попытке спастись от суровой русской зимы. Рядом старушка кормила голубей хлебными крошками.

К тому же, как и следовало ожидать в центре города, по окружавшим поле со всех сторон дорогам ехало множество машин, а по пешеходным переходам лился поток горожан и гостей города. Лёша сквозь объектив камеры всматривался в каждого из них: пожилая женщина с чернильными бровями, неформал, сторбленный дедушка, смуглый водитель пятёрки, высунувшийся из окна на светофоре, чтобы крикнуть что-то молодой девушке, проходившей мимо, и множество других людей. Всё было бесполезно, можно даже не надеяться. Идеальное место, чтобы затеряться в толпе.

Тем временем народ начал подтягиваться к сцене, по которой ползало двое молодых людей, устанавливающих и на-

страивающих допотопный микрофон. Тимофей уже стоял в углу сцены прямо за плакатом с символикой их организации. То ли от холода, то ли от возбуждения он переминался с ноги на ногу. Аня стояла рядом с ним и, по-прежнему активно жестикулируя, давала указания, которые он слушал вполуха. Лёша принялся разглядывать новоприбывших и к своему огромному облегчению заметил среди них знакомую фигуру – в тёмно-серых облегающих брюках, чёрных спортивных кедах и чёрной кожаной курточке, из-под которой торчал серый капюшон тёплой толстовки.

Ли́ка стояла в середине толпы, собравшейся у самой сцены, но вокруг неё почему-то было пустое пространство, как будто невидимая преграда мешала подойти окружающим ближе. Лёша видел только её профиль и непослушные рыжие пряди, выбившиеся из хвоста. Судя по лицу, она смотрела в никуда и как обычно сосредоточилась на своих ощущениях. Лёша невольно залюбовался изящным профилем.

Тимофей медленно подошёл к микрофону, осторожно постучал по нему, улыбнулся и произнёс:

– Добрый день всем присутствующим...

Вдруг Ли́ка судорожно изогнулась, из её рта и носа хлынула кровь, разбегаясь по одежде и снегу алыми разводами. Она мучительно изогнулась и обессиленно выставила вперёд руку. Лёша что было сил рванулся с места...

Ли́ка проводила взглядом удаляющуюся фигуру Лёши и,

помедлив, съела ещё одну таблетку. Её интуиция, превратившаяся за годы в животное чутьё, ангелом трубила в трубы, предвещая начало Конца. Когда Матвей только заикнулся об этом задании, она поняла, что все будет крайне плохо, а сообщение о Лазе только усугубило эти ощущения. Мало кто мог сравниться с ним по опыту и силе. Если звали его, то дело было почти безнадежным. Четыре года назад они уже работали вместе. Тогда нужно было разобраться с серьёзным конфликтом, причём привлекались специалисты со всего мира, и заварушка была ещё та. Тогда из участников выжили немногие, причём Лика была слишком многим обязана Лазу, чтобы нормально с ним общаться.

На этот раз всё могло бы быть ещё хуже. Многочисленные убийства, скрытность Матвея и его делёж территории с Аароном – всё это было не к добру. Главы Домов постоянно обменивались гадостями разной степени серьёзности, но последнее время их махинации становились совсем открытыми, что наводило на определённые мысли. Либо они что-то замыслили друг против друга и решили устроить очередную разборку в собственной песочнице, либо надвигается такая угроза, что перед ней локальные конфликты меркли, и можно было себе позволить развлекаться как угодно, не боясь последствий.

Оба варианта не радовали и грозили большими человеческими жертвами. Главы Домов достаточно наплевательски относились к подчинённым: если один погибал, то на его ме-

сто всегда можно было вызвать нового. Конечно, это стоило некоторых затрат, но всегда был шанс, что новопривыкший окажется талантливее и перспективнее предшественника. Ценились только наиболее опытные, изворотливые и стоворчивые, чего самой Лике явно не доставало. Пока ей удавалось держаться за счёт силы, тренировок и экономии. Большинство из собратьев по несчастью просто не поверили бы, узнав, сколько энергии ей удалось сохранять. Эта мысль, как и воспоминания о сейфе, всегда грела душу Лики, если она, конечно, у неё ещё оставалась. Но Лика прекрасно понимала, что рано или поздно начнёт слишком мешать кому-то из проводников, если не всем одновременно, и тогда вариантов останется слишком мало: сдохнуть или бросать кому-то из них вызов, хотя на это уже никто не решался лет сто. И не факт, что проводник будет достаточно милостив, чтобы просто убить наглеца. Ходили слухи, что фантазии Аарона в плане пыток и издевательств мог позавидовать любой отчаянный мазохист.

Эти опасения не оставляли Лику на протяжении последнего года, не давая покоя. Она постоянно искала подвох. Теперь, когда наконец-то он пришёл в виде этого мальчишки и Лаза, стало чуть легче. По крайней мере, ушло мучительное ощущение ожидания. Ждать больше нечего, всё случилось. Осталось только выполнить задание и постараться выжить.

Она мысленно проводила Лёшу до квартиры молодого политика, проверила всех живых существ в радиусе километра

от дома и, не найдя ничего, завела мотор машины.

– Я никого не вижу... – обратилась она к Лазу, которого, съев ещё таблетку, наконец-то почувствовала. Он удобно устроился на крыше рядом с лифтовой шахтой.

– Я тоже... Ты стала сильнее, – с какой-то грустью отзывался он.

– Жизнь заставила.

– Мне жаль...

– Мне тоже, – откликнулась она, скрывая злость. – Я его закрою, если вдруг что... дорабатываешь ты.

– Хорошо, постарайся сразу сообщить, если что-то почувствуешь. Если всё настолько серьёзно, как мне кажется, то первым делом блокируют нашу связь.

Лица кивнула и, сосредоточившись, представила, как вокруг политика появился большой огненно-рыжий мерцающий шар, постепенно расплывающийся и вбирающий в себя его фигуру. Он постепенно креп, становился более плотным и, наконец, совершенно непроницаемым для взгляда.

Закончив работу, она тяжело выдохнула – сил осталось слишком мало. На мгновение задумалась и создала похожую, но совсем бледную и почти незаметную сферу вокруг Лёши. «Хотя бы спасётся от людей», – решила Лица и выехала на дорогу.

К месту митинга она приехала гораздо раньше, чем Лёша и компания. Лица знала, что в дороге с ними ничего не случится. Чтобы преодолеть её щит, нужен был или постоянный

зрительный контакт с Тимофеем, что невозможно сделать в дороге, или пришлось бы убить саму Лику, причём, учитывая, сколько энергии она вбухала в защиту, второй вариант казался гораздо более вероятным.

Она припарковала автомобиль рядом со Спасом-на-Крови и оставшийся путь решила проделать пешком, параллельно исследуя территорию вокруг поля. По-прежнему не чувствовалось ничего особенного, обычные люди с их повседневными проблемами и заботами – никто из них не привлекал внимания. Она медленно шла по ухоженному парку между чёрных столбов деревьев, сканируя каждый метр окружающего пространства и упорно пытаюсь найти ответы на множество вопросов, роившихся в голове.

«Кому может быть выгодно убийство десятка людей? Причём непонятно, связаны ли эти убийства между собой и с сегодняшней ситуацией или нет... Могут быть и не связаны. Наши любят втихушку прикончить кого-нибудь из своих и потом с невинным видом свалить всё на сомнительные обстоятельства. Вполне возможно, что здесь поступили так же, воспользовавшись весьма непонятным предлогом. С другой стороны, большинство жертв были убиты колющим ударом прямо в сердце – идеальный способ высосать энергию человека вместе с душой. Кто-то мог, конечно, охотиться... Вроде бы, бывали случаи, что кто-то из наших пытался получить энергию напрямую, без таблеток, просто забирая её у людей, но это равносильно подписанию себе смертного приговора.

Чужеродная, ещё живая энергия человека разительно отличалась от субстрата таблеток: на её переваривание уходило едва ли не больше сил, чем она давала, да и с чужой душой проблем хватало. Таких отчаявшихся точно нет. Значит... всё понятнее.

Появился очередной маньяк-человек, весьма успешный. Он методично режет людей по подворотням, и, возможно, хочет убить политического деятеля. Одновременно с этим пропадает одна из наших. Тут интереснее: это случайное совпадение или кто-то под кого-то копает? В смертях можно кого-то обвинить и при должной поддержке в Совете, вернее, при достаточной объединяющей нелюбви к одному из его членов добиться уничтожения противника. Например, кого-то из Дома Матвея или Давида. Если грамотно оставить след чужой энергетики и подчистить свой, то это вполне реально. Геморрой, конечно, порядочный, но если цель оправдывает средства, то почему бы и нет... Надеюсь, что это не под меня копают. Подобное в мои планы совершенно не входило. Сегодня бы выжить, а не в чужих интригах копаться.

Ещё есть Лёша. Он тоже странная фигура. Непонятно, насколько повлиял на появление именно Лёши Матвей, но обычно всё-таки появлялись более смелые, собранные и готовые на всё персонажи. Из этого вряд ли выйдет толк в полном смысле слова, а значит – он зачем-то нужен. Интересно: зачем? Его глупостью, инфантильностью и готовностью всем верить можно легко манипулировать, следовательно, можно

направить их в любое русло... Можно использовать как свидетеля или доносчика. Он даже сам не поймёт, что расскажет. Идеальная марионетка, которую приставили именно ко мне... И, вероятно, не просто так приставили. Самое обидное, что он сам пока чист как стёклышко. От него ничего невозможно добиться, он просто ничего не знает. Что же мне с ним делать? Вполне возможно, сегодня ему будет угрожать реальная опасность, и я теоретически могу не успеть... Его спасти... Или обстоятельства могут сложиться так, что он погибнет. Матвей меня по головке не погладит, но формально придраться будет не к чему. Но тогда я не узнаю причину его появления, что крайне нехорошо. Всегда нужно знать, что против тебя замышляют. Что важнее: безопасность сейчас или информация на будущее?»

В задумчивости Лика вышла из парка, посмотрела по сторонам, повернула налево и медленно зашагала в сторону сцены. Ей совершенно не хотелось продвигаться вперёд. Ноги налились свинцом, голова гудела, а желудок исполнял акробатические трюки. Она привыкла доверять инстинктам и, если внутренний голос кричал об опасности, старалась сразу убраться подальше, но сейчас это было невозможно. Лика понимала, что что-то надвигается. Преследовало странное ощущение ужаса, как будто бы сейчас придётся столкнуться с кем-то по-настоящему сильным, с кем она раньше никогда не сталкивалась.

Нужно было действовать максимально надёжно, а значит

– грубо и примитивно. Щит, наложенный на Тимофея, по большому счёту оставлял для убийцы только один вариант действий – нападать на неё саму, причём в открытую, иначе пробиться не получится. Следовательно, она выиграла время для Лаза. Это было крайне рискованно, но действовать по-другому было ещё опаснее. Было непонятно, с кем или чем конкретно они столкнулись и на что он или оно способно, нужно действовать наверняка. Этот вариант почти стопроцентно гарантировал жизнь Тимофею, но Лика вынуждена была полностью довериться Лазу, что, как ни странно, её пугало меньше всего остального. Душу щекотало непривычное чувство зависимости и отсутствия контроля – некое воспоминание о прошлой, давно забытой жизни, где ещё можно было плакать, жаловаться и кого-то в чём-то обвинять.

Она быстро перешла дорогу к полю, где рабочие, громко матерясь, наводили последний марафет на сцене. Остановилась в пяти метрах от них, огляделась, словно прощаясь, набрала полную грудь воздуха и начала медленно выдыхать, одновременно очищая сознание от любых мыслей и страхов. Лика как никто знала, что во время работы разум должен быть холодным, чистым, в нём не должно быть ничего лишнего и, пожалуй, человеческого... Матвей уверял, что его не должно быть никогда, но полностью избавиться от эмоций и человеческой натуры Лика пока была не готова. Ей казалось, что это отличает её от остальных, особенно от проводников.

С последним глотком воздуха ушли все ощущения. Лика

растворилась в пространстве. Она больше не существовала как единый организм, тело, личность; она разлилась в воздухе, снеге, пространстве, людях и энергии, пронизывающей каждый атом этого мира. Лица была везде: и в лёгком морозном ветерке, дувшем с набережной, и снежке, который обиженный малыш бросил в машину, и в металлическом блеске опорных конструкций сцены – странное ощущение, к которому было слишком сложно привыкнуть. Ей нужно было раствориться, чтобы почувствовать, что с миром не так и кто пытается его изменить, пока не стало слишком поздно.

Пространство вокруг поля бурлило и клокотало в предвкушении надвигающихся событий. Оно кипело от нетерпения и жажды, зная, что скоро грянет взрыв, очищающий и высвобождающий потоки чистой энергии, а значит – и крови. Мир требовал искупления и жертв, и был готов сам убивать и калечить, лишь бы получить глоток сырой и первобытной силы. Казалось, что бесконечная Вселенная сжалась до размеров этого малюсенького клочка земли и превратилась в огромную чёрную дыру, которая ждёт выплеска силы, чтобы полностью поглотить.

Лица открыла глаза, она стояла всё там же и всё в той же позе. Для простых людей прошло не более трёх секунд, но она прожила целую жизнь в этом затягивающем и алчном пространстве... По хмурым лицам прохожих, их медленным и вязким движениям и густому, тяжёлому воздуху она поняла, что эта странная концентрация пространства влияет да-

же на них. Лика не знала, с чем она столкнулась, но совершенно отчётливо поняла, что ни она, ни Лаз, ни даже, пожалуй, все проводники, вместе взятые, не смогут сегодня помочь Тимофею. Она ощутила, что убийца ещё не появился, но приближается с каждой секундой. Лика почти слышала тяжёлую поступь и чувствовала на себе давящий взгляд. Она судорожно пошарила по карманам, нащупала пакетик с таблетками и негнушимися пальцами высыпала себе в рот.

– Убери щит, ты важнее, чем парнишка, – прошелестел тихий шёпот Лаза в голове.

– Уже не смогу... Он меня видит и идёт сюда.

– Плохо.

– Что это?

– Видимо, судьба... – В его словах не было никакой иронии.

В этот момент Лика почувствовала приближение Лёши и Тимофея. Она поспешно, с усилием преодолевая одеревенелость суставов и противное ощущение тошнотворного комка в горле, побежала за сцену так, чтобы они её не заметили, и, холодея от непонятного ужаса, вжалась спиной в задник сцены в надежде обрести укрытие. Лика чувствовала себя загнанным кроликом, попавшимся в логово к тигру. Мысли проносились в голове бегущей строкой:

«Что делать, мать твою!» – выругалась она и ударила ладонью о стенку. Мозг судорожно искал хоть какое-нибудь решение.

«Он меня заметил!» – Усилием воли она подавила приступ ледяного страха, поднявшегося из глубины живота. – «Кто это?!» – Лица сжала кисть, острые ногти впились в нежную ткань ладони. – «Проводник? – Нет, я бы знала. Слишком сильный. Кому это вообще надо?! – Она медленно сползла по стенке и опустилась колени. Хотелось заорать, но с губ слетел обречённый стон, переходивший в хрип. Виски пульсировали, а грохот сердца, казалось, уже мог слышать любой в радиусе ста метров. Лица зажмурилась и сильно, до слёз сжала переносицу, пытаясь сконцентрироваться. Затем медленно спустилась пальцами вниз, расстегнула куртку и достала из кармана складной нож. Его отблеск яркой вспышкой разрезал воздух.

Шокированный Лёша сорвался и бросился к Лике, но неведомая сила резким рывком одёрнула его назад и пригвоздила к прежнему месту. Он встал как вкопанный. Лица наклонилась вперёд, выплёвывая потоки крови, настолько обильные, что она подавилась ими и начала кашлять, содрогаясь всем телом и с каждым толчком становясь всё меньше и прозрачнее. После трёх особенно сильных толчков, она подняла голову и посмотрела куда-то в сторону парка и канала. Там стоял высокий сухопарый мужчина, одетый в не по сезону лёгкое чёрное длинное пальто и кожаные чёрные перчатки. На вид ему было около сорока лет, короткие расчёпанные пряди воронёно-чёрных волос падали на высокий

лоб, а длинный нос с горбинкой – видимо, последствие травмы – был чуть искривлён влево. У него был спокойный, даже равнодушный вид, а его фигура казалась преисполненной терпением.

«Вот ты, урод! Да кто ты такой?!» – Лика сплюнула последний раз и попыталась подняться. Её шатало, голова кружилась от большой потери крови. Теперь она знала, кто именно собирается убить Тимофея, мирно стоящего на сцене. Она чувствовала мощнейшую энергию, словно цунами катящуюся на сцену и сминаящую всё на пути. Незнакомец в лёгкую продавливал всю её защиту, заставляя ползать на коленях и захлёбываться кровью. С титаническим усилием Лика поднялась на ноги и, словно пьяная, направилась сквозь толпу ближе к опасности. С каждым шагом становилось труднее преодолевать мощную волну сопротивления, приходилось выгрызать каждый сантиметр пространства. Вскоре стало очевидно, что сопротивляться бесполезно. Лика вытерла ладонью рот, размазав кровь по лицу, и спросила:

– Кто ты?!

Незнакомец улыбнулся уголком рта и поправил слетевшую на глаза прядь волос.

– Неважно. Сними защиту с мальчишки. У меня нет задачи убить тебя.

– Иначе что?! – Лика чуть шире расставила ноги, боясь упасть.

– Ты сама все прекрасно знаешь... – Он пристально посмотрел на противницу. Лица почувствовала, как сердце постепенно замедляет свой темп, рискуя вот-вот остановиться. От её личной защитной ауры, на создание которой ушли годы, не осталось и следа. Каждая секунда могла стать последней.

– Оставь его, зачем он тебе?! – Её хрип стал почти нечленораздельным.

– У него мятежный дух... – Вдруг воздух пронзила яркая вспышка и в чёрную фигуру врезался огромный синеватый шар.

«Лаз, слава Богу!» – выдохнула Лица.

Заряд, выпущенный Лазом, был огромен. Лица ощутила всю мощь его энергии, но незнакомец даже не шевельнулся. Он удивлённо посмотрел на сполохи искр, стекавшие по пальто к ногам, отряхнулся, поискал взглядом источник, и, обнаружив невидимого Лаза, послал в его сторону поток красного пламени. Лаз успел материализоваться и отскочить в последний момент. Пламя зацепило только плечо, но в воздухе явственно запахло жареным мясом. Незнакомец послал череду новых зарядов, очевидно, самонаводящихся, Лазу пришлось передвигаться быстрыми скачками сквозь пространство, но на его одежде появлялись всё новые язычки пламени.

Лица оторопела от ужаса. Не верилось, что кто-то может раскидывать их как котят, а непобедимого Лаза заставить

спасаться бегством.

– Тебе не уйти, – спокойно произнёс незнакомец, отправляя новый столб пламени.

Ли́ка поняла, что долго это не продлится. Она развернулась и побежала к сцене. К счастью, адреналин помогал преодолевать боль.

«Только держись, Лаз, миленький...»

Больше всего она боялась не успеть. Секунды казались вечностью. Когда до сцены оставалось метра четыре, она последним усилием создала телепорт и прыгнула прямо в защитную сферу к Тимофею.

Лёша почувствовал, что мир остановился. Не только он больше не мог пошевелиться, но все окружающие люди замерли в неестественных позах. Пропали звуки, как будто в одно мгновение он утратил слух. Исчезло чувство времени и пространства, будто кто-то нажал паузу на гигантском видеоманитоне.

– Оставь его или я убью мальчишку! – окровавленная Ли́ка стояла за спиной Тимофея. Их фигуры всё ещё были скрыты защитной сферой. Одной рукой она яростно прижимала к себе неподвижное тело, а другая вместе с ножом была приставлена к горлу политика.

Незнакомец посмотрел на неё и удивлённо вскинул бровь, мгновенно забыв о Лазе. Перешагивая через очаги пламени – остатки выстрелов, горевшие прямо на снегу – он направился прямо к сцене.

– И что ты делаешь? – иронично поинтересовался он. Он подошёл ближе, и от его холодного взгляда Лика непроизвольно поёжилась. Здесь под сферой она почувствовала себя чуть лучше, поскольку оболочка почти не пропускала бешеную энергетику соперника.

– Я убью его прежде, чем ты что-то сделаешь, и получу его душу. Даже если ты убьёшь меня, его души тебе не видать! – загнанная в угол, она начала сбиваться на остервенелый крик.

– С чего ты решила, что мне нужна его душа? – Незнакомец не терял чувства собственного превосходства.

– Если бы она не была нужна, ты бы сам сюда не пришёл. Он бы погиб другим способом, – отчаянно прошептала она.

– Возможно... Хочешь по-плохому? – констатировал он. – Без проблем.

Он повернулся, поднял руку, и у его ног возникло тело Лаза. Тот был жив, но без сознания. Множественные ожоги изуродовали грудь и конечности, а на лице зияла кровавая рана.

– Меняемся? – Правую руку незнакомец вытянул в знак приглашения.

Лика бессильно сжала зубы, полностью осознавая, что не способна что-либо сделать.

– Нет, я не могу... – Она опустила глаза и как-то сторбилась.

– Жаль... – Незнакомец сделал изящное движение ки-

стью, и тело Лаза мгновенно отлетело в сторону, с глухим звуком ударившись о дерево. Лица содрогнулась.

– Я убью его и заберу себе... – по-детски отчаянно прошептала она.

– Убивай, иначе я убью вас обоих...

Её глаза изумлённо расширились. Она посмотрела на противника, на неподвижное тело Тимофея в своих руках, на окружающих, бессильными марионетками зависших в пространстве, в поисках помощи и поддержки. Несколько раз поморгала, пытаясь справиться с подступившими слезами и произнесла:

– Он тебе не нужен?

– Не медли. Я могу тебе помочь.

Кости в её правой ноге отвратительно захрустели, ломаясь и перерезая острыми краями плоть. Лица заорала и повисла на Тимофее.

– Ну что же ты? – Его голос был почти разочарованным. – Почему медлишь? Нельзя же так.

Он скрестил руки на груди и театрально поцокал языком.

– Не заставляй меня ломать все кости...

Лица почувствовала, как её нижние рёбра прорываются сквозь ткань брюшины. Разум заволокла пелена боли, слёз и ненависти. Каждую секунду она могла упасть в обморок. Вариантов больше не было. Только бы эти адские муки закончились. Последним всплеском сознания Лица нащупала холодную рукоятку ножа и что есть силы воткнула его в тём-

лое трепещущее тело.

Глава 18

Ли́ка очнулась от адской боли в теле. От боли хотелось сжаться комочком и тихонько скулить, пока она не уйдёт. Разум мучительно не хотел просыпаться, редкие мысли выплывали из небытия огромными ленивыми китами. Она с трудом вспомнила поле, раненого Лаза, трепет сердца Тимофея и бесконечные ледяные глаза незнакомца... Но ни гнева, ни агрессии она почему-то не испытала.

«Меня чем-то накачали,» – равнодушно констатировала Ли́ка. – «И где же я теперь?»

Ли́ка осторожно приоткрыла глаза и невольно присвистнула. Полутёмная комната походила на дорогой бордель. Окно во всю стену закрывали тяжёлые бархатные шторы лилового цвета. Кровать, покрытая чёрным шёлковым бельём, скорее ассоциировалась с посадочной площадкой вертолёта, чем спальным местом. Около неё стояла пара прикроватных тумбочек, в ящики которых Ли́ка бы не решилась заглядывать. В противоположном углу стоял большой чёрный плюшевый диван и несколько таких же табуретов. Довершало весь этот ансамбль громадное зеркало, висевшее как раз напротив кровати и украшенное барельефом в виде целующихся фигурок ангелочка и чёртика.

«Писец, только не это!»

Ли́ка шумно выдохнула и приготовилась ждать. Ждать

пришлось долго. Наконец, до неё донеслись мягкие размеренные шаги дорогой кожаной обуви по блестящему паркету. Она знала, кто сейчас появится в дверном проёме, и даже попыталась морально подготовиться к встрече, но спорить с древней истиной «перед смертью не надышишься» было глупо. Шаги замерли как раз под дверью. Лица невольно задержала дыхание в ожидании звука поворачивающейся ручки, но его не последовало. Посетитель просто стоял у самой двери, и, быть может, прислушивался. Она закатила глаза, скривила рот и от нетерпения начала постукивать пальцами по плотному покрывалу. Из-за двери не последовало никакой реакции. Она вздохнула.

– Может, хватит играть в тень отца Гамлета?

– Ну я же джентльмен. И не могу войти в комнату полуобнажённой девы без приглашения... – Голос прищельца был сладостно-ироничным.

– Мать твою! Входи уже! – Лица теряла терпение.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Аарон. На этот раз он был одет в тёмные брюки и аквамаринный шёлковый халат, доходивший до середины бедра и выгодно подчёркивавший бледность кожи и красоту фигуры. Лица мгновенно ощутила и тщетно попыталась закрыться от напористой волны энергии, исходившей от проводника. От неё всегда становилось тесно и неудобно, как будто его энергетика пыталась вдавить в стенку или даже выжать за пределы помещения. Аарон прошёл мимо кровати и опустился на диван, удобно облокоч-

тившись на спинку. Только после этого он смерил Лику долгим оценивающим взглядом, от которого ей захотелось закрыться до подбородка одеялом, но усилием воли она сдержала этот порыв. Аарон едва заметно улыбнулся.

– Только не говори, что это лиловая радость юной принцессы – твои личные апартаменты? – Лика саркастично приподняла бровь.

Аарон хмыкнул и покачал головой.

– Почему я здесь?

Проводник расстроено поджал губы, но мягко ответил:

– Я был неподалёку... совершенно по другому делу, но почувствовал, что у вас что-то творится, и приехал. Ты была крайне плоха, тебе нужна была помощь, Лаз того хуже. Не мог же я вас там оставить?

– Естественно, нельзя упускать возможность выставить счёт Матвею и Давиду за наше, якобы трудоёмкое лечение, – продолжила мысль Лика, незаметно натягивая одеяло чуть выше.

Аарон сморщился, изобразив обиду, и отмахнулся:

– Было б там что получать. Всё из-за чувства глубокой солидарности и нежной любви. – В его глазах мелькнул хищный отблеск.

Лика помедлила, думая, стоит ли задавать следующий вопрос.

– Спасибо, что спас. Это было крайне мило с твоей стороны, – она придала голосу беззаботности и равнодушия. –

Как Лаз?

Проводник прищурился и, выждав несколько секунд, медленно произнёс:

– Мог быть и лучше. Без сознания. Застрыл на полпути между мирами. Давид пока не подтвердил, что готов вкладываться в его лечение, а оно потребуется серьёзное.

– Но его можно вылечить? – Надежда всего на миг озарила её лицо, но для проводника этого было более чем достаточно.

– Почему для тебя это так важно? – Аарон резко помрачнел.

– Он меня спас. Я ему благодарна.

– Ну-ну... – Аарон задумчиво почесал подбородок.

Несмотря на неловкость ситуации, Лика невольно залюбовалась грациозным движением его руки и длинных ухоженных пальцев с аккуратными ногтями. В голове возник образ этой бледной кисти, сжимающейся на её горле, от чего по телу побежали мурашки. Лика фыркнула, удивившись неадекватности собственного подсознания, и отвернулась, чтобы как можно быстрее избавиться от образа.

Аарон сидел в той же позе и задумчиво рассматривал ногти, но теперь его лицо приобрело хмурое и отстранённое выражение, демонстрировавшее, что он вообще не хочет здесь находиться.

Наконец действие неизвестных препаратов начало проходить, и воспоминания Лики стали пронзительно отчётливы-

ми. Она мысленно просмотрела их ещё раз, словно хорошо известный фильм, и сердце забилось от выплеска адреналина. Лица была готова вскочить и ринуться искать этого чёрного урода.

– Кто это был?! – Она напряглась всем телом и приготовилась к борьбе.

– Ты о чём? – притворно поинтересовался Аарон, пряча вернувшуюся улыбку.

– Ты знаешь, о чём я... – В её голосе вновь появился привычный металл.

– А наш незнакомец умеет запомниться? Не так ли? – Кажется, вся ситуация проводника только забавляла. Он в нетерпении прижал два пальца к губам, стараясь выглядеть хоть сколько-нибудь серьёзным, но озорные искорки в темноте зрачков его выдавали.

– Господи, как же я вас ненавижу! Вас реально все это развлекает?! – В сердцах Лица замахала руками перед собой.

– Всё не так просто... – с лёгким азартом отозвался Аарон, но решив не перегибать палку, осторожно продолжил. – Я пока не слишком уверен, но мне кажется, что это палач. Таких сильных я ещё не видел, но мало ли...

– Палач? – перебила озадаченная Лица. – Я думала, что это выдумки и их не существует.

– Ну почему же не существует? Они редко встречаются, но вполне реальны, просто обычно мироздание долго подбирает комплект из душ, которые палач должен собрать...–

Аарон наклонился вперёд, с каждым словом он становился всё более воодушевлённым и говорил всё быстрее.

– То есть это правда? Время от времени подбирается комплект из людей, которые порядочно нагрешили в прошлых жизнях и должны бы пострадать в этой? Тогда хаос создаёт некое существо – палача, жнеца? И его функция – их убить и желательнее помучительнее?

– Грубовато, конечно, но в общих чертах так. Смотри: есть среди людей банальные маньяки и серийные убийцы, некоторые из них несут ту же функцию, просто в меньшем масштабе. А палачи... Они более глобальны, что ли... Их энергия и сила растёт с каждым убийством. Палач убивает одного, второго, несколько человек, десятки, сотни, тысячи, пока их не остановят или они не выполнят свою цель... Теоретически он может уничтожить целые государства или даже планету... – Улыбка проводника стала особенно отвратительной. – Равнодушный убийца, госпожа смерть в её фольклорном воплощении...

– Но как же надо накосячить, чтобы за тобой пришёл палач?

– Да там даже не в поступках дело. Люди не оригинальны в своей жизни: где-то поворовал, где-то убил, где-то предал... – Аарон поморщился. – Здесь скорее в количестве дело. Обстоятельства должны сложиться так, что на одной территории в одно время появится достаточно большое количество людей, которые в прошлом кому-то насолили, и теперь их

ждёт та же участь. Тогда разумнее и рациональнее не формировать для каждого отдельную смерть, а послать одного палача, который поможет всем одновременно...

– И, кажется, я даже догадываюсь, кто помогает всем этим людям оказаться в одно и то же время... – Лике пришлось выдавливать из себя каждое слово.

– Да... – Аарон наблюдал за ней с нескрываемым наслаждением. – Одна из наших функций... Но я тебе этого не говорил. Не знаю, как там у Матвея с педагогикой. Но вряд ли он обрадуется, что я раскрываю его любимице все культурные тайны.

– Не волнуйся, он переживёт... – Лика опустила голову и зажмурилась.

Глава 19

Ли́ка спустилась вниз в общую гостиную только через три часа. Ровно столько ушло на то, чтобы привести себя в порядок, вспомнить мельчайшие подробности драки на Марсовом поле, подумать над словами Аарона, своими дальнейшими действиями и смыть с рук кровь Тимофея. На самом деле коричневые следы смылись почти сразу, но она упорно продолжала намывать пальцы снова и снова. Лике казалось, что вместе с пеной уйдёт и ноющее воспоминание о собственной слабости, о том, как она не смогла хоть что-нибудь придумать, сделать, найти способ обмануть или перехитрить палача.

Конечно, это была крайне сложная задача, почти невыполнимая, но она прекрасно осознала, что сделала слишком мало. Ли́ка сдалась сразу, как только увидела незнакомца, почувствовала его силу. Уже в тот момент от воли, разума и собранности не осталось и следа. Именно в тот момент Тимофей погиб, и неважно, что произошло дальше. Она позволила чувствам и страху поработить разум и мысли и думала только о том, как бы сбежать, спастись, а не выполнить задание. Покорилась палачу, и тот забрал жизнь Тимофея вместе с её гордостью и волей, а это простить себе было сложно. Ли́ка плохо представляла, чем грозит проваленное задание, учитывая новые обстоятельства, но догадывалась, что

Матвей знает каждый мельчайший оттенок эмоций и каждую мыслишку, которая мелькала у неё в голове в этот момент. И за это презирала себя ещё больше.

Перевязав себе хвост и поправив одежду, Лика замерла над раковиной в ванной, разглядывая собственное отражение. Она пристально изучала своё лицо, каждый мускул и шрам, пытаясь найти ответ на вопрос, почему же сбежала как малолетняя школьница. Она, существо, которое побывало уже во всех передрягах, боролось с абсолютно разными по силе и возможностям противниками, погибало и воскресало, знает, что такое вечность наедине с собственным сознанием и насколько эта вечность неразрывно связана с безумием. Каждый раз было страшно, сердце замирало от крошечного ужаса, что сейчас настанет конец и придётся вернуться обратно в хаос, но решимость каждый раз пересиливала. Всегда была какая-то идея, надежда, уверенность: что бы ни произошло – её не сломить. Но не в этот раз. И этот факт острой занозой засел в сознании. Лика прекрасно знала и ни раз сама пользовалась тем, что в их мире, если ты хоть на секунду остановился, испугался, засомневался, то ты мгновенно умираешь – слишком уж большая конкуренция.

Её губы искривились от отвращения. Она плеснула водой в отражение в зеркале, и что было силы сжала ещё не до конца зажившее бедро, с садистским упоением впиваясь ногтями в мягкую не зарубцевавшуюся ткань. От нечеловеческой боли губы сжались, а лицо исказила гримаса страдания,

но рука продолжала сжимать всё сильнее, стараясь доставить максимум мучений.

– Так тебе и надо, мразь! – прошипела она сквозь сбившееся дыхание и сплюнула в раковину.

Через пятнадцать минут Лика уже входила в знакомый просторный зал, оформленный в японском стиле, где как раз накрывали на стол. В помещении было около пятнадцати человек – всё принадлежали этому Дому. Во главе низкого псевдояпонского стола на кресле восседал сам проводник, остальные рассредоточились по залу, часть разговаривала, часть – пила алкоголь, кто-то молча сидел в одиночестве. Но как только Лика переступила порог, все взгляды устремились на неё. Она отметила ненависть и, наверное, даже зависть, которые плотоядными осьминогами лезли из каждого уголка комнаты и тянули скользкие щупальца. Ещё бы – проводник не каждый день спасает представителя чужого Дома, да ещё и уделяет ему столько внимания, а слухи о палаче уже должны были расползтись по округе. Эта ненависть была даже приятна и слегка будоражила кровь. Она всегда была уверена, что если тебя ненавидят, то ты – молодец и сделал что-то значительное. Но среди всех особенно выделялся взгляд Наамы – последнего из увлечений Аарона. Было в нём что-то отчаянное, ревнивое и искренне разочарованное. Кажется, любовница проводника знала гораздо больше других и очень рассчитывала, что Лика не переживёт последнюю стычку. Лика никогда не воспринимала её всерьёз,

хотя и понимала, что по неведомой причине Наама считает её соперницей. Но сейчас в той появилась обречённость, от которой становилось не по себе. Лика прекрасно понимала, что нет ничего опаснее ревнивой отчаявшейся женщины, и на всякий случай мысленно поставила себе галочку не пересекаться с ней или сразу же убить, если первое не удастся.

Пока же оставалось только одно. Она нацепила на лицо самолюбиво-чванливую улыбку, не торопясь вышла на середину комнаты, и громко произнесла:

– Добрый вечер, господа!

Повисла немая пауза, в течение которой Лика ждала, что сейчас в неё полетит смертельный заряд или кинжал воткнётся в горло, но толпа безмолвствовала, за исключением нескольких плевков и неприличных выражений, произнесённых шёпотом и вполоборота. Один только Аарон, пряча улыбку за бокалом виски, отстранённо указал на кресло недалеко от себя, приглашая присесть.

Лика вежливо кивнула в знак благодарности и осторожно села на мягкое сидение. Ещё несколько мгновений тишины и комната заполнилась привычным бурлением разговоров и обыденного для этого Дома времяпрепровождения. Лика оценила, что никто не посмел ей ничего сказать или сделать в присутствии Аарона, что было приятно, хотя и несколько опасно. Обычно те, кому благоволили проводники, плохо заканчивали.

Но в данной ситуации это ей только помогло. Она давно

выбрала для себя образ глуповатой, инфантильной, заносчивой и уверенной в собственной неуязвимости девицы, что всех раздражало, но при этом никто из соперников не воспринимал её всерьёз, считая, что «она-то точно долго не проживёт». Лика справедливо полагала, что чем глупее, и заносчивее выглядит, тем меньше будет опасных врагов и нерешаемых проблем, поэтому упорно пыталась скрыть своё истинное я, хотя, если честно, уже с трудом могла вспомнить, кто был этим «я» и было ли оно вообще. На своей шкуре она прочувствовала принцип, что нельзя слишком долго играть какую-то роль, однажды перестанешь различать границы между ролью, собой и этим миром. Но возвращаться и отступать было уже некуда, приходилось соответствовать выбранному амплу, хамить, дерзить и вести себя как испорченный ребёнок.

Как только запах еды достиг рецепторов, Лика неожиданно осознала, насколько на самом деле голодна и просто набросилась на суши и рыбу. Её давно напрягала любовь Аарона ко всему якобы японскому и восточному, но дарёному коню в зубы не смотрят.

Лику волновала судьба Лёши, но расспрашивать пока было нельзя. Она и так уделила Лазу слишком много внимания, что сильно не понравилось Аарону. Показывать привязанность или озабоченность кем-то означало подставить себя и этого человека, поскольку именно вашу связь будут использовать в первую очередь, чтобы добраться до вас обо-

их. О Лёше стоило вспомнить как-то невзначай, всё-таки он её задание. С другой стороны, она знала, что с Лёшей всё в порядке. Не зря она кинула в него сильной заморозкой, чтобы он даже пошевелиться не мог. Всем было банально не до него. Хотя истерит, наверное, сейчас знатно ... – при этой мысли Лика невольно ухмыльнулась.

– И что же тебя радует? – ворвался в размышления Аарон.

– Ничего, просто никогда не понимала твой вкус, ну если это можно так назвать. – Лика обвела глазами еду и интерьер.

– Это не мой, – отозвался проводник, – это Наама всем занимается. – С нескрываемой иронией произнёс он, поднимая глаза на стоявшую за Ликой Нааму. Та подошла к Аарону опустилась на подлокотник его кресла и прижалась грудью.

Лике пришло в голову, что Наама напоминает самку, метящую территорию, но ещё одного комментария или смешка в свой адрес ревнивица бы точно не выдержала, поэтому Лика молча уткнулась в тарелку.

Было странно, что Аарон столько позволял новой подружке, хотя особой силой или умом она никогда не славилась. Уж что-что, а постоянство ему точно было не свойственно. О его нестандартных увлечениях, изошрённости вкусов и обширности связей ходили легенды. Лика не раз замечала, что стоило ему только обратить на неё обжигающий и порочный взгляд, как на ум сразу же приходили самые потаённые и запретные желания, в которых она даже себе никогда не при-

знавалась. Странный загадочный магнетизм и подавляющая энергетика, своеобразная аура хозяина действовали на всех, особенно на женщин. По тому, как ей самой порой хотелось подчиниться, почувствовать себя собственностью, которой он сможет распоряжаться как угодно, и сгорать от восторга, что он-таки обратил на неё толику своего внимания, Лика понимала, что его власть над другими женщинами, а может, и не только женщин поистине безгранична. Почему же проводник позволил одной из них считать, что она имеет какие-то права? Возможно, это была очередная игра или ему хотелось увидеть, как Наама будет страдать, когда её воздушные замки падут, или ещё одна из тысячи причин, которую мог найти для себя Аарон.

Пока Лика пыталась изобразить искреннюю увлечённость едой, Наама взглядом упорно сверлила в неё дырку, видимо, надеясь избавиться от соперницы прямо здесь и сейчас. При этом она старалась как можно ближе прижаться к любовнику и обнять как можно больший кусок его тела. Лика наблюдала за всем этим краем глаза и набивала рот едой, чтобы случайно не прыснуть от смеха. Когда ревнивица всё-таки поняла, что её взгляд не настолько убийственный, как хотелось бы, она перешла к словесной перепалке:

– Ну и каковы ощущения, когда провалила задание, причём сама же убила мальчишку? Не страшно? – с вызовом поинтересовалась Наама. При этих словах все присутствовавшие замолкли, прислушиваясь.

Ли́ка подняла палец в знак того, что ей нужна минутка на тщательное пережёвывание пищи, затем выпила глоток воды и только потом размеренно заговорила:

– Знаешь, а ничё так... Только спина болит и ногу подвернула. – Она жеманно поджала губы и, закинув ногу на ногу, положила руку на болевшую лодыжку.

– Матвей тебя точно прибуёт, – ехидно прошипела Наама, мгновенно став похожей на кобру.

– Кто знает. А ты неплохо осведомлена о событиях и моей личной жизни. – Она посмотрела в глаза Аарону, но тот явно наслаждался ситуацией.

– Из-за тебя Лаз подставился! И сосунка ты своего кинула! – Тон её голоса становился все выше и выше.

– О, кстати, о сосунке... – Ли́ка мысленно благословила женскую скандальность. – Где он?

– Он на первом этаже, чтобы не мешал, – отозвался Аарон.

– Прекрасно, ну я тогда пойду, как раз парня заберу, а то он волнуется там, бедный... – Ли́ка с невинным видом отставила еду, положила рядом лиловую салфетку и поднялась на ноги. – Спасибо за хлеб, соль и хорошую компанию, но пора уже и честь знать... – Она кивнула проводнику и повернулась в сторону выхода.

– Ли́ка, ты же понимаешь, что однажды ты за все это расплатишься? – Тихий голос Аарона прозвучал громогласно. Ли́ка обернулась, оценила отсутствие каких-либо эмоций на белоснежной маске его лица, слегка приподняла бровь и

медленно кивнула:

– Конечно, понимаю... Но если я буду паинькой, то умру гораздо раньше... – Она развернулась и зашагала прочь.

Когда закрылась дверь, ведущая в общую гостиную, Лика почувствовала огромное облегчение. Ей всегда было крайне тяжело находиться рядом с Аароном. Он оказывал сильное влияние, и она боялась забыть про свои интересы, желания и цели, поддавшись его очаровывающе-маниакальному обаянию. Теперь одной проблемой стало меньше, хотя, конечно, оставался Матвей, чья реакция на произошедшие события могла быть непредсказуемой, что не радовало. Вопрос Наамы её не задел, но в чём-то эта истеричка была права. Лика вошла в лифт и нажала кнопку первого этажа.

Непонятно, почему Матвей дал ей это задание. Поверить в то, что он не догадывался или как минимум не предполагал, что это палач, было крайне сложно. Аарон в курсе, а Матвей гораздо более опытный и старый лис, который уж точно учитывает все возможности. Соответственно именно он поручил изначально провальное задание, в котором ещё и выжить проблематично, но при этом привлёк Лаза, который должен был служить опорой и поддержкой. С одной стороны, это была хорошая помощь, но с другой, возможно, он хотел от них обоих избавиться таким эффективным способом. Всё-таки справиться с палачом почти невозможно. Хотя если Аарон описал его правильно, то это, скорее, наёмный убийца, беспристрастный судья, который приходит

в этот мир за конкретным списком людей. Трогать кого-то ещё он либо не может, но тогда Лика сильно сглупила, убив парнишку, либо может, но постарается этого не делать. По собственному опыту Лика хорошо знала щепетильность хаоса в плане исполнения наказаний. Учитывая, как сильно он помял их с Лазом, палач бы всё-таки их убил, если бы возникла такая необходимость. Так что, вероятнее всего, Лика не ошиблась... Но можно ли верить Аарону? Сказал ли он правду насчёт палача? Возможно, это очередная злобная шутка... Вполне в его духе. Тогда встреча с Матвеем могла закончиться крайне плачевно...

Створки лифта разъехались и Лика шагнула в комнату охраны. В ней всё так же сидело двое, таких же неприятных, с масляными маленькими поросычьими глазками. Казалось, что их только по этому критерию и подбирают.

– Где парнишка молодой заперт? – будничным тоном поинтересовалась Лика.

– Да вон там ... за шкафом, – равнодушно махнул рукой один из них.

– Хм, спасибо! – Лика удивилась отзывчивости охранников и отправилась открывать дверь.

Дверь закрывалась на банальный шпингалет, который она легко отодвинула.

– Вылезай, кавалерия прибыла! – радостно обратилась она к темноте.

– Лика? – Голос Лёши был заспанным и удивлённым.

– Нет, Дед Мороз. Вылезай отсюда! Нас ждут великие дела.

Из комнаты раздался шум неторопливой возни и вскоре в проёме возникла фигура сонного и помятого Лёши.

– Солдат спит – служба идёт! – констатировала Лика и дружески хлопнула его по плечу. Она направились к выходу и с удивлением про себя отметила, что внутри поднялась волна тепла и уюта.

Они вышли из здания, Лика невольно зажмурилась от яркого солнечного света, который отражался от снега и слепил глаза.

– Опа, а Аарон гораздо заботливее, чем я думала!

– Ты о чём? – не понял её мысль заспанный Лёша.

– Да даже машину пригнали! – Лика указала на чёрный джип, стоящий у подъезда. – Прямо сервис. – Она загадочно улыбнулась.

– Куда мы сейчас?

– Хм... – Лика в задумчивости обошла машину, удостоверившись в её сохранности и открыла дверь. – Едем ко мне, отдыхаем и чистим пёрышки, а завтра на ковёр к Матвею.

Всю дорогу они ехали молча. Лёша никак не мог собраться и задать какой-нибудь вопрос, лелея надежду, что Лика сама решит заговорить о произошедших событиях, но его надежды не оправдались. Он искренне считал, что им есть что обсудить, и Лика могла бы объясниться, но лезть, пока она сама не заговорила, считал опасным. В голове по-

прежнему крутились картинки и обрывки мыслей с Марсова поля: испуг, ощущение бессилия и кромешный ужас, когда он увидел, как Лика всадила по самую рукоятку нож в сердце их подопечного. Помимо морального аспекта проблемы – было искренне жаль Тимофея – Лёше всё это казалось нелогичным. Конечно же, он отлично, хоть и не без сожаления, понимал, что Лика способна убить кого угодно, лишь бы эта смерть была выгодна. Поэтому напоминать ей о том, что нехорошо убивать людей, было совершенно бесполезно. Но смысл убивать того, кого тебе поручили защищать?

Ещё там на поле, когда он потерял способность двигаться, Лёша понял, что это Лика таким образом то ли защитила его, то ли убрала помеху, которая путалась под ногами. В каком-то отношении он был даже благодарен, поскольку с него снималась ответственность за происходящее. Но с другой стороны, он стал соучастником убийства, а им Лёше быть не хотелось совершенно. Он ошарашенно следил за лезвием, размеренно и словно нехотя опускающимся на грудь политика, его лицом, полным детского удивления и непонимания. Видел подогнувшиеся колени и тело, в одно мгновение превратившееся в труп и ничком падающее со сцены прямо под ноги зрителям... Лёша перевёл взгляд на Лику, которая сжимала нож ещё несколько секунд, затем сделала несколько шагов в глубину сцены и рухнула вслед за жертвой. Поднялись крики, шум, гам, Тимофея мгновенно окружили, пытаясь определить, что с ним, поскольку, как ни странно, ни

следов крови, ни повреждений не было видно. Кто-то сразу начал звонить в скорую, а большинство просто стояло и глупо смотрело на происходящее.

Минут через пять появились Аарон с тремя спутниками, их не видел никто, кроме Лёши. Двое быстро осмотрели жертву, ещё один осторожно приблизился к Лике, не решаясь её перевернуть или дотронуться. Он постоял, пытаясь по дыханию определить, жива ли она, но махнув рукой, отошёл и что-то шепнул на ухо Аарону. Проводник кивнул, подошёл к Лике, наклонился, внимательно заглянул в лицо и осторожно сунул несколько таблеток в рот. Удостоверившись, что они начали растворяться, он поднял её на руках и передал одному из помощников. Затем направился к Лазу, вернее, скоплению костей, мяса и клочков одежды. Аарон недовольно скривил губы, в его руках что-то блеснуло и быстро исчезло. Он кивнул сопровождающим и те быстро материализовали носилки, на которые осторожно перенесли Лаза и понесли по направлению к небольшому микроавтобусу.

Аарон тем временем в задумчивости остановился недалеко от сцены, медленно оглядываясь вокруг, то ли пытаясь кого-то найти, то ли стараясь что-то понять. Его лицо осталось беспристрастным. Лёше до жути хотелось потянуться к нему, пробраться в его мысли или хотя бы дать о себе знать. Но невидимый щит был непроницаем не только для окружающих, но и для него самого, поскольку все его жалкие попытки выйти за пределы купола заканчивались ничем.

Проводник постоял какое-то время, глядя в ту же сторону, куда смотрела Лика. Лёша смутно догадался, что там должно было быть объяснение всем событиям. Он напрягся в попытках приоткрыть рот и крикнуть Аарону о своём присутствии, но вместо звука получилось неловкое бульканье.

«Лика, чтоб тебя! И что мне по-твоему теперь делать?»

В венах забурлил адреналин, а спина покрылась потом от мысли, что он может так и остаться здесь... Навсегда, если только Лика не соизволит вспомнить о несчастном, которого бросила без возможности двигаться. Но на это не стоило особо сильно надеяться.

Воображение нарисовало картину ужасного конца от голода и жажды, хотя, наверное, в его случае скорее от недостатка таблеток. Глупая и нелепая смерть в полном одиночестве среди толпы.

«Ирония судьбы», – грустно констатировал Лёша.

Аарон развернулся и зашагал в сторону микроавтобуса. Каждый шаг отдавался в груди гулким эхом, а сознание фиксировало мельчайшие движение мускулов проводника.

«Пожалуйста, пожалуйста... Заметь меня... Умоляю... Аарон...» – затараторил он. – «Господи, я буду хорошим, я ничего плохого не сделаю, я буду очень хорошим, только, пожалуйста, заметь меня».

На лбу выступила испарина.

Проводнику уже оставалось не более десяти шагов до машины.

Девять...

Восемь...

Семь...

Шесть...

Вдруг он чуть изменил направление ...

На миг в душе у Лёши мелькнула надежда...

Но Аарон просто зашагал в сторону блестящего спорткара, стоявшего неподалёку.

«Какого чёрта?! Чтоб тебя!»

При этом проводник замер, развернулся и злобно уставился прямо на Лёшу. Тот невольно сжал зубы и сильно пожалел о своих мыслях. Взгляд Аарона было сложно вынести, даже несмотря на невидимость. Казалось, он смотрит прямо в душу, от чего становилось жутко, хотелось закрыться, сбежать.

Лёша уже был готов провалиться сквозь землю, но в этот момент Аарон щёлкнул пальцами, из микроавтобуса выскочили помощники, побежали к Лёше, грубо схватили его за руки и потащили в машину. Они затолкали его на заднее сидение и привалили каким-то барахлом.

– Шелохнёшься – сдохнешь! – тоном героя дешёвого боевика произнёс один из них.

Напуганный пленник только и смог, что рассеянно кивнуть, ещё не до конца осознав своё спасение.

Они в полном молчании преодолели путь к Ликиному дому, зашли в продовольственный магазин, купили продукты и поднялись в квартиру.

– Картошки пожарю – будешь есть? – Лика потащила два пакета на кухню.

– Ага, только я не очень голодный...

– А чё так? У Аарона в тюрьме теперь ещё и кормят? В мои времена такого не было. – Лика задорно подмигнула, разгребая покупки и распихивая их по холодильнику.

– Нет, просто не хочется... – отрешённо ковыряя дырку в скатерти, отозвался он.

Лика смерила его долгим изучающим взглядом, вздохнула, сложила руки на груди и произнесла:

– Ладно тебе. Выбора у меня не было. Мальчишке всё равно не жить...

Лёша хоть и крайне надеялся на этой разговор, но все равно вздрогнул, когда он начался.

– У тебя всему только одно объяснение, а его жалко. Зачем ты меня к нему послала?

Лика покачала головой.

– Потому что так было нужно... – Она вздохнула и посмотрела в окно. – Пойми... – В её голосе послышалась обида. – Я не знала, с кем... чем мы столкнёмся, я не знала, что с этим делать... Я такого никогда раньше не видела. – Она закусила губу.

Лёша замер. Лика заглянула ему в глаза, глубоко выдохнула и очень тихо заговорила:

– Там... На поле... Был кто-то или что-то... Я такого не встречала... Это не человек, не проводник... Гораздо хуже.

Ощущение, что это сама судьба, смерть. – Лика говорила все быстрее, теряя контроль над собой. – Я не знаю... Мне было адски страшно, это даже не ужас, а полная безысходность, отчаяние. Я мгновенно поняла, что он убьёт меня, убьёт здесь и сейчас, и ни я, ни Лаз, ни все мы вместе взятые не сможем ничего сделать. Он дал понять, что я ему не нужна, ему нужен Тимофей, и что меня он трогать не будет, если только мои действия его не вынудят. А я его закрыла щитом, вложила в него всё, что могла. Он требовал, чтобы я сняла защиту, чтобы он мог забрать Тимофея, вернее его душу. Я не могла допустить, чтобы этот засранец получил ещё больше энергии. Поэтому я решила её не отдавать. Я забрала сама.

Лёша нервно сглотнул.

– Этому... существу была нужна...его... душа? – выдавил Лёша.

– Душа, если в неё верить, жизненная сила, божья искра... Всё что угодно. По сути, это огромный источник энергии, восстанавливающийся, такой маленький ядерный реактор, который постоянно производит энергию, поэтому люди живут.... А мы глотаем таблетки... – Лика начала судорожно чистить картошку.

– То есть... теперь... у тебя.... То есть с тобой?

– Ну да... В некотором роде, но нет, я его не чувствую, не ощущаю, если ты об этом, просто у меня чуть больше сил. Обычно за такое наших убивают, вернее исключают и так

или иначе он погибает. Возможно, так же будет со мной. Я пока не знаю.

– Такое возможно?

Ли́ка пожала плечами.

– Аарон говорит, что это был палач... – Она задумалась и, предвосхитив дальнейший вопрос, продолжила: – Я считала, что это вроде сказки. Якобы иногда хаос отправляет специальных существ, чтобы собрать урожай, забрать какое-то количество людей, которые провинились в прошлом и должны получить наказание. Такой кармический палач, который должен вернуть долги. Неизвестно, когда, по какой причине и за кем именно он приходит, но говорят, что такое случается. Аарон считает, что это как раз тот случай.

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Честно. Я не верила в это, мне казалось, что у вселенной есть более изощрённые способы, но тот человек на поле... Пожалуй, он соответствовал моим представлениям о порождении хаоса.

На сковородке аппетитно забурлило масло и вкусно запахло жареным луком.

– А его возможно остановить?

– Я не знаю, Аарон мне ничего не говорил об этом. Я даже не знаю, по какому принципу он выбирает жертв и конечно ли их число. Вроде как, список должен быть ограничен. Но с каждой душой он становится сильнее... Гораздо сильнее... По идее, он может совершить всё что угодно. Планету

уничтожить... Хотя на это даже у проводника может хватить сил, если постараться. – Лика в задумчивости постучала лопаткой по подбородку. – Просто если представить, что его список достаточно обширен, то можно уже сразу грохнуть всю планету, чтобы не мучиться...

– Ты думаешь?!

– Знаешь, иначе я не понимаю, зачем ему такие силы... Ни один проводник ему в подмётки не годится. Плюс хаос весьма жесток... Особенно к провинившимся.

– Нет, ты правда думаешь, что у нас на носу Судный день?

– Не, ну ты что, – улыбнулась Лика. – Я так не думаю. Мне кажется, что он в принципе мало возможен, просто потому что это лишает всё смысла. Но какая-нибудь катастрофа может произойти, и это будет неприятно. В данном случае мы ничего не контролируем и, как мне кажется, мало чему можем помешать. Но это всё, конечно, если допустить, что Аарон говорит правду...

– А он может говорить неправду?

Лика повернулась к Лёше и покачала головой.

– Скорее, в исключительных случаях он говорит правду.

– А зачем ему врать?

– У них с Матвеем свои игры в песочнице. – Лика отмахнулась. – Возомнили себя пупом земли, вот и играют, делать-то всё-таки что-то надо. Человеческая натура упорно стремится осмыслить бессмысленное и придать глубокое значение неважному, поэтому и им хочется думать, что

не они остались на обочине жизни, вылетели из обоймы и вынуждены коротать вечность, глотая таблетки, а получили власть и возможность вершить судьбы.

– А ты? Так не считаешь? – почти шёпотом произнёс Лёша.

Ли́ка закрыла сковородку крышкой и потянулась за тарелками, чтобы накрыть на стол.

– Неа, мне кажется, что мы мусорщики. Мы никому не нужны, нас не ждут карьерные перспективы, да и вряд ли мы выбрали эту профессию, но при этом без нас город задохнётся в пучине собственных отходов.

– Оптимистичненько... – Лёша взял вилку и, прикрыв один глаз, посмотрел сквозь неё на лампочку.

– А то...

– Но что ты делать-то собираешься?

– Честно? – Ли́ка начала накладывать картошку в тарелки. – Ничего, я не знаю ситуацию, у меня нет вводных данных, я не знаю, кому верить. Поэтому можно только расслабиться, подготовиться ждать и быть готовым в любой момент защищаться и бороться за выживание.

– Но ты хотя бы уверена, что Матвей одобрит твои действия?

– Я даже не уверена, что он меня завтра не убьёт. – Она попыталась улыбкой скрыть серьёзность интонации и приступила к трапезе.

Глава 20

Следующим утром в воздухе витало напряжение. Лёше казалось, что окружающее пространство натянулось как струна и вот-вот лопнет от чрезмерной нагрузки. Лика много шутила и старалась выглядеть непринуждённой, но этим себя и выдавала. Лёше искренне хотелось ей чем-то помочь или поддержать, но он боялся всё испортить, потому предпочёл подыграть и не напоминать про Матвея.

– Давай остановимся чуть раньше и пройдемся пешком? Там парк живописный, – предложила Лика, когда они уже подъезжали к Дому.

– Давай.

Лика припарковала машину, и они направились к парку.

– Приятно бывает вот так просто погулять, – куда-то в пустоту произнесла она.

Лёша внимательно посмотрел на неё, почему-то сейчас она казалась чуть моложе, чем обычно.

– А кем ты была... раньше... ну до всего этого? – Он запнулся, и хотел уже спросить что-то другое, но под давлением пытливого взгляда не смог ничего придумать.

Лика сморщила нос и тихо произнесла:

– Да никем. Обычной девушкой. Обычная среднестатистическая жизнь, родители, институт, друзья... Ничего примечательного.

– А когда ты умерла?

– Рано. Слишком рано.

– А как ты умерла?

– Ты не мог задать более неудобный вопрос в такой ситуации! – Лица ударила его сзади по затылку, но по улыбке Лёша понял, что на какое-то время она перестала грустить. – Ты-то как? Я так тебя и не спросила. Привык уже? – Лица прикрыла глаза рукой, защищаясь от солнца.

Лёша пожал плечами, он искренне не понимал своё состояние.

– Сложно определить, как у тебя жизнь, когда у тебя не осталось никаких ориентиров и критериев. Когда стало уже непонятно, что хорошо, плохо, а главное, что нормально... Когда я не могу вспомнить ничего из прошлой жизни.

Она понимающе кивнула.

– Мне жаль, что ты попал в это всё. Порой мне хочется верить, что у мира есть какой-то глобальный план, о котором не знаем мы, проводники и даже бог, если он всё-таки существует.

– А ты в него всё ещё веришь?

– После всего того что я видела? Конечно же нет, но мне правда хотелось бы верить, что у нас есть цель. Хотя бы какая-то... Хоть что-то, а не злобная ирония чьего-то изощрённого разума, в которой все должны исполнять предписанную роль, не зная и частички правды и думая, что они могут хоть что-то выбирать. Мне кажется, что иллюзия выбора –

это самая злобная шутка этого мира. Наверное, я бы плюнула в рожу, а ещё лучше расквасила её тому, кто это всё придумал...

– Тихо-тихо, спокойно... Я на твоей стороне, – выставил ладони Лёша.

– Прости, я не хотела...

Они уже приближались к парку, когда Лёша заметил небольшую ледышку, валявшуюся на обочине. Покорившись детскому стремлению, он зацепил её носком ботинка и пнул в сторону. Лика, не поднимая головы, непроизвольно пнула её в ответ. Лёша закинул её чуть дальше. Лика пробежала вперёд, пасанула в ответ. Так они продолжили пинать кусок люда до самых ворот, то и дело отнимая его друг у друга и оттягивая одежду в попытке успеть раньше противника, пока наконец неосторожный пас Лёши не закончился прямым попаданием в ногу стоявшей на остановке старушки.

– Ой, простите ради бога! – испугался Лёша.

– Да вы совсем ополоумели?! Чем вы вообще думаете?! – заорала старушка.

– Простите, – серьёзным тоном, не терпящим пререканий, произнесла Лика и потащила Лёшу через дорогу.

Старушка обалдела от такой наглости и захлебнулась праведным гневом.

– Неудобно же, – попытался оспорить Лёша, которого Лика упорно волокла за собой, оглядываясь по сторонам, чтобы не попасть под машину.

– Расслабься, ей бы только поорать, но в следующий раз будь аккуратнее.

Они прошли несколько минут в молчании, пока Лёша мысленно придумывал извинения. Он даже не заметил, как перед ними обшарпанной громадой вырос Дом.

Лица медленно оглядела здание снизу-вверх, посмотрела на Лёшу, поджав губы:

– Ну, что? Идём? – тоном хулигана, подбивающего несмелого товарища нарушить школьные правила, предложила она.

– Идём!

Они медленно поднялись по ступенькам.

Глава 21

– Заждался, заждался, – поприветствовал стоявший у камина Матвей, когда Лика с Лёшей замерли в проёме. Он был одет в чёрные брюки и серую водолазку с высоким воротом и, как показалось, что-то держал в правой руке.

– Привет, – отозвалась Лика и, переступив порог, зашагала к креслам.

Лёша немного помялся, но решил последовать вслед за ней и встать за её креслом.

– Лика, ты слишком часто преподносишь мне сюрпризы. – Голос проводника отдавал привычным холодком. Не закончив фразу, Матвей замахнулся и бросил нож, который, разрезав воздух, по рукоятку вошёл в висевший на стене портрет. Лёша почувствовал, как по его позвоночнику побежала камертонная дрожь вибрации.

– Ты сейчас о чём конкретно? – Лика не изменилась, но Лёша заметил, как её левая рука, скрытая от Матвея, сильно сжала подлокотник кресла.

– Интересный вопрос, – отозвался проводник, поворачиваясь и задумчиво почёсывая подбородок. Очевидно было, что Матвей думает в этот момент о чём-то совершенно другом. – Оставь нас! – Его взгляд обратился к Лёше.

Уходить не хотелось: шестым чувством он ощутил, как Лика перестала дышать. Лёша посмотрел на неё, не придумав

мал ничего лучше, чем подмигнуть в знак солидарности и на ватных ногах зашагал прочь.

– На этаж выше поднимись, там библиотека, – услышал он уже в дверях.

Когда знакомая и почти родная спина удалилась, Лика приготовилась ко всему. Она отлично знала, что пытаться предугадать решения и поступки Матвея всё равно, что пытаться угадать, в какую сторону будет дуть ветер в мае следующего года, поэтому стоило просто ждать.

Проводник заговорил не сразу, он продолжал так же стоять, погружённый в мысли, пока, наконец, не опустился в кресло напротив.

– Как ты? – неожиданно участливо и грустно поинтересовался он.

– Нормально, – на секунду приподняв брови, отозвалась Лика.

– Сложно было?

– Ты же сам всё знаешь, к чему эти вопросы? Давай сразу перейдём к раздаче медалей и оплеух.

– Ты мешаешь мне налаживать тёплые отношения с подчинёнными... – Матвей вернулся к наигранно-непринуждённой манере общения.

– Ты провалил их, когда пытался обменять меня у Аарона на таблетки.

– Он предлагал хорошую сделку, – иронично отозвался Матвей, пытливым взглядом проверяя Лиду и выискивая ла-

зейку в её обороне.

– Ну хоть кто-то меня ценит. – Она скучающе уставилась в потолок.

– Я не знал, кто это будет. Были только предположения... – как всегда он резко перешёл к делу.

– Так палач – это правда?

– Видимо, да... Я сам раньше не сталкивался. Только слышал. Но, судя по той силе, которую я ощутил, других вариантов у меня нет.

– И какова его цель?

– Хороший вопрос. Я согласен с тобой и Аароном (Лика в очередной раз отметила, что проводник слишком хорошо осведомлён о её мыслях), что он должен забрать сколько-то душ. Вопрос в том, сколько...

– Как много обычно бывает? – Лика изо всех сил старалась скрыть волнение, отчего слова застревали в горле.

– Статистику пока как-то никто не собрал... Плохо не это, он – не из этого мира, и ты сама понимаешь, что он мало озабочен нашими проблемами и сохранением людей и нас...

– Матвей замолчал, подыскивая слова. – Он не должен выйти из-под контроля, иначе всё может закончиться плохо. Он не должен собрать столько душ, чтобы произошли непоправимые события... Если он станет слишком сильным, он может уничтожить всех людей или нас. Мы не можем этого допустить.

– И как же ты собираешься это сделать?

– Точного плана у меня пока нет, но... Нам нужен кто-то сильнее, чем он.

– Ну да, конечно, делов-то... Я сейчас загляну в телефонную книжку и найду навскидку пару десятков тех, кто может, не моргнув глазом, размазать меня с Лазом и закусить проводниками, – съязвила Лика.

Матвей проигнорировал её тон и покачал головой.

– Ты не понимаешь. Энергию мы сможем достать... Теми или иными способами. Её понадобится крайне много, но есть определённые пути. Вопрос в том, кто сможет собрать всю силу и уничтожить палача, если такая необходимость будет.

– Подожди-подожди. – Лика наклонилась вперёд. – То есть ты можешь накачать кого-нибудь под завязку энергией так, чтобы он мог убить палача. А в чём тогда подвох? – Лика в недоумении подняла глаза на Матвея, внимательно изучая его лицо и судорожно соображая. Наконец, догадавшись, тихо-тихо прошептала: – Подвох в том, что он вряд ли переживёт эту встречу. Ты накачаешь его. Создашь ядерную бомбу и скинешь её на палача...

Матвей сидел, наблюдая за собственной кистью, поглаживающей подлокотник, с отсутствующим выражением лица.

– И кто же тот идиот, который согласится это сделать? – ухмыльнулась Лика.

– Ты сама уже догадалась... – совершенно спокойно отозвался проводник.

Лица немного помолчала и прошептала одними губами:

– Лёша...

– Он идеальный кандидат.

– Новенький, который ещё ничего не понимает, не оскорбился как мы, не понимает, куда попал! – Её лицо пылало. – В нём ещё осталось что-то хорошее... И, конечно же, он не сбежит, когда ты накачаешь его силой. Его прекрасно можно убедить умереть за светлые идеалы. – Голос Лики постепенно затухал.

– Я думаю, что эту часть лучше опустить... – Матвей показательно вставил палец в ухо и пошевелил им, почёсывая.

– Так ты ещё и говорить ему не хочешь? – не поверила она

– Нет, а зачем? Его задачи это не изменит, а душевных терзаний прибавит, – равнодушно отозвался проводник.

– Ну ты и сволочь! – Её лицо исказилось от отвращения.

– Я просто хорошо делаю свою работу, хотя у нас это почти синонимы.

– И зачем ты говоришь это всё мне?

– Мне нужно, чтобы его кто-то подготовил. Каким бы сильным он ни был, он должен уметь пользоваться этой силой...

– Ты...ты... серьёзно?

– Лица, – буднично заговорил Матвей, – у тебя есть другие кандидаты? У меня нет. Мальчик совершит хорошее дело, спасёт человечество. Всегда должны быть жертвы, здесь они минимальны. И в твоих интересах сделать так, чтобы его

жертва не была напрасной.

Ли́ка уставилась в пол, пытаясь уложить услышанное у себя в голове. Она привыкла уже ко всему и была готова к любой мерзости от проводников, но это переходило все границы. Тем более что здесь она должна была ещё во всем этом участвовать, помогать и обманывать Лёшу, наивного и глупого Лёшу, по какой-то роковой случайности попавшего в руки к Матвею.

– Ты же для этого его и вызвал... – обречённо констатировала она.

– Я предвидел, что нам может понадобиться что-то такое, просто не знал, что это будет именно палач.

– Как ты на себя в зеркало смотришь?! – с надрывом произнесла она.

– Я не смотрюсь: нервы берегу... – Матвей выразительно посмотрел на бедро Ли́ки. – Ты, конечно, можешь отказаться, но ты подготовишь его лучше остальных, а умрёт он в любом случае. Он не из нашего мира.

Ли́ка прикрыла глаза и покачала головой.

– Да чтоб мы все сдохли...

– Не каркай, в данный момент слишком высокая вероятность. Не переживай, это просто эмоции, ты скоро сама поймёшь, что всё правильно.

– Гореть мне в аду, если я соглашусь, что все это правильно... – Она медленно поднялась и зашагала прочь.

– У тебя не больше полугода, имей в виду. По моим рас-

чѣтам, потом палач станет слишком сильным.

Глава 22

Ли́ка вышла из зала и направилась прочь. Ей нужно было побыть одной, чтобы не наломать дров. Она чувствовала, что нужно успокоиться, справиться с первой эмоциональной бурей из возмущения, обиды и горького чувства предательства, оценить всё на холодную голову. Ли́ка знала, куда ведут импульсивные поступки, поэтому приучила себя сначала достигать абсолютного спокойствия и даже равнодушия, а потом уже принимать решения.

Сообщение Матвея всё-таки было неожиданным. До последнего хотелось верить, что появление Лёши было случайным и незапланированным. Где-то в глубине души теплилась надежда на то, что в Матвее осталось что-то человеческое и доброе и он не способен на настоящую мерзость. Но, кажется, он упорно стремился доказать окружающим обратное. Ли́ка ощущала, что в груди засело холодное жало горечи и одиночества, которое начало распространять ледяные метастазы по всему телу. Она не была удивлена или шокирована, но принять случившееся до конца сразу тоже не могла.

Было понятно, что Матвей уже всё решил и он не изменит мнение, хотя бы просто потому что его план как всегда был до скрупулёзности логичным и продуманным. Проводник взвесил все возможные решения, обдумал все варианты, с ювелирной аккуратностью сравнил последствия и принял

единственно правильное решение. Да и сама Лика прекрасно понимала, что в такой ситуации Лёша был наиболее выигрышным кандидатом. Если палач действительно существовал, и они его встретили, а других объяснений произошедшим событиям она пока не находила, то он требовал скорейшего уничтожения. Конечно, метод «не можешь контролировать – уничтожь» казался сомнительным. Но он давно доказал свою эффективность в процессе выживания, поэтому оставалось только покориться и слепо ему следовать.

В любом случае, если убрать морально-этическую сторону вопроса, Лика совершенно ничего не теряла. Ей поступило задание, далеко не самое сложное, при этом оно способствовало спасению людей и их самих, помогало уничтожить серьёзную угрозу, а главное: мало чем грозило её собственной безопасности. Тем более что это хороший шанс выслужиться перед Матвеем и наладить не всегда идеальные отношения. В целом – мечта, а не задание. Но кошка сомнения упорно продолжала точить когти об израненное сердце.

«Ну кто такой Лёша мне? Вообще никто, я его знаю всего ничего. Пока создал только больше проблем, чем пользы. Если Матвей считает, что парень сможет и должен выполнить эту миссию, то, скорее всего, у него есть основания для этого. Может быть, Лёша вообще всех убивал и предавал в прошлой жизни, а теперь совершит хороший поступок, эта мысль будет его греть... там... »

– Да кого я обманываю, чёрт возьми! – выругалась Лика в

отчаянии. «Там ничто не греет. Но, если мы не заставим его это сделать, то все рискуем там оказаться... Лучше он один, чем мы все...» – успокаивала она себя.

Она нашла Лёшу в библиотеке, он безмятежно спал на диване, уронив толстую книгу на живот.

– Рота, подъём! – гаркнула она прямо в ухо, обдав резким пряным запахом крепкого алкоголя.

«Она пьяна?» – ещё не проснувшись, удивился про себя Лёша, но мгновенно отогнал крамольную мысль. Её ясный взгляд, точные движения и сосредоточенный вид не выдавали признаков алкогольного опьянения.

– Встаём! – Лица больно пнула его в бедро.

Лёша резко вскочил от неожиданности, вытаращив заspanные растерянные глаза.

Лица невольно улыбнулась, глядя на это забавное и немного нелепое существо, к которому она испытывала что-то вроде жалости и желания позаботиться, смешанные с садистским стремлением старшей сестры поиздеваться над младшим, навязанным родителями, братом. При этом воспоминании в груди образовалась мёртвая сосущая пустота, медленно вымораживающая душу.

– Хорошо отдохнул?

– Прости... Я устал, – обиженно потёр глаза Лёша. – Ну чего ты меня пугаешь, а?

– Чтоб не расслаблялся и вахту нёс.

– Я несу... Просто плохо... – Он выразительно почесал

нос.

– Ладно, живи.

С этими словами Лика отвернулась и начала рассматривать библиотеку. Это был длинный запылённый зал, до потолка забитый книгами всех мастей и размеров. Здесь были и потёртые, пережившие ни одно поколение читателей фолианты и ещё поплёскивавшие свежими лакированными обложками книжные новинки, разбросанные в произвольном порядке на полу ввиду недостатка места. Лика медленно проходила вдоль рядов, бережно проводя пальцем по корешкам книг.

– Забавно всё-таки, как много трудов люди тратят на всё это...

– Ты не любишь читать? – поинтересовался Лёша, пытаясь найти её фигуру между рядами.

– Нет, я не об этом. – Её голос раздавался глухим эхом и терялся где-то в высоких сводах потолка. – Я о том, сколько люди тратят времени на то, чтобы написать всё это, а потом ещё и изучить, прочитать. Сначала тратишь годы на то, чтобы прочитать кучу книг и стать умным, а потом пишешь, чтобы передать ум следующим поколениям. Какая-то бесконечная гонка познания.

– Почему бесконечная? – Лёша, всё ещё сонный, не понимал, куда она клонит.

«Может, всё-таки алкоголь?» – предположил он.

– Да потому что никто... Никто никогда не прочитает их

все, даже маленькую часть, а меж тем они все продолжают писать...

– Зато книга чаще всего переживает автора и это способ остаться в памяти... – Лёша от нечего делать остановился напротив одной из полок и принялся рассматривать старинную золочённую, по его мнению, латинскую надпись.

– А ты бы хотел? Запомниться? – Ли́ка вдруг появилась буквально из воздуха и настырно заглянула прямо в глаза Лёше.

– Да не знаю даже... – проямлил он, поправляя полы куртки и неуверенно оглядываясь назад в попытке обнаружить стенку шкафа до того, как он врежется в неё затылком. – Я никогда не думал об этом. Наверное, прикольно стать телеведущим или рок-звездой... – Лёша мечтательно прислонил палец к губам. – Но у меня даже слуха нет, и сцены я боюсь.

Ли́ка недовольно выдохнула, отвернулась и остановилась напротив полки, якобы пристально изучая раритетное издание Нового завета.

– А совершить что-то по-настоящему великое никогда не хотелось? Ну не знаю, спасти мир, например?

Лёша немного удивился подобному вопросу, ведь особого желания беседовать с ним на общие темы Ли́ка ранее не демонстрировала. Но, наверное, это можно было считать знаком сближения и зарождения дружеских отношений, раз уж её начало интересовать его мнение. Окрылённый этой мыс-

лью, он довольно потянулся и расправил ссутулившиеся плечи.

– А почему бы и нет? Хотелось бы, конечно... А что? Есть варианты?

Лица, замерев на мгновение, резко повернулась и задорно щёлкнула его по носу.

– Как раз не знаю, с чего начать: с нашествия марсиан или глобального потепления. Не сможешь, супермен новый-явленный? – насмешливо отозвалась она, не глядя собеседнику в глаза

– А чё? Я могу! – также шутливо ответил Лёша, набрав воздуха в грудь и подбоченясь.

Лица оглянулась, ещё раз грустно улыбнулась и двинулась вперёд между рядами.

Она медленно курсировала без какой-либо видимой цели, но при этом чётко придерживаясь одного направления.

– Так что ты ищешь и что тебе сказал Матвей? – Лёша чуть повысил голос, поскольку пыльные шкафы скрыли от него Лику, и он не мог точно определить её местонахождение.

– Матвей сказал? – Ответ раздался прямо из-за его спины, чем весьма сильно озадачил Лёшу. – Ничего особенного, поорал, поворчал, побрызгал слюной и покритиковал, одновременно пустил фальшивую старческую слезу и пожелал здравствовать – всё как обычно.

– У тебя есть новое задание?

– Что-то вроде...

Лица наконец остановилась около приземистого книжного шкафа с замысловатым резным узором и принялась внимательно его разглядывать.

– И что ты должна сделать?

– Как всегда – сотворить маленькое чудо... – Лица приподнялась на цыпочки, просунула руку между верхними лепестками изящной резьбы и вытащила оттуда небольшую книжечку, быстро открыла её и, обрадовавшись находке, выхватила оттуда небольшой свёрток и быстро убрала в карман.

– Что это? – опешил Лёша.

– Плата. Мои таблетки за новое задание... – с силой заталкивая книгу между плотно нагромождёнными томами, пропыхла Лица. Закончив с этой работой, она отряхнула руки от поднявшейся пыли, от чего громко чихнула и, залихватски вытерев нос тыльной стороной ладони, посмотрела на Лёшу, который ждал каких-либо пояснений. – Всё, пойдём. Хватит!

Лица в своей обычной манере, наплевав на собеседника, двинулась по направлению к выходу. Лёша удивился, но решил, что дальше лезть не стоит.

– Кстати, Матвей тебя искренне хвалил, сказал, что ты – молодец и отлично со всем справился, поэтому у него к тебе будет персональное и крайне ответственное задание, – продолжила она, когда они вышли уже на улицу.

– Ты врёшь... – надулся Лёша, хотя его сердце ёкнуло,

а щеки ярко заалели при мысли о том, что это может быть правдой.

– Конечно, вру, – отмахнулась Лика, поёжившись от холода и бодро зашагав к автомобилю.

– А что? Он правда что-то сказал про меня?

– Не сказал, но задание к тебе есть... Крайне ответственное... Ты должен справиться, а я должна в этом помочь.

– А что я должен сделать?

Они сели в машину, Лика почему-то медлила с ответом. Казалось, что она просто не слышала вопрос или не считала нужным отвечать. Она сосредоточенно и аккуратно достала ключи, завела машину и тронулась с места, как будто бы сдавала экзамен на права. Наконец, когда они уже поехали по дороге, она произнесла, всем своим видом демонстрируя скуку и обыденность:

– Да так, фигню... – Лика посмотрела в боковое зеркало. – Завалить одного нехорошего парня.

– Но... я не могу. Я не готов кого-то убить! Ну совсем... Ну ты понимаешь... Я не могу кого-то убить. Убивать плохо. – Это признание далось нелегко. Он понимал, что будет выглядеть на фоне Лики ещё большим сосунком и молоко-сосом, но считал, что должен предупредить обо всём сразу, нежели потом преподносить сюрпризы.

К его удивлению, Лика никак не отреагировала на заявление и продолжила молча следить на дорогой. Лёша решил, что она его просто проигнорировала и, отвернувшись, уста-

вился в окно, за которым один скучный урбанистический пейзаж сменялся другим со скоростью, явно превышающей допустимую в городе.

Следя за яркими проплывающими в запотевшем стекле огоньками, Лёша размышлял о том, насколько никчёмным и жалким существом выглядел. Весь свой пусть и непродолжительный срок загробной жизни он провёл, прячась за женской юбкой. Не то чтобы его очень тянуло на амбразуру и хотелось приключений, но он ждал от себя гораздо большего. Всё-таки в фантазиях Лёша представлял себя главным героем истории, независимо от того, разворачивалась эта история среди супергероев или на выжженной Апокалипсисом планете. В любой ситуации он видел себя в первых рядах, смело бросающимся в самое пекло и безрассудно рискующим жизнью. Когда же судьба подарила возможность попасть в одну из фантазий, энтузиазм съёжился и забрался в самые потаённые уголки сознания так, что теперь днём с огнём не сыщешь. Видимо, к лучшему, что большинству людей так никогда и не предоставляется шанс выйти за рамки обыденности.

Сложно было себе признаться, что ты слабак и боишься раскрывать новые способности, учиться у Лики, да чего тут говорить, боишься саму Лику и всех окружающих. Но на самом-то деле Лёша даже не очень хотел участвовать во всём этом. Он с удовольствием бы остался у Матвея секретарём, ну или ещё кем-то, кто может делать каждодневную, крайне

важную, пусть и не очень заметную работу.

Он даже был бы готов согласиться что-нибудь убирать, а, может, и готовить, хотя кухня никогда не была его любимым местом в доме. В нём заговорила патологическая жажда покоя и простоты, которая огромной смирительной рубашкой накрывала все амбиции, гордость и самолюбие, обволакивала их огромными тёплыми руками и тихо-тихо баюкала, напевая колыбельную о благах спокойной размеренной жизни. И признаться себе в том, что он больше всего на свете хочет отдаться этому успокаивающему зову, означало сдаться.

Тем неожиданнее и серьёзнее было заявление Лики о необходимости кого-то убить. Лёша прекрасно осознавал и чувствовал, что в этом мире не может жить без таблеток. С каждым часом, проведённым без дозы, он чувствовал себя всё более уставшим, измученным и равнодушным. Это было похоже на медленное погружение в летаргический сон, когда каждая новая минута жизни казалась длиннее и мучительнее предыдущих. Лёша понимал, что крайне много спит и совершенно не высыпается, проваливаясь каждый раз в зыбучую пропасть, из которой всё сложнее выбираться, несмотря на тычки и пинки Лики. Хотелось лечь и уснуть навеки, чтобы никто никогда больше не трогал. Энергии не оставалось ни на что. Скорее всего, Лика догадывалась о происходящем, но ничего не предпринимала. При этом каждый раз, когда неправильный кружок исчезал между её губ, Лёша невероятно сильно завидовал. Ему хотелось завладеть хоть бы од-

ной таблеточкой, причём неважно с помощью грубой силы или унижительной мольбы.

Сопоставив факты, он понял, что именно отсутствие энергии и делает его таким. Инстинкт выживания заставлял мечтать о таблетках и ненавидеть Лику за жадность, доводя до крайней степени исступления. Но почему-то этот неукротимый голод порождал не желание сражаться за права, выполнять задания, а гаденькие мысли обмануть Лику, украсть у неё хоть полтаблеточки, а может, и завладеть всеми её запасами... А лучше подобраться к Матвею, ведь у него их ещё больше... Лёша сам себе поражался и не понимал, как такое с ним могло происходить. Как он в трезвом уме и твёрдой памяти мог дойти до этого? Почему вдруг в душе начали пробуждаться столь низменные желания и мысли, которых не появлялось ранее? И почему сейчас, когда Лика рассказала о задании, ему хотелось не пойти и выполнить миссию, а, наоборот, любыми силами её избежать?

Перед глазами всплыло лицо Лики, когда он нечаянно застал её за открытием сейфа, и то, насколько оно было полно животного ужаса, алчности и паники.

«Кажется, я начинаю превращаться в одного из них», – подумал Лёша и как-то по-новому взглянул на Лику, следящую за дорогой и грызущую ногти. Лика не заметила, что на неё смотрят. Казалось, что она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила бы даже Лёшиного исчезновения

«Блин, насколько же ей тогда... тяжело? Она здесь дольше, и тяга, наверняка, сильнее. Жить с этим постоянно... Поэтому они такие мерзкие. Я тоже стану... таким?»

Он мысленно прокрутил события, произошедшие с ними за последнее время, пытаюсь вспомнить все поступки Лики, её слова, реакции и интонации. Пожалуй, он был уже готов пересмотреть своё восприятие её поведения.

– Знаешь, а ты ведь очень крутая, – выдал он неожиданное открытие вслух, о чём моментально пожалел.

Лица, вырвавшись из оцепенения, медленно повернула голову, непонимающе посмотрела и ответила:

– Не, ну спасибо, конечно... Но вот только твоего одобрения и ждала.

Кажется, она хотела произнести это шутливым тоном, но из-за сумрачного настроения, получилось весьма грубо.

– Прости, я не хотел... – опустил глаза Лёша. – Ты просто молодец, сильная очень. В этом мире и... такая крутая. Я бы так не смог. Ты молодец, и я тобой восхищаюсь, – выдавил он из себя.

Лица немигающим взглядом вновь уставилась в переднее стекло и, помолчав весьма продолжительное время, почти прошептала:

– Спасибо. Ты тоже скоро будешь... крутым. Я тебе помогу... Всё будет хорошо.

Её слова почему-то успокоили Лёшу и отогнали грустные мысли на второй план.

«Всё будет хорошо. Я помогу...» – мысленно повторил он, от чего на душе стало чуточку теплее, как в детстве, когда забирался в свой маленький домик, где тебя уже точно никогда и никто не тронет. Околдованный этим ощущением, Лёша прикрыл глаза, прислонил голову к холодному стеклу и задремал. Ему снилось, что он долго-долго плыл в бирюзовых морских волнах навстречу восходу.

Всё будет хорошо...

Часть 2

Глава 1

Матвей стоял на ажурном мостике, изящно перекинутом между огромными фигурами грифонов, и смотрел на желтоватое здание. Оно извергало потоки студентов, только что закончивших занятия и быстро покидающих пыльные аудитории, наполненные сыростью и скукой. Матвею нравились молодые люди. Они всегда так спешили, так торопились жить, что ничего не успевали, а главное – настолько безрассудно и щедро расплёскивали энергию и силы в бесконечных гонках за жизнью, что одной такой прогулки до университета могло хватить приличному проводнику на ближайший месяц. Жаль было упускать столько энергии. Но сейчас он был здесь не за этим.

Матвей осторожно отогнул манжет пиджака и посмотрел на наручные часы. Прошло уже десять минут. Заклятый друг или преданный враг, как он сам себя называл, опаздывал. Проводник поудобнее прислонился к решётке моста и приготовился ждать.

Это был один из поздних весенних дней, которые больше напоминают глубокую осень. Казалось бы, лето уже окончательно вступило в свои права и радовало жителей горо-

да солнцем и летним зноем, как вдруг, будто обидевшись на неблагодарность горожан, оно наслало на город серые тяжёлые тучи, изливающие унылые потоки дождя. Вот и сейчас не успевший ещё полностью оправиться от зимнего холода город стоял насупленный и сердитый. Прохожие потоками текли по делам, старательно преодолевая лужи и лавируя между громадами неправильно припаркованных машин. В воздухе витало ощущение скуки и безразличия.

На противоположную от мостика сторону медленно вышел огромный чёрно-рыжий пёс с длинной лоснящейся шерстью. Он был значительно крупнее обычных собак, но привлекал внимание не размером, а степенностью и важностью. Создавалось впечатление, что у собаки был конкретный пункт назначения и она двигалась к цели, аккуратно огибая лужи и грязь, чтобы не испачкать идеальную шерсть. Добежав до перекрёстка, пёс неторопливо повернул голову направо, затем налево, и, словно убедившись в том, что машин нет, пересёк улицу и элегантно затрусил по направлению к Матвею.

Поняв направление его движения, проводник слегка скривил губы в усмешке и, сложив руки на груди, наблюдал за тем, как пёс остановился у огромной лужи, зажатой между рядами припаркованных автомобилей и преграждавшей путь. Оценив ситуацию и возможные пути обхода, пёс понял, что отступление займёт слишком много времени. Он нехотя вытянул лапу, поколебавшись, презрительно опустил её

в воду, и будто вздохнув, сделал первый шаг. Затем второй и, наконец смирившись со своей судьбой, преодолел препятствие, запрыгнул на тротуар и сел около Матвея.

– Танки грязи не боятся? – иронично поинтересовался Матвей.

В ответ пёс оскалился, но тут же с блеклой вспышкой в воздухе превратился в Аарона, поправляющего идеально сидящий синий костюм.

– По такой погоде только так и передвигаться, – парировал проводник.

– Ты о чём-нибудь кроме внешности думаешь?

– Если б не думал, то ты бы меня сюда не вызывал. Что нужно великой Гарпии? – Аарон, вернув себе утраченную самоуверенность, привычно хищно заулыбался и посмотрел на Матвея полным презрения взглядом.

Тот помедлил, опустил голову и с поддельным интересом принялся рассматривать ботинки.

– Могу предложить тебе голову Давида, – как бы невзначай бросил он.

Аарон на несколько мгновений потерял самообладание и удивлённо приподнял левую бровь, покачав головой.

– Ты решил посягнуть на..? Причём начать прямо с главы? Я понимаю, что Лаз сейчас не в форме, а больше там приличного никого нет, одни понты... – Аарон почесал лоб, всё ещё недоумевая. – Но это же не повод. Силёнок-то хватит? Или как обычно?

Матвей неприятно поморщился, а в его глазах зажегся очень опасный холодный огонёк.

– Не наглей, – спокойно констатировал он.

– Ладно-ладно, – примирительно заулыбался Аарон и поднял ладони в знак отступления, всё же внутренне ликуя.

Дождь тем временем усиливался, хотя магическим образом он не затрагивал двух проводников, стоявших на мостике. Даже пешеходы, уже было вступившие на него, в задумчивости останавливались, разворачивались и шли в обход.

Между главами Домов повисла напряжённая тишина. Аарон внимательно разглядывал прохожих, а Матвей прикрыл глаза в попытке успокоиться.

– Прости, ни с того начал. Давай по-другому. Как ты решил скинуть Давида? Почему считаешь, что мне это интересно? – деловым тоном заговорил Аарон, прерывая затянувшееся молчание.

Матвей, по-прежнему не глядя на оппонента, тихо ответил:

– Давид у тебя давно поперёк горла, как и у меня, собственно. Ты бы хотел на его месте видеть Сёму, а я... Я тоже хотел видеть там кого-нибудь другого. Так что win-win situation.

– Предполагаю, что ты хотел бы там видеть Лаза, особенно пока он не вернул себе форму. Можно ему помочь, чем я и занимаюсь, а потом, глядишь, он и сам придёт за советом к опытному товарищу. Только вопрос: как ты заставишь его

убить Давида? Если только давить на амбиции, ну или использовать чью-то рыжую мордашку, – упорствовал Аарон.

Матвей иронично хмыкнул и произнёс:

– Мои желания ты всё равно не угадаешь. Поэтому предлагаю тебе Давида в обмен на мою поддержку на общем совете, а также пятилетний запас таблеток.

Аарон театрально поперхнулся и закашлялся, всячески демонстрируя удивление.

– А спинку тебе в душе не потерять? И массаж не сделать?

– Хватит! Кончай ломать комедию! Ты знаешь всё. Мне нужно решить проблему, я её решаю.

Аарон резко стал серьёзным и проговорил:

– Я его уже тоже чувствую. – Казалось, это признание далось ему нелегко. – Сколько жертв?

– Не знаю. Около двадцати тысяч, плюс-минус. В России – пять тысяч. Мне кажется, что ещё немного и его будет не остановить. Нужно действовать. Не знаю, что планировал ты. Но я хочу убедить всех объединить усилия и уничтожить его.

– Ты действительно уверен, что это палач? Их давно не было. Ты здесь не самый умный, хотя я, конечно, не умаляю твоих достоинств, – поспешил добавить Аарон. – Ты уверен, что это не ловушка?

– Ты же всё равно мне не поверишь... – Взгляд Матвея стал совершенно кошачьим.

Аарон медлил. Он не доверял Матвею, более того, прекрасно знал, что это последний человек на планете, кому

можно верить. Но не поверить и пропустить угрозу было ещё опаснее. В любом случае старая Гарпия найдёт способ реализовать свой план, и если это правда палач, то лучше оказаться рядом с ним, нежели против него. Просто так самими опытными проводниками не становятся. Но вдруг это очередной ход? Тем более, предложение уничтожить Давида слишком заманчиво. Старик отлично знает об их давнишнем соперничестве. Слишком похоже на предложение, от которого просто нельзя отказаться.

– Не поверю. Но для дальнейшего сотрудничества и доверия было бы неплохо представлять план действий, – постарался выкрутиться Аарон.

Матвей вздохнул. Он до сих пор не был полностью уверен, что стоит делиться планами с Аароном и что это хороший союзник в каких бы то ни было делах. Можно было рассчитывать, что ненависть к Давиду, который ещё в момент борьбы за главенство над Домом Кота был одним из главных претендентов, но кого в последний момент Аарон смог обойти, сделает своё дело. Матвей надеялся, что желание отомстить и азарт борьбы увлекут молодого и ещё горячего противника, заставив забыть о прочих выгодах и возможностях. Опытный проводник очень ценил увлекающихся людей, поскольку в пылу борьбы они становились предсказуемыми, а значит – и управляемыми. Но верить в полной мере хитрому оппоненту всё-таки было нельзя. Нельзя недооценивать соперника, а Аарону всегда хватало хитрости и потрясающей вычурной

наглости, чтобы проворачивать многоступенчатые комбинации прямо под носом у Матвея, причём так, что у того даже подозрения ни одного не возникало. Но в данном случае выбора не было, и игра стоила свеч.

– Да, я верю, что это палач. Других вариантов у меня нет. Он послан к нам с конкретной целью... С какой – не знаю. Но он заполучил уже столько силы, что может стереть в порошок любого из нас. И я боюсь, что это по нашу душу. Кого-то из нас. Возможно, не к нам, а к людям, но тогда это огромная катастрофа. В любом случае это уже такая мощь, которую мы не можем контролировать. Его нужно уничтожить. Я вижу только один путь: мы должны объединиться, собрать запасы энергии, которые у нас есть, и убить его.

– Хм, но никто из нас не пойдёт с ним воевать. Это самоубийство! – фыркнул Аарон. – Идти к нему – смерть, а так хоть какой-то шанс. Конечно, кому-то не повезёт, многие погибнут, кого-то потреплет. Но часть-то выживет.

– А если нет? – глухо поинтересовался Матвей.

– Всё настолько серьёзно?

– А вдруг... – Он сменил позу и облокотился на перила. – Я прекрасно понимаю, что никто из наших не пойдёт, и я сам не пойду. Но я нашёл того, кто пойдёт.

– Этот новый мальчик? – догадался Аарон. – А я-то думал, зачем он тебе. Ну вариант, кстати. Надеюсь: ты ему ничего не скажешь?

Матвей покачал головой:

– Смысла нет.

– Ну да, нет. Ладно, а Давид-то тут при чём?

– Я стопроцентно уверен, что он не согласится на этот план. Откажется, предложит собрать армию и отправить их войной на палача.

– Это логично...

– Именно, что логично. Но каждый убитый им человек – это дополнительная энергия, которую он потом может использовать против нас или людей. Зачем его усиливать лишний раз?

Аарон озабоченно кивнул. Кажется, он начал понимать, к чему клонит соперник.

– Соответственно нам нужно убить Давида и поставить вместо него своего. Наиболее адекватная кандидатура – Лаз. Ты его уже какой месяц подкармливаешь. Я отдаю ещё пятьдесят таблеток – Лике пора делиться. Он вызывает Давида на дуэль, выигрывает. Мы с тобой признаем его проводником. Ева у меня в руках, она согласится с любым нашим решением. В итоге: тремя голосами из шести, включая мой, как инициатора Совета, мы признаём Лаза проводником, затем большинством из семи мы собираем энергию и отдаём её Лёше.

Матвей одобрительно смотрел на радостных чёртиков, прыгающих в зрачках у Аарона при мысли о возможной мести. Его увлекла идея, а главное – манила перспектива власти и свержения сильного соперника, с которым у него ста-

рые счёты. Аарон не разочаровал. Несмотря ни на что, где-то в глубине души он оставался заносчивым, до крайности самовлюблённым, пусть и чертовски умным мальчишкой. По крайней мере на протяжении всего их общения Матвей ощущал себя гораздо старше и опытнее.

Хотя, наверное, не осталось существа, которое бы казалось Матвеем старше, чем он сам. Собственное сознание и разум уже достаточно давно представлялись ему дряхлым заброшенным домом, в котором целую вечность ничего не происходило и даже пыль облетала его стороной. Иногда ему мерещилось, что от него исходит запах старости и многовековой затхлости. Он вновь и вновь принимался к одежде, волосам и телу и, пугливо нашёптывая себе, что ему только кажется, и мучительно отгоняя мысли о собственной продолжительности жизни. Наверное, поэтому он и разводил столь кипучую деятельность, влезая абсолютно во все интриги и происшествия, притягивал к себе все больше подчинённых, чтобы только забыться и не вспоминать о той вечности, которую уже провёл здесь.

– Ты, конечно же, можешь отказаться... – закинул он очередную удочку. – Я найду к кому обратиться.

– Матвей, – сморщился Аарон, – не разводи уж так открыто. Я подумаю. И сообщу о решении.

Матвей кивнул, опять уходя в своё любимое состояние рассеянной сосредоточенности. Аарон понял, что аудиенция закончена и, отвернувшись, зашагал прочь.

Предложение было действительно заманчивым и Аарону искренне хотелось убрать Давида. Но он понимал, что выгода, представленная Матвеем, слишком очевидна, чтобы быть реальным мотивом его поступков. Он смотрел гораздо дальше, и ни один из проводников не представлял для него достаточного интереса, чтобы заключать сделку с Аароном. Так в чём же тогда суть?

Аарон в задумчивости шёл по набережной, не замечая, что прохожие расходятся в разные стороны, боязливо прижимаясь к парапету и переходя улицу, словно его окружала аура отчуждения. Матвей, провожавший оппонента взглядом, улыбнулся, покачал головой и, прошептав что-то, растворился в воздухе.

Глава 2

Лицо заливали пот и кровь, перед глазами витал рой черных мошек, из-за которых было уже невозможно рассмотреть что-либо кроме кончика сломанного и искалеченного носа. Правая рука перестала функционировать, а на кровавое месиво, в которое превратилась левая нога, Лёша даже боялся смотреть. Но пронзительный, не терпящий возражений голос продолжал командовать:

– Вперёд, тупая скотина! Не жалея себя! Продолжай двигаться!

Лёша всем сердцем ненавидел этот голос и отдал бы всё что угодно, только бы он замолчал навеки, и тогда можно было упасть, закрыть глаза и нежно баюкать израненные конечности. Лёша исчерпал последние силы ещё вчера, самые последние – с утра и сейчас уже отдавал оставшиеся крупички жизни, обречённо ожидая последнего вздоха. Очередной заряд магической энергии, пущенный сверху, он заметил только в нескольких сантиметрах от себя, когда тот уже неминуемо приближался к лицу. Ещё миг – и заряд врезался в переносицу.

«А боли нет...», – безразлично констатировал Лёша, по инерции продолжая двигаться вперёд и не замечая возможные препятствия. Через пару шагов, показавшихся вечностью, его нога врезалась во что-то очень твёрдое, ступня

жалобно хрустнула. Он потерял равновесие и полетел вниз. Он даже успел обрадоваться ощущению лёгкости и полёта, а главное – возможности больше никуда не идти, и тут же приземлился на нечто мягкое.

Израненное тело с радостью рухнуло на пушистую матерчатую поверхность, наслаждаясь блаженным покоем. Несмотря на дикую боль, на мгновение Лёша погрузился в спасительный сон. Но вдруг к лицу приблизилось разноцветное пятно, и вкрадчивый голос Лики выдохнул прямо в ухо, постепенно увеличивая громкость:

– Плохо, Лёшка, плохо! – Она похлопала его по щекам в надежде на реакцию. – **ВСТАВАЙ, КОМУ СКАЗАЛА!!**

Напуганный, он едва дёрнулся, но всё же открыл глаза.

– Отстань, я больше не могу. Оставь меня, пожалуйста... – Его голос мог разжалобить каменную статую. Но Лица лишь покачала головой и направилась вглубь комнаты. Вернувшись, она села на корточки как раз напротив его лица.

– Солнышко, – вдруг неожиданно ласково произнесла Лица, – больно тебе? Устал? – Её голос стал подозрительно участливым. – Домой хочется? Поесть и поспать?

Лёша сглотнул, борясь с желанием покивать в ответ. Было так плохо и тяжело и так хотелось, чтобы всё это закончилось как можно быстрее. Но так просто поддаваться на жестокую провокацию было нельзя.

– И горячую ванну? Наверное, тоже было бы неплохо, а? – уже более насмешливо поинтересовалась она.

Измученный Лёша не выдержал и угукнул. Только и ждавшая этого Лика, сложила пальцы в кукиш и радостно прошипела:

– А вот хрен тебе! Вот тебе ванна! – Она открыла бутылку воды и, приподняв её высоко над головой Лёши, чтобы струя была более длинной, начала поливать его лицо водой. – А вот тебе и массаж! – Другой рукой она дотронулась до Лёшиного предплечья, по которому тут же прошёл мощный разряд электрического тока, заставивший парня подпрыгнуть и сесть на мягкой диванной подушке.

– За что?! – скрючившись, обиженно возмутился он.

– Не за что, а зачем! – поучительно начала Лика. – Вот, ты уже сидишь, ещё немного мотивации – бегать начнёшь! – ухмыльнулась она, поправляя перчатки без пальцев и переключая песню в плеере.

– Давай закончим, пожалуйста... – Лёша был на грани истерики. Он действительно уже не мог больше двигаться. Она окинула его оценивающим взглядом и, сжавшись, подала руку:

– Ладно, на сегодня закончим, но завтра двойная норма.

– Ага, – слишком быстро отмахнулся Лёша, не задумываясь о последствиях согласия. Он осторожно взял предложенную руку и неловко поднялся на ноги.

– Идём в душ, а потом я тебя подлатаю.

– А таблетку? – раздражённо спросил Лёша. В последнее время ему с трудом удавалось подавлять приступы немоти-

вированной агрессии, которые то и дело поднимались в глубине сознания, особенно когда дело касалось таблеток. Лика держала его на полуголодном пайке, говоря о необходимости работы на пределе своих возможностей и «ситуации, когда дозы у тебя не будет», но казалось, что это проявление жадности и бараньей упёртости. Он получал минимальную дозу, достаточную только для поддержания существования. Если бы не Ликино лечение после каждой тренировки, он бы уже давно погиб.

– Нет, – твёрдо ответила Лика, словно догадываясь о его внутренней борьбе. – Ещё рано. Однажды ты скажешь мне за это спасибо.

«Ну конечно, стерва!» – мелькнуло в голове, но Лёша тут же постарался отогнать эту мысль в страхе, что Лика может её прочитать. Он посмотрел на неё, но она, вроде бы, ничего не заметила. Лика согнула руку в локте, давая ему опереться, чтобы было легче дойти до душевой.

– Я устал.

– Я знаю, – отозвалась она и завела любимую пластинку, набившую уже порядочную оскомину. – Но ты себе больше не принадлежишь. Ты часть этого Дома. Тебе нужно быть в форме. Всё просто.

Лёша остановился. Больше терпеть он не мог.

– Но почему так?! Почему уже какой месяц я торчу с тобой в этом долбанном спортзале, почему ты меня калечишь, почти убиваешь?! Почему я терплю всё, если я могу принять

таблетку, стану сильнее или как минимум перестану чувствовать боль. Я больше так не могу! – Он стиснул зубы, борясь с подступившими слезами. – Не хочу! Идите все в задницу! С вашими заданиями и Домами. Я хочу хотя бы один день прожить без желания сдохнуть, чтобы хоть на секунду заглушить боль. Я перестал различать сон и реальность, я не понимаю, где что. Для меня всё превратилось в кровавое месиво... Я правда больше так не могу... – По щеке побежала обжигающая струйка.

На протяжении всей речи Лика ни разу не изменилась в лице, будто не слушала.

– Закончил? – абсолютно будничным тоном поинтересовалась она.

Лёша посмотрел на неё в недоумении. Как ей это удавалось каждый раз? Каждый грёбаный раз. Ещё минуту назад он её люто ненавидел за то, что именно она была источником мук и страданий. Именно она заставляла тренироваться и драться до изнеможения, мотивируя это готовностью к мифическому заданию, про которое даже ещё ничего толком не рассказала («А смысл? Ты все равно пока ничего не можешь»), лишала таблеток, необходимых до судорог, ломоты костей и адского непреодолимого голода. Именно её окровавленный труп он представлял, когда становилось совсем плохо. Но каждый раз, когда Лёша был готов высказать всё, а лучше ударить со всей силы, Лика, человек, который мог читать мысли и мгновенно угадывать настроение, обдавала

его такой волной холода и безразличия, что опускались руки.

Создавалось впечатление, что она не только не видела в нём угрозы, но даже не допускала мысль о том, что Лёша может хотя бы до неё дотронуться. И в глубине души Лёша понимал, что так оно и было, что он мог тренироваться, доводить себя до исступления, но это ничего бы не изменило. Всё равно Лика сильнее, быстрее, дальновиднее, и это бесило до ужаса. Он по-прежнему презирал себя за слабость, но теперь это чувство ещё усилилось ненавистью к собственной лени и желанию комфорта.

В голове витали грязные мыслишки о том, как было бы здорово избавиться от Лики, заполучив все её запасы, послать проводников с их заданиями и спокойно жить, наслаждаясь бессмертием. Но за эти четыре месяца его всё чаще начали посещать апатия и лень, когда хотелось просто плыть по течению. Лёша прекрасно понимал, что он на перепутье, что, с одной стороны, Лика тянула одеяло на себя, готовила его к заданиям, желая ему добра и оказывая поддержку. С другой стороны, тёмная сторона его личности упорно подталкивала к предательству. Но в итоге-то он не делал ровным счётом ничего. Он ходил, ел, говорил, дрался, лечил раны, разговаривал, только когда Лика давала соответствующее распоряжение. Если бы не её постоянные тычки и пинки, он бы даже не сдвинулся с места. И вот это наплевательское отношение к судьбе, к уникальному моменту, когда ты поистине сам вершишь свою жизнь и жизнь других лю-

дей, решаешь, кому жить, а кому умирать, способен творить невиданные чудеса и использовать сверхъестественные способности, которые, кстати, мало кому даются, раздражало до глубины души.

Лёша попросту не мог заставить себя что-то делать. Банально и смешно. Он не мог заставить себя быть героем или злодеем, ничтожеством или рыцарем без страха и упрёка. Он жаждал размеренной жизни, когда можно было ходить на работу, офисным планктоном просиживать унылые рабочие будни, ждать наступления пятницы и не любить понедельники. Да, он по-настоящему хотел ощутить оскомину, которую была способна набить эта обыденная жизнь, и которую большинство считало убогим существованием.

В реальности оказалось, что даже изменение человеческих судеб и убийство себе подобных – не более чем скучная нудная работа, которую так же рутинно надо выполнять, а главное: вкладывать много, адски много сил, трудиться и работать каждый день. Вот к этому-то он и не был готов. И это открытие пугало сильнее всего. Даже в этом нечеловеческом мире законы успешности и выживания оставались столь же зубодробительно простыми и примитивными: хочешь чего-то добиться – вкалывай.

– Да, закончил... – подавленно отозвался Лёша.

Ли́ка кивнула и вновь направилась к душевой.

– Скоро будет легче. Пойдём.

Они вместе медленно преодолели коридор, Ли́ка оставила

Лёшу около стенки, приоткрыла дверь и помогла преодолеть порог. Затем усадила на появившийся стул, стянула обувь и осторожно стащила оставшуюся одежду. Лёша уже давно перестал стесняться своей наготы в присутствии Лики, а главное: перестал замечать её обнажённое тело.

Встав под тёплые потоки воды, привычно смывавшей усталость и боль и приносившей благодное успокоение, спиной он ощутил, что Лика разделась и прошла мимо. Лёша вспомнил, как в первый раз после тренировки, когда Лика торжественно объявила, что «лафа закончилась» и пора начинать серьёзно готовиться, он приполз в эту душевую и, развязывая шнурки, обалдел от того, что она скинула с себя одежду и деловито направилась в душ, игнорируя его присутствие.

Он невольно засмотрелся на её фигуру: округлую грудь изящной формы, тонкую талию, плавный изгиб бёдер и стройные ноги. Но поражало другое. Всё тело было варварски обезображено уродливыми шрамами и белёсыми рубцами, раскинувшими отвратительную паутину. Казалось, что её изжевал огромный хищный зверь, но быстро насытившись, не стал доедать.

Поняв, что он сидит, бесцеремонно уставившись на обнажённое тело, Лёша поспешно прикрыл ладонями ставшее пунцовым лицо и выдавил:

– Я тебе не мешаю?

– А? Что? – Лика не разобрала его слова из-за шума во-

ды и, подойдя ближе, остановилась напротив, смущая ещё сильнее.

– Кхм. – Он впал в ступор. – Я тебе не мешаю? Может, мне попозже вымыться?

Лица нахмурилась, явно не понимая суть проблемы. Вдруг её лицо озарилось догадкой, и она залилась звонким смехом. Лёша надеялся слиться со стулом.

– Ты...ты.. хахахаха. Ты восхитителен. Я ...я....хахаха-хах, – заливалась она. – Тебя смущает мой вид?

– Ну да... Ты голая.

Уже улыбаясь, Лица призналась:

– Знаешь, я ведь совершенно забыла, что я женщина. И что это может ещё кого-то смущать. Прости, я не специально. Если нужно, я могу прикрыться, – скорее насмешливо, чем кокетливо уточнила она.

– Да нет, не надо, – отозвался сконфуженный Лёша.

Теперь, пожалуй, он мог понять Лику. Он сам, кажется, был уже готов забыть не только о своём поле, но и о своей личности, поскольку вся она превратилась в сплошное «надо», «давай» и «сейчас же».

Тёплая вода, стекая вниз, омывала раны, придавала бодрости, но одновременно возвращала чувствительность. Он не любил этот момент, поскольку с успокоением приходила ноющая сосущая боль и нужно было ждать, пока не поможет Лица. Глаза были закрыты, но Лёша весь превратился в слух и осязание, стараясь зафиксировать малейшее движе-

ние в соседней кабинке, свидетельствующее о приближении наставницы. Израненный разум точно знал, что она обязательно придёт, но каждый раз мучительно старался приблизить этот момент, концентрируясь на любом шорохе.

Наконец, когда ждать уже стало невыносимо, Лика осторожно и бесшумно подошла сзади и, опустив слишком грубые для женских ладони на плечи, начала их интенсивно, но осторожно массировать, прогоняя и облегчая боль. Благодарный Лёша невольно потёрся щекой о её кисть, от чего она сразу же остановилась.

– Ой, прости, – прошептал он и вернул голову в прежнее положение.

Лика почувствовала, что этот поступок смутил и, наверное, тронул её. После того разговора с Матвеем она начала относиться к Лёше как к болезненному ребёнку, требовавшему внимания и заботы. Ей приходилось нянчиться и поддерживать, тратя кучу времени и энергии. Казалось, что она прикована к этому слабому и тщедушному существу, обречена быть с ним, терпеть капризы и истерики, вызванные болезнью, а главное – поддерживать его веру в себя и свои силы, давать надежду на то, что он обязательно выкарабкается, выздоровеет. Поддерживать эту надежду с каждым днём становилось всё труднее, ведь Лика прекрасно знала, что смерть – лишь вопрос времени... Но нужно было играть в непринуждённость. Это притворство отбирало огромное количество сил, высасывало изнутри, оставляя лишь пустоту.

В какие-то моменты жалость даже сменялась презрением, и ей хотелось самой задушить этого младенца-переростка, только бы избавить его и себя от страданий. Но приходилось помнить о цели и задании, приходилось быть сильнее, и в который раз запускать в него сотни энергетических зарядов, избивать до потери сознания и кричать, кричать, лишь бы Лёша сдвинулся с места и стал чуточку сильнее, чтобы, быть может, всё-таки, несмотря ни на что, выжить и продлить своё жалкое существование.

Ли́ка начала массировать осторожнее и решила, что в этот раз отдаст чуть больше энергии и заберёт всю боль до конца. Она не часто делала такие подарки, поскольку Лёша должен был уметь терпеть любую боль и не тратить энергию на столь бесполезные вещи. Ли́ка сама прекрасно знала, каково это восстанавливать сломанный позвоночник или отращивать отрубленную руку без капли анестезии, и искренне считала, что этот опыт ей только помог и сделал сильнее. Сильнее же она хотела сделать и его.

Душу мучительно жгло знание о предстоящей судьбе Лёши, оно не давало покоя и острой занозой впивалось в каждое действие и мысль. Она даже не могла решиться и придумать более-менее удобоваримую версию для Лёши, кормя его сказками о мифическом важном задании, к которому он должен готовиться. Конечно, это была правда, но пришло время дать больше сведений. Было настолько страшно рассказать слишком много, что окончательно испортило бы всё

дело...

Как она и ожидала, Матвей не помогал и не только не давал никаких советов, но ещё и демонстративно уходил от любых вопросов и замечаний. Это его не касалось. Он отдал приказ – дальше это уже чужие проблемы. Поэтому Лика каждое утро и каждый вечер давала себе клятвенное обещание поговорить с Лёшей о грядущих событиях, но каждый раз ничего не делала, за что проклинала себя на следующий день.

Лика даже без чтения мыслей, которым в отношении Лёши она перестала пользоваться, понимала, что он на грани и скоро сломается. Лёша не был ни сильным, ни выносливым, ни волевым человеком (такого предусмотрительный Матвей бы и не выбрал для этого задания), тем более что пока он не очень представлял, ради чего нужно было себя истязать в бесконечных схватках с Ликой, которые он неизменно проигрывал, или развивать свои ментальные способности. Также его мучил голод. Он уже, к сожалению, познакомился с бичом их мира – непреодолимой наркотической тяге к таблеткам, которую невозможно контролировать, но пока на собственной шкуре не прочувствовал, как тяжело они достаются и насколько важно обходиться без них. Поэтому приходилось терпеть его истерики и саркастические комментарии, которые он пока не решался произносить вслух.

Высохнув и одевшись, Лика и Лёша вышли из душевой и направились на кухню к Кларе за бутылку питьевой воды.

Они поднялись по одной из многочисленных лестниц Матвеевского логова, вышли в коридор, в котором, как показалось Лёше, в который раз изменилось количество и цвет дверей. Лика галантным реверансом пропустила его вперёд. Ему, даже несмотря на облегчение и утихшую боль, не хотелось огрызаться и скандалить в ответ, поэтому он молча зашагал, низко опустив голову и почти закрыв глаза так, что в просвет между ресницами видел только узкую полоску пола перед ногами. Это помогло полностью расфокусировать сознание и не думать ни о чём. Лёша успел сделать несколько шагов до того, как его голова врезалась в нечто твёрдое и тёплое. От неожиданности отступив назад, он чуть не потерял равновесие, но выпрямился и возмущённо уставился на преграду, встретившуюся на пути.

Преградой оказалась предусмотрительно выставленная ладонь Лаза, который, очевидно, заметил их гораздо раньше. Лаз неловко ухмыльнулся одной половиной рта (вторая осталась совершенно неподвижной) и радостно их приветствовал, вытянув руку для рукопожатия:

– Привет! – Лёша отметил, что теперь слова давались ему ещё труднее. Казалось, что у Лаза проблемы с левой половиной лица – на ней отсутствовала мимика. Левый глаз казался стеклянным и мёртвым. Лаз похудел и будто ссохся.

– Привет! – радостно засияла Лика, осторожно пожимая руку. – Как ты?

– Ничего... – добродушно, но немного неловко отозвался

гигант. – Жив...

– Да, я знала, – многозначительно отозвалась она, пристально изучая собеседника. Лёше показалось, что этот взгляд смущал Лаза и он пытался от него закрыться.

Лёша тоже пожал предложенную руку и про себя отметил её холодность и бледность.

– И ты тут? Каково в наших рядах? – поспешил переключиться на него Лаз.

– Ну так...

– Сколько уже заданий выполнил? – не унимался он, старательно избегая взгляда Лики.

Лёша замялся: признаваться, что пока нисколько, совершенно не хотелось.

– Я его только готовлю, не хочу сразу бросать в огонь, – пришла на помощь Лика.

– Правильно, ещё хлебнёшь... – криво и немного виновато улыбнулся Лаз, видимо, намекая на свою ситуацию.

– А ты здесь какими судьбами?

– Да вот, пришёл. Матвей обещал что-нибудь подкинуть не очень сложное, мне нужно восстанавливаться. Кстати, Лика, не хочешь припугнуть одного придурка? Ничего сложного, но, если буду работать я, могу провалиться. А ты сможешь. Ева обещала шесть таблеток, отдам вам половину. По рукам? – Лаз наконец решился посмотреть на Лику. В этом взгляде было всё: боль, презрение к себе, обида, мольба и страх отказа. Лика невольно отвела глаза.

– Не вопрос, конечно, – натянув улыбку, согласилась она. – Кидай, я заодно потренирую Лёшку. Он будет всё делать, а я присмотрю.

Обрадованный Лаз сосредоточенно посмотрел на Лёшу и у того тут же перед глазами замелькали неясные образы. Он попытался проморгаться, но вдруг они сложились в единую картину.

Мужчина, маленький, подтянутый, очень живой. Около сорока пяти. Говорухин Александр, бизнесмен. Не женат... Связан с криминалом. Недавно открыл цех по производству поддельных лекарств. Производят кардиостимуляторы и онкологические препараты. Хочет расширять бизнес. Цель – запугать и убедить переключиться на витамины. Использовать любые средства. Он должен выжить. Далее следовал точный адрес бизнесмена и список охраны. Вся информация «загрузилась» прямо в мозг Лёши и осталась там. Он точно помнил имя, адрес и прочие сведения, касающиеся их будущего подопечного.

– Хорошо, когда вы условились всё сделать?

– Особых ограничений нет, но до четверга надо бы сделать.

– Не вопрос, – улыбнулась ещё раз Лика с лёгкой ноткой извинения в голосе.

– Спасибо, – неуклюже поблагодарил Лаз. – Я пойду?

Она кивнула, чуть склонив голову набок. Лаз развернулся, приоткрыл одну из дверей и шагнул внутрь.

– Рад был увидеть, – бросил он на прощание и исчез.

Лёша в задумчивости почесал лоб. Лица осталась стоять в той же позе, то ли обдумывая что-то, то ли забывшись.

– Какой-то он странный, – прокомментировал Лёша, кивком указывая на только что закрывшуюся дверь.

– Я не думала, что всё настолько плохо, – раздосадовано покачала головой Лица и зашагала вперёд.

– Ты о чём?

– Плохо с ним всё. Ты не почувствовал?

– Что?! – удивлённо искривился Лёша. – Я даже не пытался его сканировать. Он же свой. Доверять ему можно.

– Нет, друг, – всё ещё рассеянно ответила она, проводя пальцем по краешку одного из пыльных гобеленов, висевших на стене. – Доверять нельзя никому и никогда. Даже здесь в Доме может оказаться тот, кого здесь быть не должно. Всегда сканируй всех, кого ты встречаешь. Даже собак, кошек и аквариумных рыбок.

– Ты параноик! – не выдержал Лёша.

– По шее получишь. Не в параноиче дело. Вот просканировал бы – понял, у него нормально функционирует только процентов сорок тела, остальные – совершенно мёртвые, понадобится много времени на восстановление, и не факт, что всё восстановится полностью. Но это не самое интересное: его очень активно подпитывают. Дают очень много энергии, чтобы восстановиться быстрее, причём почти вся она относится к одному Дому.

– Ты видишь энергию Дома?

– Я вижу её цвет. Не знаю, почему, но я её вижу, – пожалала плечами Лика, остановившись напротив кухни. Оттуда доносились весьма аппетитные запахи, разбудившие заснувший желудок Лёши.

– И кто ему помогает? Матвей? – поинтересовался он в нетерпении.

– Если бы. Аарон...

Лёша изумлённо приподнял бровь.

– Ты же говорила, что они друг друга недолюбливают.

– Это-то и пугает, – задумчиво отозвалась Лика.

Глава 3

Наама провела около зеркала более четырёх часов: подбор того самого образа требует времени. Повинуясь старой привычке, она сразу же остановилась на алом цвете, но выбрать из огромного запаса подчёркивающую её достоинства и подходящую к моменту модель было сложно. Наама чувствовала важность и ответственность миссии, которую ей доверили. Впервые Аарон попросил о чём-то по-настоящему существенном. Ну и пусть это было чисто представительская задача, но всё равно она выступала посланцем, гонцом Дома Кота, лучшего из Домов, поэтому её наряд одновременно должен был говорить: «Аарон оказал вам честь, послав меня» и «Мы очень рады сотрудничеству».

Закончив наконец с платьем, она принялась за макияж, укладку и выбор туфель. На это ушло три часа. Зато Аарон даже присвистнул, когда она появилась в его спальне.

– Хороша. Даже жаль такую отпускать, – широко улыбнулся проводник, выбираясь из постели.

Она в ответ стыдливо опустила взгляд, торжествуя. Любownik не часто радовал её комплиментами. Знал бы Аарон, сколько она готова отдать ради того, чтобы он всегда смотрел на неё с таким же упоением. Наама гордилась шансом оказаться полезной. Да что там полезной! Она готова была отдать здоровье, жизнь, душу, лишь бы они хоть чем-то ему

помогли. Но порой казалось, что столь ценные жертвы ему были не нужны.

– Вот тебе письмо. – Проводник протянул конверт, обнимая сзади и привлекая её к себе. – Отдашь Гавру лично в руки. Открывать нельзя. Там важная информация для него. Иначе мне придётся тебя убить, – пошутил он, кусая её мочку уха.

– Отстань! – Кокетливо оттолкнула его Наама, наслаждаясь каждой секундой. Она посмотрела на Аарона с любовью и обожанием. Какой же он прекрасный! Воистину его можно было бы назвать идеальным мужчиной: сильный, умный, властный, богатый и чертовски красивый. И это счастье досталось ей. Это было настолько хорошо, что просто не могло быть правдой.

– И скажи ему, чтобы поторопился с ответом. Медлить некогда. Матвей может активизироваться в любую минуту, – на всякий случай предупредил проводник.

Наама кивнула в ответ, пытаясь запомнить образ Аарона, чтобы пронести его с собой в течение всей поездки.

– Я позвоню тебе, когда всё ему передам, – проворковала она, целуя в щёку и обнимая в последний раз. Аарон нехотя ответил на объятия, отпустил и шлёпнул по попе, как бы придавая ускорение.

– Поторапливайся! Опоздаешь!

Наама схватила дорожную сумку, лежавшую на кресле, и поспешила вниз, где уже ждало такси.

Ей предстоял долгий перелёт в Африку, где и располагался Дом Гиены, главой которого был Гавр – суровый, опытный, но порой чересчур вспыльчивый проводник. Наама вышла из Дома, подождала, пока таксист неуклюже выбежал из машины, чтобы открыть перед, попутно одарив её настолько восхищённым и похотливым взглядом, что и без того её высокий уровень самооценки взлетел до небес. Она отдала ему сумку, мягко опустилась на сиденье, сняла шляпку и прикрыла глаза. На какое-то время можно было расслабиться.

Наама впервые прилетела в Африку, никогда до этого не посещала дом Гавра и вообще не выезжала куда-то по необходимости Дома. Аарон редко поручал ей какие-либо задачи, и они в основном касались хозяйственно-бытовых нужд. Сам проводник говорил, что оставил её для себя и главной её функцией было удовлетворение его желаний и прихотей, коих, кстати, было не мало. Например, ему очень нравилось давать ей по три-четыре таблетки сразу, от чего она тут же впадала в эйфорию и сильнейшее возбуждение, ждать пару часов, пока любовница уже не теряла способность себя контролировать, разрезать ей руку и с упоением пить кровь. Он наслаждался бешеным коктейлем из энергии таблеток, её собственной жизненной силы и огромных доз адреналина и прочих гормонов. Или же частенько Аарон затевал игру: в публичном месте заставлял её принять неудобную позу, в которой она должна была стоять, сидеть или лежать, пока ему не надоедало. При этом периодически он доводил её до полно-

го онемения конечностей.

За эти невинные шалости он бесплатно кормил её таблетками, видимо, забирая их у других подчинённых, что сильно усложняло её жизнь и способствовало обилию косых взглядов и слухов, которые роем злобных ос разлетались по Дому и окрестностям. Нааму ненавидели и презирали мужчины за то, что, как им казалось, дозы она получала бесплатно. Ей завидовали женщины, поскольку многие бы хотели оказаться рядом с Аароном. Самой частой темой для обсуждения в её присутствии было то, насколько быстро она наскучит проводнику, как было с множеством прежних увлечений. Проводник ветрено относился к фаворитам, не утруждая себя ответственностью или обязательствами. Поэтому каждая женщина в Доме и за его пределами считала нужным напомнить Нааме, что её статус лишь временный и вскоре она отправится делать самую грязную работу. Эти намёки ранили в самое сердце, оставляя тысячу маленьких трещинок в светлом кристалле счастья и любви к Аарону. И всё же где-то в глубине души до ужаса хотелось верить, что чувства были взаимными. Мечта о прекрасной сказке и бесконечной жизни вместе с любимым стала настолько осязаемой, что она почти в неё поверила. Наама жадно, с исступлением впитывала каждую минуту, проведённую вместе, методично собирая их в памяти, чтобы потом использовать как крошечные мазки в прекрасной картине их совместного будущего. И нынешнее поручение съездить к Гавру и отвезти ему пись-

мо стало настоящим подарком, признанием заслуг, которое могло утереть нос завистникам.

Машина неожиданно остановилась около бежевого здания, окружённого пальмами и высоким забором.

– Мне – сюда? – поинтересовалась Наама, выныривая из глубины мыслей.

Гид с ажиотажем закивал, кажется, рассчитывая на чаевые. Наама вздохнула, в глубине души она глубоко презирала попрошаек. Гид в ответ расплылся в довольной белоснежной улыбке и с особым рвением ринулся открывать дверь.

Наама, сморщив носик, взяла из его рук сумку, поднялась по парадной лестнице и дёрнула за висящий шнурок. Вдалеке раздался пронзительный звон, усиленный громким эхо, и через некоторое время дверь отворилась. Перед ней стоял коренастый мужчина кавказского происхождения. Изогнутые хрящи ушей и искривлённый нос выдавали борца, а взгляд исподлобья и обилие шрамов – агрессивного и воинственного человека. Он злобно покосился на гостью, грубо промямлив:

– Что надо?

– Я посланец Дома Кота, прибыла к Гавру с важным посланием.

– Щаз! – буркнул брец и вразвалочку направился вверх по лестнице. Преодолев первый пролёт, он оглянулся, посмотрел на гостью и бросил:

– Не стой там! Иди за мной!

Ошарашенная Наама подобрала сумку и последовала за ним. Она была наслышана об отсутствии гостеприимства в других домах, но такого не ожидала. Гостья с осторожностью поднялась на верхнюю площадку и заглянула в приоткрытую дверь. Перед неё раскинулся огромный светлый зал с толстыми колоннами. Высокие стены были обиты красной бархатистой тканью, многочисленные окна закрыты золотистыми шторами, а от парадного входа к центру вела алая широкая ковровая дорожка. Освещала зал массивная кованая люстра с имитацией свеч, под которой стоял тяжёлый деревянный стол в рыцарском стиле. Он ломился от обилия разнообразной дичи, фруктов, сыров и вин. В довершение у противоположной от входа стены стояла начищенная до рези в глазах копия рыцарских доспехов высотой в три человеческих роста.

Наама, пугливо озираясь, зашла внутрь. Размеры и разрозненность помещения озадачивали. Казалось, что находчивый декоратор прихотью судьбы смешал барокко со средневековьем, вложив в эту странную попытку соединить исторические эпохи годовой бюджет маленькой европейской страны. Наама почувствовала себя крохотной и незаметной на фоне этого грандиозного зала, а особенно металлического колосса, сжимавшего в железной хватке меч весом в несколько тонн.

Она осторожно приблизилась к столу, не решилась за него сесть, но украдкой оторвала пару виноградин и сунула в рот.

Голод давал о себе знать. Ягоды оказались божественно вкусными. Ничего подобного она никогда не ела. Наама потянулась за добавкой, но раздался звук открывающейся двери и из-за правой ноги доспехов вышел Гавр.

Хозяин Дома вобрал в себя многое от народов Средиземноморья и Кавказа. На вид ему было около тридцати с небольшим – тяжёлая походка, широкие плечи и волевой взгляд выдавали мужественность и силу. Копна чёрных кудрей оттеняла смуглую кожу, резко контрастируя с белизной рубашки. Лицо казалось квадратным из-за мощной челюсти с развитыми мускулами и тупым подбородком, покрытым недельной щетиной. Глубоко посаженные глаза смотрели с непокорностью и упрямством, а нахмуренные густые брови почти встречались на переносице. Прежде, чем он подошёл, Наама ощутила волну силы и агрессии. Этот человек привык бороться и привык бороться до конца.

– Добрый день, Великий Проводник! – Посланница склонила голову в знак приветствия.

– Добрый день! Кто ты?

– Я посланница Аарона. Он прислал меня, чтобы передать это письмо тебе.

Наама покопалась в сумочке и достала тонкий конверт, протянув его проводнику. Тот грубо схватил письмо, разорвал бумагу и принялся читать. По мере прочтения его мимика становилась живее: брови сдвинулись ещё сильнее к переносице, мускулы напряглись, челюсть сжалась, а крылья

носа начали подниматься и опускаться заметно чаще.

– Что это вообще значит?! Какого хрена?! – Он оторвался от письма вне себя от ярости. Проводник напоминал гигантского разъярённого быка, готового в любую минуту сорваться.

– Я не знаю, – прошептала Наама, начиная трястись от страха. Смутная догадка замаячила на рубеже сознания. Лицо собеседника стало багряным от прилившей крови, пальцы судорожно сжались, а по телу побежала волна гнева. Наама попятилась, выставляя вперёд руки в надежде защититься, но тяжёлая смертоносная аура проводника с каждой секундой придвигалась всё ближе. Наама уже физически ощутила сильнейшее давление, как будто бы проводник пытался выжать посланницу из зала, и почувствовала, как защитная аура затрещала под его напором. Вдруг его левая рука покрылась ярко-красным пламенем, которое начало собираться в шарообразный заряд.

– Не надо, пожалуйста! – Её глаза были полны слёз, от отчаяния она упала на колени и зарыдала. – Пожалуйста!

– Заткнись! – рявкнул проводник, выпуская смертельный заряд. По телу прошла мучительная судорога, ноги подогнулись, и Наама рухнула на пол. Умирать во второй раз оказалось гораздо больнее и в сотни раз обиднее.

Выпустив пар, он подошёл к обугленному телу, что-то прошептал и оно мгновенно исчезло. Затем глубоко вздохнул, позволяя кислороду наполнить лёгкие и принести же-

ланное успокоение. Когда умиротворение пришло, он проглядел письмо ещё раз, тщательно запоминая, и поджёг его взглядом. Холодный огонь моментально расползся по пергаментной бумаге, жадно пожирая аккуратный разборчивый почерк.

«Скоро Совет из-за пришельца. Старый хочет уничтожить Давида, потом взяться за тебя. Просил поддержки. Я отказал. Нужно его ослабить.

P.S. Блондинка работает на него».

Глава 4

Они вышли на крыльцо Дома. Лёша ощутил на лице дуновение летнего тёплого ветерка, несущего свежесть моря. Вечер был удивительно хорош: дневной зной сменился прохладой, пахнувшей цветами и свежескошенной травой. Рыжий диск солнца уже скатился к горизонту, чтобы вскоре, подарив последнюю улыбку, окончательно скрыться, а в воздухе витало ощущение радости и свободы. В небольшой парк на другой стороне улицы из соседних домов высыпали кучки веснушчатых детей с выгоревшими на солнце макушками. Их звонкий смех разносило эхо, гулко ударяясь о каменную поверхность сводов. Всё в округе казалось рыжим, как будто кто-то сверху по забывчивости разлил оранжевую краску. Даже дворовый кот с разодранным ухом и обрубленной половинкой хвоста удобно примостился на каменном выступе Дома и, старательно вылизывая потёртую шкурку, довольно жмурился и мурлыкал себе под нос весёлую песенку.

– Хорошо-то как... – поддавшись общему настроению, улыбнулась Лика и быстро сбежала вниз по ступенькам.

– Ага, зашибись... – скептически посмотрел на неё Лёша и начал аккуратно спускаться, хромая и осторожно перенося вес на правую, повреждённую ногу.

Лика удивлённо оглянулась и с интересом стала наблюдать за его неуклюжими телодвижениями. Подождав

несколько секунд, она скривила рот:

– Ты похож на престарелого жука-камнеточца.

– А такие есть?

– Вряд ли, но это единственная причина так долго торчать на этих ступеньках.

Лёша про себя выругался, но побоялся произносить вслух. Наконец, он достиг асфальта и облегчённо выдохнул.

Ли́ка тем временем с интересом оглядывала окрестности, останавливаясь взглядом то на одном, то на другом объекте. Она наслаждалась приятным вечером, погодой и чужой радостью. Вдруг до жути захотелось побежать, придать телу ускорение и понестись вперёд. В венах забурлила откуда-то взявшаяся энергия, пенящаяся и упоительная, рвущаяся наружу. Ли́ка сама не понимала, откуда взялось это ощущение, но была склонна винить тёмно-бордовый чай, якобы привезённый из Китая, который предложила им Клара. Лике он с самого начала показался подозрительным.

«Надеюсь: он без побочных эффектов...» – подумала она. Но ещё раз погрузившись в ощущения, за годы тренировок настроенные до точности лабораторных приборов, не обнаружила ничего тревожного.

«Тогда будем считать, что это неожиданная помощь от Матвея. Чтоб ему икалось», – ухмыльнулась она, посылая в главу Дома небольшой разряд энергии.

Ли́ка оглянулась на Лёшу. Казалось: он пока ещё ничего не почувствовал. Тем лучше.

– Знаешь, – издалека начала она, хитро улыбаясь, – что-то не хочется мне сейчас вести машину, а с этим бизнесменом надо бы сегодня разобраться, чтобы завтра ничего не мешало спокойно поучить тебя защитным приёмам. – Последнюю часть фразы она сильно растянула, явно издеваясь.

У Лёши при этих словах желудок сделал сложный кульбит в ожидании предстоящей пытки, но он хорошо знал, что спорить глупо, поэтому лишь скорчил унылую рожу и махнул рукой.

– Ценю твой энтузиазм, – отозвалась Лика, – но так и быть, дам тебе конфетку. Посмотришь на город с высоты птичьего полёта.

– Это то, о чём я думаю? – воодушевился Лёша. Вопросом о возможности и невозможности летать он доставал её с первого дня их обучения. Но всё это время Лика упорно не отвечала, периодически издеваясь.

– Ну да... – Лика увидела в его глазах давно забытый энтузиазм и искренне обрадовалась. – Будем учиться летать!

Лёша заметно воодушевился и потёр руки от нетерпения.

– Я готов! – выдохнул он.

– Так... как учила. С него начинаем?

– С отвлечения внимания, – выпалил Лёша, уже старательно растягивая прозрачный шар вокруг них. – Достаточно большая, чтобы была свобода действий, но не слишком... чтобы не тратить слишком много сил. Минимум пять слоёв, каждый со своей энергетической подпиткой, чтобы в случае

чего превратить её в защитную ауру. В центр кинуть небольшой запас энергии, чтобы при опасности дотянуть... – неразборчиво бормотал он, сосредоточенно жестикулируя.

Ли́ка наблюдала за его действиями, удовлетворённо кивая. Хотя порой казалось, что их занятия проходят абсолютно впустую, чему-то она смогла его научить. Лёша уже хорошо усвоил прописные истины и, пожалуй, даже был готов постоять за себя, пусть пока и не в абсолютном большинстве случаев. Постоянные тренировки укрепили тело, избавив от юношеской пухлости, он возмужал, приосанился и теперь выглядел старше. Даже лицо со светлой щетиной теперь выглядело более суровым и решительным. Лоб разрезало несколько поперечных глубоких морщин, на заострённой скуле остались шрамы от зарядов, а ресницы и брови почти исчезли, обожжённые его собственным неудачным огненным вихрем. Глаза приобрели холодный стальной, характерный для многих из их мира оттенок, а взгляд стал жёстким и, наверное, равнодушным. Лике такие перемены были не в диковинку, она и раньше видела, как меняются новенькие, но теперь, когда эта перемена происходила прямо на глазах, она пробуждала смутную тоску и печаль по давно ушедшим временам.

– Кажется, всё... – выдохнул Лёша, вытирая лоб ладонью и оглядываясь по сторонам, чтобы проверить, не смотрит ли на них кто-нибудь. Прохожие: мама с коляской, две бабушки и кучка мальчишек, игравшие в мяч через дорогу, – каза-

лись занятыми своими делами. Тогда он повернул руку ладонью вверх и зажёл высокий столб синего пламени. Никто по-прежнему не отреагировал. Лёша погасил пламя и искривил рот в довольной усмешке. Он ощутил странное злорадство. Впервые он был уверен, что сделал всё правильно, хотя совершенно не понимал, откуда взялась подобная уверенность и силы на все магические манипуляции. Лёша думал, нет, знал, что сотворил идеальную сферу, учёл все аспекты, и Лике не к чему было придраться, и это знание пробудило торжество, граничившее с вызовом.

– Да, признаю, всё хорошо... – столь же злорадно улыбнулась наставница, принимая брошенный вызов.

Лёша самодовольно кивнул, размял шею – привычка, которую он ненароком перенял от Лики, и поинтересовался:

– Всё как обычно?

– Ага, но кто последний, тот – задница старого мула, которая ближайший месяц убирает всю квартиру! – сообщила она, легко и быстро поднимаясь в воздух.

– Идёт!

Лика уже взлетела на высоту пятиэтажного дома. Лёша замороженно смотрел на тонкую фигуру, парившую в воздухе. Это всё ещё казалось чудом, приводившим в полный восторг.

– Нуууууу?! – развела руками она. – Я даже дам тебе фору. Иначе это как отнимать мороженое у маленькой сопливой девочки!

– Сама напросилась! – пронеслось у Лёши в голове, и он тут же откинул в сторону мысли и чувства, очистил сознание и приказал себе двигаться вверх. Сначала неуверенно, но затем всё быстрее и быстрее он устремился в небо. На уровне третьего этажа страх высоты и необычность ситуации поработили разум настолько, что он заметно покачнулся, а потом и вовсе, накренившись, начал падать вниз.

– Стой! Тише! – приказал Лёша сам себе и вернул контроль над телом.

Вскоре он уже поравнялся с демонстративно скучавшей Ликой.

– Ты – вода! – совершенно неожиданно вскрикнула она, болезненно ударив ученика по спине, и тут же полетела вверх и вперёд, на прощание показав длинный розовый язык. Лёшу искренне возмутило такое обращение, и он понёсся за обидчицей.

Ощущение полёта – ветра, задиристо трепавшего одежду и нагло бросавшего в лицо потоки воздуха, свободы от оков гравитации и тяжести собственного тела, восторга от возможности смотреть на игрушечный мир сверху – было упоительным. Оно наполняло и охватывало тело, делая его таким же невесомым и прозрачным, как воздух. Лёша полностью поддался ему, жадно смакуя каждую секунду. Вдалеке внизу всё шло своим чередом: люди стремились по делам, металлические жуки машин позли по асфальтовым тропинкам, но здесь, вверху, казалось, что время остановилось.

Лёша стремительно приближался к Лике, которая, судя по всему, всё-таки решила дать ему фору.

«Ещё чуть-чуть, капельку», – думал он про себя, вытянувшись в стрелу и выставив вперёд правую ладонь.

Когда до спины, облачённой в белую майку, оставалось не более тридцати сантиметров, Лика неожиданно прогнулась и, сделав сальто, зависла позади. Он резко обернулся, попытался дотянуться до её живота, но Лика подпрыгнула вверх, пропустив Лёшу, уже устремившегося вперёд, под собой. И дала в качестве компенсации пендель, от чего он пролетел чуть дальше, чем планировал.

– Неа, так просто ты меня не возьмёшь. – Погрозила пальцем она в знак отрицания, насмехаясь над запыхавшимся соперником. Лёша понимал, что она права, но так легко сдать от точно не мог и с новым азартом ринулся на Лику. Та просто исчезла и появилась в пяти метрах впереди.

– Я же сказала, – отчеканила она преподавательским тоном, – у тебя ничего не получится. Ты слишком зол. Так нельзя. Лучше скажи: почему ты ещё не отметил цель?

– Не понял, – перевёл дух Лёша, обдумывая возможные пути наступления.

– Летим-то мы куда? – Лика выразительно постучала пальцем по голове. – Отметить не хочешь? Нашего бизнесмена найти?

– Да, сейчас, – нехотя переключился он, вспоминая описание, полученное от Лаза, и настраиваясь на поиск цели. На

это ушло какое-то время, но вскоре вдалеке он смог нащупать лёгкий намёк на его энергетику.

– Объект за городом, здесь его нет, – пробормотал Лёша себе под нос. – Сейчас нащупаю. – Он постарался убрать помехи, сосредоточившись на одной горячей пульсирующей точке вдали. Постепенно она становилась ярче и теплее. Похоже, объект злился или испытывал другие сильные эмоции. Лёша мысленно поблагодарил его за непреднамеренную помощь и, уцепившись за энергетику, отправил в её сторону ярко-красную вспышку огня, которая, постепенно растягиваясь, превратилась в такую же яркую полосу света, протянувшуюся до самого горизонта.

«Ну теперь-то точно всё», – подумал он, глядя на струившийся луч алого цвета, и, повернувшись, погнался за Ликой, удобно расположившейся неподалёку в горизонтальном положении.

– О, как! – вскрикнула она от неожиданности и поспешно устремилась вперёд, заметно петляя, чтобы погасить преимущество в расстоянии, выигранное Лёшей за счёт неожиданности. На одном из поворотов она оглянулась, оценила расстояние и, подождав немного Лёшу, канула вниз, провалившись в глубокий штопор.

Лёша замер от ужаса, адреналин застучал в висках, он уже был готов ринуться за ней, но наставница плавно вышла из крутого пике и с невозмутимым видом продолжила двигаться в заданном направлении.

– Фу, блин! Опять повёлся! Бесит! – выругался Лёша и решил, что пока стоит закончить игру до появления более благоприятных для победы обстоятельств. Эту тактику часто используют дети, когда приходится иметь дело с более быстрыми и сильными сверстниками, которых нельзя обогнать или превзойти напрямую. Ведь всегда можно притвориться, что игра наскучила или кажется слишком глупой, и дожидаться, пока наивный противник сам подойдёт ближе, и мгновенным рывком передать ему воду.

Но в этот раз Лика не стремилась приближаться, что, конечно, огорчало, но восторг от ощущения полёта был гораздо важнее. Лёша наслаждался каждой секундой. Пожалуй, впервые за последние месяцы он был абсолютно по-детски счастлив. Время и пространство исчезло.

Виталик сидел на коленях у мамы и раздосадовано болтал ногами, стараясь по сильнее ударить впереди стоявшее кресло. Ему не нравилось это обитое скучным коричневым материалом, потёртое, исписанное фломастерами кресло, душный салон автобуса и усатый дядька, стоявший рядом. От него пахло чем-то спёртым и неприятным, как от папы на Новый год. Автобус тащился слишком медленно, мама была злая, не дала досмотреть любимые мультики и даже не взяла с собой новую гоночную красную машину, которой Виталик очень гордился и даже не разрешал брать лучшему другу Мишке, потому что тот вечно всё ломал.

Мама сказала, что они поедут в странное место, какой-то там «Петросбыт оплачивать счета». Что это такое – мальчик не знал. Поэтому приходилось терпеть. Он попытался выпросить мороженое на остановке, даже заплакал, но мама крикнула:

– Хватит! Прекрати! – и неприятно ударила по спине. Было не больно. Мама никогда не била его больно в отличие от папы, но в этот раз, промахнувшись, она попала не по попе, а по спине, что сделало наказание ещё более несправедливым и обидным. Нужно было продемонстрировать обиду, поэтому теперь Виталик и старался посильнее ударить кресло, чтобы нога, оттолкнувшись, на обратном пути попала по маме, и она наконец-то поняла, насколько неприятно было Виталику.

Но несмотря на тщательно разработанный план, сердитая мама продолжала молча сидеть, уткнувшись в окно, ничего перед собой не замечая.

Устав от этого занятия, мальчик начал вытягивать из обивки кресла отдельные ниточки, торчавшие из шва. Их было всего пять, и хотелось узнать, какая окажется самой длинной. Но, к сожалению, выдернулось только три, а остальные намертво засели в обивке и никак не хотели вылезать. Ребёнок предпринял ещё три неудачные попытки и принялся рассматривать пассажиров.

Помимо усатого дядьки, недалеко от них на площадке стояли бабушка с внучкой. Девочка была чуть постарше самого

Виталика, но сразу было видно, что она воображала, даже огромные розовые банты на двух тоненьких косичках были какие-то воображательские. Виталик не понимал, какая от девчонок польза, они все казались ему скучными, нудными и слишком боящимися испачкать почему-то всегда белые колготки, а эта ему совсем не понравилась. Если бы они были на улице, он бы обязательно кинулся в неё шишкой, чтобы не выдумывала себе там. Не камнем, конечно же, больно, а шишкой, чтобы она поменьше о себе думала.

На другой стороне на двойном сидении сидели совсем взрослые ребята. Не такие как мама с папой, но такие... взрослые, как в одиннадцатом классе. Они очень смешно целовались. Виталик не знал, зачем люди это делают. Нет, конечно, мама его тоже иногда целовала и это даже было не противно, хотя мокро, но она делала это очень быстро, едва прикоснувшись губами ко лбу или щеке, а в фильмах и здесь это делали очень долго, губами, а ещё иногда и языком... брррррр.... гадость какая. Нет, он бы никогда так не сделал.

Отвернувшись от неприятного зрелища, мальчик посмотрел вперёд и увидел странного господина. Это был высокий человек с чёрными-пречёрными волосами и забавным искривлённым носом. Но самым интересным в нем была одежда: несмотря на лето, он был одет в осеннее длинное чёрное пальто и кожаные тёмные перчатки, при этом он не выглядел вспотевшим или страдающим от жары. Скорее наоборот, у него была неестественно белая кожа и бледные губы, как

будто он очень сильно замёрз. Виталик огляделся, но кроме него, кажется, никто не обращал на странного субъекта внимания, люди даже невольно расступились, образовав островок свободного пространства. Малыш показал пальцем на Бледного, чтобы привлечь маму, но та лишь рассеянно чмокнула сына и вновь уставилась в окно.

Расстроившись, мальчик вновь повернулся к Бледному и, спрятавшись за креслом, начал за ним следить. У того был совершенно невозмутимый и даже отстранённый вид. Он переводил равнодушный взгляд от одного пассажира к другому. Цель его нахождения здесь была не понятна, и в этом автобусе он казался столь же чужеродным элементом, как шины в магазине детских игрушек. Наконец, рассмотрев ближайших к себе пассажиров, он перевёл взгляд на Виталика. И в этот момент мальчику стало страшно. Он что было силы вжался в ручку кресла и попытался спрятаться за спинку, но почему-то всё равно продолжал видеть чёрные бездонные зрачки незнакомца, пытливо изучавшие его внутренности.

Однажды, когда мама пыталась объяснить, почему нельзя разговаривать с незнакомцами, она рассказала про плохих дядек, которые заманивают детей игрушками и конфетами, отводят в тёмный подвал, а потом вынимают из них органы и продают за границу. Эта история тогда поразила воображение Виталика, и ещё две недели ему снились кошмары про ужасных чёрных людей, которые копались у него в животе. И вот теперь он был абсолютно уверен, этот Бледный – тот

самый дядька, что охотится на детей.

«Надо спрятаться, чтобы он забыл про меня!» – судорожно думал мальчик, всё больше вжимаясь в кресло.

«Уйди, уйди!» – повторял он, чувствуя спасительное тепло мамы, которая точно бы прогнала дядьку. Но Бледный, видимо, поняв, что Виталик ему не достанется, перевёл взгляд в другую сторону. Виталик сглотнул и, всё ещё напуганный, приготовился ждать. Ведь не может же этот мужик сделать что-то плохое, пока здесь есть мама и все эти люди. Просто нельзя ни на секунду отрываться от мамы, нужно постоянно держать её за руку, тогда всё будет хорошо.

Но вдруг внимание мальчика привлёк новый субъект, неожиданно появившийся с задней площадки автобуса. Это был ещё один мужчина с каштановыми волосами, доходившими до плеч, в очках в светлой оправе и крючковатым носом, как у волшебника из телевизора. Он выглядел озадаченным и даже печальным, но главное: мальчик был совершенно уверен, что этот второй появился совершенно ниоткуда. Ещё секунду назад его не было, а вот он уже появился. Незнакомец посмотрел на Бледного и начал продвигаться к нему, при этом, к ужасу мальчика он прошёл сквозь двух женщин и старичка. Он сделал ещё шаг и замер, задержанный непонятной преградой. Затем несколько раз дёрнулся, пытаясь преодолеть неизвестное препятствие, но у него не вышло. Бледный тут же посмотрел на незнакомца, как бы оценивая, и снова отвернулся.

– Что ты делаешь? – спросил Второй, пытаясь пробиться к Бледному.

Тот его проигнорировал, рассматривая пассажиров, но, подумав немного, заговорил:

– Уходи... – Голос Бледного был таким же мрачным, как и его внешний вид. – Твоё время ещё не пришло. Мне не нужно тебя убивать, проводник.

Матвей остановил бесплодные попытки пройти дальше.

– Не надо. Здесь есть те, кто ещё может спастись...

Бледный оставался невозмутимым, он не спорил и ничего не доказывал, а лишь сообщал информацию:

– Это не твоё дело. Уходи, ты ничего не сможешь изменить. Я должен забрать их. – Он обвёл глазами салон автобуса. – У них есть долг. Его нужно вернуть, а сегодня или завтра – ничего не решает. Долг важнее...

Матвей опустил голову, кажется, смиряясь:

– Однажды придёт твоё время заплатить этот долг.

– По-другому быть не может...

При этих словах Бледный медленно соединил ладони, и мир дрогнул. Раздался дикий грохот, с левой и правой стороны хлынули сверкающие потоки битого стекла, а кабина начала стремительно приближаться. Автобус накренился и полетел куда-то вниз.

Вскоре они долетели до нужного места и замерли как раз над концом ярко-красной линии, созданной Лёшей. Ему так и не удалось догнать Лику, и перспектива работы домработ-

ницей ближайший месяц в добавок к тренировкам огорчала. Особенно учитывая то, что Лика не разрешала пользоваться для подобных обыденных дел энергией, упрямо настаивая на старых дедовских методах. Но приятные эмоции от полёта пока перекрывали всё, а о последствиях можно было подумывать и завтра.

Под ними находился крупный земельный участок, ограждённый по периметру непроницаемым забором из грубого камня. Вся его площадь была засеяна открыточно -зелёной газонной травой, кое-где дополненной гигантскими альпийскими горками и размашистыми фонтанами. За домом располагался большой лазурный бассейн с булькающей джакузи и открытая веранда. Дополняли весь этот ансамбль несколько откормленных ротвейлеров, уставившихся на Лику с Лёшей немигающими бессмысленными глазами, и парочка таких же охранников, деловито отмывавших машину от дорожной грязи.

– Мда, картина, что называется, маслом... – прокомментировала Лика. Для простоты она давно придумала себе собственную классификацию людей, которой пользовалась при каждом удобном случае, и, судя по её опыту, общение с представителем данного класса не сулило ничего хорошего.

– Как будем работать? – Лёша был немного озадачен. – Нам, вроде, надо его только напугать, а здесь напугать сложно.

– Можно, конечно, изобразить метеоритный дождь, ну

или кару небесную с гласом божьим... Он тогда, глядишь, ещё и верующим станет. Храмы строить начнёт, детишкам помогать, но что-то сегодня у меня не религиозное настроение. Да и внушаемость у него ниже среднего. Надо брать тем же оружием... Пойдём в кусты. – Лика показала на небольшой островок зелени, скрывавший поворот к дому от посторонних глаз.

Когда их ноги коснулись земли, она продолжила:

– Используем иллюзию. Предлагаю сделать иллюзию маленького... – Она почти сомкнула два пальца, демонстрируя крошечность. – отряда ОМОНа, а мы с тобой будем... – Лика задумалась. – Генералом ФСБ, и, допустим, майором...

– А чё сразу не президентом?

– Да ладно тебе! В нашей стране слишком велик страх перед майорами, подполковниками и прочими представителями всяческих спецслужб. Вот увидишь – поведётся как миленький.

Лика сошла на траву, оценивая размер свободного пространства. Сочтя его удовлетворительным, она немного расширила Лёшину сферу, превратив её в прозрачный купол. Затем забрала заряд энергии, предусмотрительно оставленный в центре, чем вызвала волну справедливого негодования, поскольку Лёша надеялся воспользоваться ей в своих целях. Лика быстро отыскала большой валун, служивший последней опорой для засохшего обрубка берёзы, кивком головы перебросила его в середину купола, и, прислонив руки

к валуну, начала создавать иллюзию.

– Для справки, студент: никогда не создавай иллюзию на пустом месте, используй любые подручные материалы, лучше всего по принципу однотипности компонентов: для холодного и твёрдого – камень, металл; для мягкого – ткани, для живого – лучше не брать мясо или трупы, если только не совсем свежие. – Лёша поморщился, представив ситуацию, в которой ему придётся делать что-то подобное. – Они уже мертвы, хоть память и осталась, можно взять траву, шикарные иллюзии получаются из свежих яиц. Понятно?

Он сдержанно кивнул, наблюдая за тем, как камень медленно увеличивался в размерах, вытягивался с одной стороны и медленно обретал форму автомобиля. Сначала он видел лишь жалкое подобие, напоминавшее шутку природы, а затем все явственнее валун становился похож на крупный дорогой джип: появились фары и решётка радиатора. Наконец, когда контуры стали совсем чёткими, Лика стукнула по капоту, от чего по тому крохотными ручейками побежали трещины, расплзаясь по всей поверхности новоявленного автомобиля. Каменная оболочка распалась на маленькие кусочки, которые под собственной тяжестью опали вниз, обнажив гладкий металл новенького внедорожника.

– Отлично, – похвалила результат Лика и критически оглядела себя и напарника. – Теперь мы с тобой. Для начала нужно хорошо набрать массу. Иди нарви веток, только живых, будем из них мышцы делать.

– Ты серьёзно?! – искривился Лёша в недоверии.

– Цыц! Топай за зелёную.

Он вздохнул и потащился к ближайшей маленькой берёзе. Было искренне жаль дерево, но спорить не хотелось. Лика все равно заставила бы, так ещё и поиздевалась бы над «гринписовскими» замашками. Молодая берёза ломалась неохотно, отчаянно борясь за жизнь. Через десять минут упорной борьбы человеческого упрямства с природной непокорностью первое всё-таки одержало верх, и израненный Лёша вернулся к скучавшей Лике.

– Всё! – Он вывалил ветки к её ногам.

Лика кивнула и, взяв первую ветку, приложила к телу подопечного. Немного подумав, она начала что-то нашёптывать и медленно превращать его худощавое тело в приземистое туловище мужчины средних лет.

Лёша с ужасом обнаружил, что волосы – его гордость – начали покидать голову прядь за прядью, кожа – ссыхаться и терять упругость, а сам он – быстро приближаться к земле. Зато теперь он чувствовал себя гораздо более сильным и мужественным, а главное: наглым и самоуверенным. В качестве финального штриха Лика создала чёрный деловой костюм, делавший его похожим на спецагента разведки, заставила ученика пару раз покрутиться вокруг своей оси. Оглядела, довольно цокнула языком и принялась за себя.

Себя она сделала заметно выше и намного мощнее, оставшись при этом стройной и подтянутой. Рыжая копна волос

быстро вросла в голову, а на её месте появилась чёрная шевелюра, довольно густая для мужчины средних лет, на массивной переносице – очки без оправы, а на ставшем волосатым запястье – дорогие часы.

– Так не честно, я на твоём фоне выгляжу лысым карликом... – запротестовал Лёша.

– Ты сюда не тёлок кадрить приехал, а работать... – отрезала она, осматривая обувь. Удостоверившись, что всё хорошо, Лика открыла дверь новой машины и влезла на переднее сидение, два раза больно ударившись головой из-за непривычных габаритов.

– Чёрт! Блин! – Она потёрла ушибленную макушку. – Садись быстрее.

Лёша тоже вскарабкался в машину и закрыл дверь. Внутри было непривычно холодно и сыро. В отличие от настоящего автомобиля, здесь сидения наощупь были холодными и твёрдыми, хотя выглядели как настоящие. Сидеть на них было неприятно и даже мокро.

Лика оценивающе посмотрела на себя в зеркало дальнего вида и положила руки на руль.

– Говорить буду я, а ты поддакивай. Кстати, на... – Лика покопалась в карманах, выудила пару старых смятых рекламных буклетов и, превратив их в ярко-красные корочки удостоверения, передала Лёше.

Пока тот пытался свыкнуться с мыслью, что теперь он – Пупкин Иннокентий Петрович, машина нехотя тронулась с

места. Они двигались очень медленно, то и дело рискуя застрять на очередном пригорке. Однако, как только автомобиль прошёл поворот и завернул на дорожку, ведущую к коттеджу, он поехал увереннее.

– Чёрт, стёкла затонировать забыла и номера! – хлопнула себя по лбу Лика, тут же исправляя оплошность.

Вскоре они остановились около массивных ворот, громадой нависавших над любым прохожими. В подтверждение охраняемости объекта к ним сразу же повернулись бдительные линзы камер наружного наблюдения.

Лика выдержала театральную паузу. Её вдруг начали мучить странные подозрения. Пока Лёша загружал информацию от Лаза, она специально проверила несколько раз все данные, мысли самого Лаза и наиболее вероятные события. Всё было чисто. Уже к восьми часам они должны были вернуться домой есть пиццу и убирать квартиру Лёшиными силами, но сейчас Лика подспудно чувствовала неуловимое движение воздуха, лёгкий ветерок, который нашептывал ей о том, что всё не так просто.

«Нужно быть начеку», – подумала она и посмотрела на Лёшу. Он выглядел спокойным и, кажется, ничего не замечал.

Она вздохнула, отогнала грустные мысли и, сложив руки в подобие трубки, заговорила оглушительно громким голосом, как будто усиленным специальной аппаратурой.

– Вы окружены. Соппротивление бесполезно. Откройте во-

рота, опуститесь на землю, лицом вниз и сложите руки на затылке. В случае неповиновения через шестьдесят секунд начнётся штурм здания.

– Камеры испорть! – Лика откинулась назад.

Лёша удивлённо кивнул и запустил в камеры несколько энергетических шариков. От этого техника всегда приходила в негодность.

– Ещё две по бокам и четыре сзади, – сквозь зубы процедил новоявленный генерал. Скребущее ощущение предстоящей опасности усиливалось и неприятно свербело в груди.

– Конечно-конечно... – поторопился Лёша.

Настраиваясь на камеры, он ощутил панику и непонимание, царившие за забором. Они были настолько неожиданными и наглыми гостями, что хозяин вместе с шкафообразными охранниками просто не знали, как на них реагировать, стоит ли воспринимать всерьёз или достаточно выйти за ворота с битой и проучить шутников за неумение выбирать объект для веселья. Сразу после полученного сообщения охранники, громко топая, вбежали на последний этаж для получения дальнейших распоряжений.

Владелец дома, мирно дремавший в кресле под музыку восьмидесятых, сначала не понял, что эти двое от него хотят, но осознав, тут же бросился к окну:

– Какого хера они тут делают?! Как меня нашли?! – искря гневом и покраснев от напряжённой работы мысли, выпалил бизнесмен.

Артём и Денис – охранники – два совершенно разных мальчика в далёком детстве, за годы армии и охранной службы превратившиеся в однояйцевых близнецов, синхронно пожали плечами.

Александр, кажется, сам догадавшись о чём-то или найдя наиболее вероятную версию, покрылся алыми пятнами и в страхе отбежал от окна.

– Сколько их?!

– Не знааааем, – извиняющимся тоном протянул Денис. Ему было неудобно за все происходящее, поскольку ситуация демонстрировала их непрофессионализм. – Они вырубали камеры. Из-за забора не видно. Мы видели только чёрный джип, – глухо отчитался он. – Но они говорят, что мы окружены.

– Да слышу я, идиот! – заорал испуганный Александр. Бизнесмен судорожно перебирал варианты того, что им могло быть надо и чем можно было от них откупиться. К сожалению или к счастью, готовясь к «внеочередной» прокурорской проверке, о которой его предупредили ещё три месяца назад, он перевёз все более-менее ценные вещи и оружие в городскую квартиру, оставив дом беззащитным и пустым. Теперь с одной стороны, он чувствовал себя голым и окружённым одними идиотами, но с другой, алчно обрадовался, что брать у него нечего. Приободрённый этой мыслью предприниматель ещё раз осторожно выглянул в окно, проверяя, что джип не плод воображения. С тоской удостове-

рившись, что он всё ещё там, Александр, ожесточённо грызя губы, прижался лбом к стеклу, обдумывая дальнейшие действия. Панический страх боролся с природной хваткой и чувством, упорно твердившими, что он сегодня не умрёт, а главное: не потеряет своё состояние. Решив довериться интуиции, Александр «нацепил» привычный и не раз его спасавший образ угодливого простачка.

– Открывайте, и проведите их ко мне... – приказал он уже спокойным елейным голосом, которым всегда обращался к инвесторам и высоким чиновникам.

Удивившись такой перемене, Артём и Денис затопали вниз отгонять псов и открывать ворота.

– Ладно, раз ты такая умная, то откуда мы возьмём это мифическое окружение ОМОНа, которое их должно задержать? – решил оспорить авторитет наставницы Лёша, обиженный на её напоминание про камеры.

Лица на секунду задумались, обшаривая глазами окружающие пространство.

– Делать нечего, придётся собачек мучить, – намекнула она на рискующих задохнуться от собственного лая ротвейлеров.

Лёша удивлённо приподнял бровь, что получилось весьма комично, поскольку он ещё не научился управлять новым телом, но промолчал.

– Сделай лицо непроницаемым, мимика сейчас тебе плохо даётся.

Он хотел отозваться какой-нибудь колкостью, но не успел ничего придумать до того, как перед ними распахнулись ворота.

Лица с довольным видом нажала на газ, машина резко рванула и остановилась около самого дома, задев цветастую клумбу и забрызгав охранников грязной водой из маслянистой лужи. Лёша нервно сглотнул, наблюдая за тем, как двое амбалов пытались оттереть лица от налипших комков грязи.

– Кажется, они не оценили твой стиль вождения, – поёрничал Лёша.

– Ага... – Вместо ответа она посмотрела на собак и махнула кистью в направлении ворот, приказывая выбежать на улицу. Когда это было исполнено, она открыла дверь и вышла из машины с таким раздражённым видом, на который только была способна.

– Сколько можно копаться?! Дохлые верблюды и те бегают быстрее! – процедила Лица сквозь зубы. – Хозяин где?!

Ошарашенные охранники смогли лишь показать пальцем на окно верхнего этажа, откуда моментально исчезло лицо самого хозяина дома, заставив закачаться блестящие шторы жалюзи.

– Ок! – кивнула всё ещё злая Лица. – Ребята вас тут покарают. – Она показала на десяток бойцов в бронезилетах, окруживших их со всех сторон. – А мы пока пойдём побеседуем с хозяином. Лады?

– Лады, – выдавил Артём, прикидывая свои шансы.

Самодовольный брюнет, бывший когда-то не менее самодовольной рыжей девушкой, повернулся отточенным движением военного, поманил к себе лысого низкорослого напарника и широкими армейскими шагами направился к входной двери.

Они быстро поднялись по винтовой лестнице, которая, как и весь дом, поражала размерами и богатством. Создавалось впечатление, что если в центре огромного зала разместить золотого бегемота в полный рост, то он не будет бросаться в глаза. Лёша ещё никогда не был в таких помещениях, и сейчас он сам себе казался мелким, грязным и ничтожным по сравнению с окружающим пространством. Ему хотелось сжаться и встать в уголке, только бы не испортить тончайший паркет и молочно-белую мраморную облицовку прихожей.

Преодолев крутые ступени, инкрустированные янтарной мозаикой, они остановились поправить костюмы и перевести дыхание. Лика уже протянула руку к узорчатой ручке, но дверь распахнулась сама и на пороге возник угодливый благоухающий хозяин.

– Проходите, проходите... Чем могу быть полезен? Выпить не желаете? – пропел он тоном заправского продавца сувениров с юга России, отходя вглубь комнаты и вставая за одним из высоких кресел.

– Не надо! – отрезала Лика, разваливаясь в кресле. – Итак, Александр Иванович, у нас к вам серьёзный разговор.

Бизнесмен заметно побледнел, но, пытаясь взять себя в руки, скривил губы в очередной лъстивой улыбке и начал нервно заламывать костяшки пальцев.

– Нам поступила информация... – продолжила она, до-вольно хмыкнув, – что всё это ... – Она обвела глазами помеще-ние. – Вы добыли не совсем честными путями, да и ещё и не поделились с тем, с кем нужно. – Лица выставила вверх длинный немного скрюченный палец, как бы указывая на тех, с кем он не поделился.

Александр ощутил, что его сердце остановилось и не за-хотело двигаться вновь. Из последних сил цепляясь за спин-ку кресла, он истерично затряс бледным подбородком в знак отрицания.

– Но... но... – задыхался он, – мне нечего отдать, этот дом – последнее, что у меня осталось. Моя транспортная компа-ния погорела. Мне всё придётся отдать... – выдавил пред-приниматель.

Лица знала, что это была почти правда. Его компания дей-ствительно недавно купила небольшую фирму, занимавшу-юся грузоперевозками, и та действительно прогорела, оста-вив по документам многомиллионные задолженности. Во-прос был только в том, что фирма принадлежала бывшему однокласснику предпринимателя, да и оборот фирмы был не более двадцати тысяч рублей.

– Ну-ну, не скромничайте, полно вам! – Будто от кислого, искривилась Лица. – Нам ли с вами не знать... – В её тоне

появилось что-то заговорщическое. – Что у любого разумного человека всегда есть небольшой капиталец про запас.

Вот теперь Александру стало по-настоящему страшно. Больше всего на свете предприниматель боялся, что кто-нибудь узнает про его секретный счёт и ячейку, которые он хранил и лелеял долгие годы. Он верил, что эта подушка безопасности спасёт его в самой экстремальной ситуации. На всякий случай он даже купил поддельный паспорт, который долгое время уже лежал на дне этой самой ячейки, и билет на самолёт с открытой датой в страну, чьё название он даже не помнил. Бизнесмен надеялся, что никто не узнает об этом маленьком секрете. У него мелькнула надежда, что это блеф, и на самом деле они не в курсе. От пережитого отчаяния и страха Александр расхрабрился:

– Это не ваше дело! – сбивающимся голосом прокудахтал он. – И вообще, кто вы такие и что вы забыли в моём доме?! – К концу фразы он сбился на писклявый фальцет.

– Что вы так сразу? Ну зачем так? Поверьте: мы вам добра желаем. Мы доброжелатели, которые знают, что вам нужна помощь и поддержка, без которой вы пропадёте. Вернее, придёт кто-то другой и отнимет у вас всё, что нажито непосильным трудом. – Лика говорила об этом так вкрадчиво и мягко, что Лёша невольно заслушался.

Александр отчаянно замотал головой.

– Вот видите, мы предлагаем вам помощь, чтобы этого не произошло.

– Сколько? – еле выдавил из себя осознавший всё Александр.

– Мы понимаем ваши трудности и ваше положение, но... – Лика затянула намеренную паузу, чем напомнила Лёше Матвея, когда тот пытался кого-то в чём-то убедить. – Конечно же, мы потребуем кое-что взамен.

Бизнесмен перестал дышать.

– Все деньги с вашей ячейки и личного счёта вы переведёте благотворительной организации «Добречко». – Лика подала бумажку с банковскими реквизитами, которую дрожащие пальцы бизнесмена не хотели брать. – Также туда вы будете переводить двадцать процентов ежемесячной прибыли... Да-да, и не спорьте! – Движением руки Лика пресекла начавшийся бунт. – В вашем случае это сущие пустяки и поверьте: наши цены ооооочень разумны.

– Но почему благотворительность?!

– Что вы как маленький, и глупые вопросы задаёте? Так вы будете в глазах общества ещё и благородным уважаемым человеком. Ради вас же стараемся. – Лика подмигнула самым наипротивнейшим образом. – Ой, да, ещё совсем забыл, с поддельными лекарствами надо тоже завязать. У Максим Максимыча мама от рака умерла, ему совсем не нравится, что вы делаете, нехорошо это... – запричитала она. – Надо избавиться.

– Совсем? – В голосе Александра звучала обречённость.

– Совсем, ну нехорошо это.

– Хорошо.

– Вот и отлично! Рад, что мы договорились. – Лика встала и подала руку бизнесмену для рукопожатия, но тот замер на месте неподвижно, как и всё вокруг. Казалось, что в комнате даже воздух перестал циркулировать и застрял мёртвой субстанцией в лёгких.

– ЛОЖИСЬ!!! – заорала она и бросилась за кресло, утаскивая за собой Лёшу.

Его как будто парализовало, он растерялся и не понимал, что происходит. В ушах стоял звон, а реакция замедлялась с каждой секундой. Лика схватила его за лицо и что-то громко кричала в пяти сантиметрах от кончика носа, но звуки доносились до ушей, будто бы из-под воды. Каждый новый вдох был тяжелее предыдущего, воздух сладкой обволакивающей пеленой проникал в лёгкие и застревал в них тягучей припорной патокой.

Угасающим сознанием Лёша уловил, что в комнату влетело несколько энергетических зарядов-охотников, специальных ракет самонаведения, которые подстраивались индивидуально под каждую жертву. Сделав вираж по комнате, фиолетовые шары устремились к Лике, тут же вскочившей на ноги и создавшей вокруг себя защитную сферу. В неё врезалась пара зарядов, оставив несколько заметных трещин в куполе, которые, однако, вскоре начали затягиваться. Для остальных она тут же создала оранжевую продолговатую стрелу-обманку, которая у Лёши никак не получалась, хотя он корпел над

ней уже не первую неделю. Сильно размахнувшись, Лика запустила стрелу в окно и проследила за тем, как обманутые охотники бросились вдогонку. Затем она резко обернулась в сторону Лёши, опять что-то прокричала, протягивая левую руку, тогда как правой начала открывать маленькое окошко телепорта. Но в этот момент в комнату ввалилось трое мужчин, наглухо закрытых непроницаемой бронёй.

Лёша медленно, словно преодолевая сопротивление, повернул к ним голову, глупо приоткрыв рот, и с трудом подумал о том, что тоже надо бы создать сферу. Он приподнял руку, которую вдруг перестал чувствовать, удивлённо осмотрел, соображая, что дальше делать. Но к нему быстро подбежал крепкий бородатый мужчина, бросил брезгливый взгляд и вырубил сильным ударом кулака в челюсть.

Тем временем Лика, взбешённая столь напористой и наглой атакой и вынужденная отойти к окну, метала по всей комнате размашистые алые потоки пламени. Двух из трёх противников (двух тощих длинноногих парней, похожих на братьев) она знала, хотя и не считала нужным запоминать их имена ввиду недостаточной силы. С третьим раньше не встречалась, хотя по тому, что он не стал использовать в отношении Лёши заряды, заподозрила в нём Сифа – опытного бойца, в основном использовавшего энергию для увеличения физической силы и выносливости. Обычно он попросту вкачивал весь имеющийся запас в мышцы и кости, превращаясь в ходячую машину для убийства. Многие считали

такой подход примитивным, но он не раз доказал своё превосходство, тем более что одновременно с силой увеличивалась его защита и иммунитет к большинству атак.

Выпустив очередной столб пламени, Лика на всякий случай дополнила защитную сферу новым слоем и сделала незаметный шаг вперёд. Когда оглушённый Лёша упал на пол, ударившись головой о край кровати, Лика, изловчившись, успела отправить в сторону Сифа несколько лезвий, пропитанных особым видом яда с ослабляющим действием, которое постепенно нарастало. Три из них со звоном воткнулись в его спину, он отмахнулся от лезвий словно от надоедливых комаров, однако Лика уже видела, как ядовитое вещество начало разрушать защитную оболочку. Теперь основной задачей было вернуться обратно к Лёше и вместе с его телом юркнуть в портал, который унёс бы их подальше. Но сделать это было непросто.

Противники уступали Лике в силе, ловкости и опыте, но их прикрывал кто-то гораздо более мощный, скорее всего, проводник, который не только отдал им поражающий запас энергии, но и помог в создании защиты, которую было крайне сложно пробить. Они по очереди запускали в Лику все возможные виды атак от простейших, но очень мощных зарядов энергии, до извращённых ядовитых туманов и энергетических животных. Тем не менее ей удавалось с каждым ударом ещё на полшага продвигаться вперёд.

– Сдавайся, хуже будет! – вдруг заорал Сиф, укрываясь в

проходе соседней комнаты.

– Это с чего же? – отозвалась Лика, отправляя в его сторону прицельный заряд. Судя по шуму тяжело приземлившегося тела, он либо достиг своей цели, либо как минимум заставил противника отпрыгнуть и помедлить с ответом.

– У нас приказ тебя доставить! – Его голос раздавался уже из другого места. Как показал ментальный образ, который создала себе Лика, заряд не причинил вреда, но ослабление действовало. Это давало определённые шансы.

– Доставить кому?! – Лика сделала ещё полшага.

– Да ты всем уже поперёк горла, сучка! – В неё полетела странноватая волна чего-то зеленовато-жёлтого. Она с трудом увернулась и удивлённо отметила, что жидкость, попав на шкаф, начала его растворять с неприятным шипением.

– Какие несговорчивые мальчишки! – улыбнулась она, обрушивая на их голову потолок. По её плану, неразбериха, вызванная обрушением, должна была дать несколько мгновений преимущества, в которые она успеет одним прыжком добраться до Лёши и исчезнуть. При взмахе руки стены здания с грохотом обрушились на головы нападавших, погребая их под грудой камней. Из их угла слышались стоны и мат. Лика кинулась вперёд, но тут же почувствовала сильный удар сзади, рассёкший мир на тысячу маленьких звёздочек. По виску на шею закапала кровь и пол начал стремительно приближаться.

Несмотря на боль и полную потерю зрения, она успела

выставить руки и немного повернуть голову. Между ней и окном, заслоняя свет, стояла чья-то тёмная фигура, судя по очертаниям, она не принадлежала никому из противников. Фигура приблизилась, Лика приготовилась атаковать, но мгновенно почувствовала, что энергия, приготовленная для удара, просто просачивается сквозь пальцы и течёт к незнакомцу, который произнёс знакомым вкрадчивым голосом:

– Не надо. Ты потратила много сил, тебя не хватит на пятерых...

– Кто не рискует... – Лика восстановила разрушенную защиту, дополнительно укрепив её от вампиризма и мысленно нащупывая открытый ранее портал.

– Я закрыл все выходы. Ты не уйдёшь, – вздохнул Аарон. – Будешь сопротивляться – мальчишка умрёт. Смирись.

Лика оценила шансы, всё ещё упорно просеивая пространство в поисках хоть какой-нибудь лазейки. Аарон очень хорошо подготовился. Он был прав, она потратила слишком много сил и не была готова. Каким-то образом проводник смог подобраться совершенно незаметно, хотя она ни на секунду не переставала контролировать район вокруг особняка. То ли уловка проводника, о коих ходили легенды, то ли Лике пора было на пенсию. Видимо, уловив её мысли и желая предотвратить возможные попытки к бегству, Аарон опустил на одно колено, мягко взял сзади за шею и сильно сдавил. Раздался приглушенный хруст, как будто бы от рас-

колотого ореха, и Лика мгновенно потеряла ощущение собственных конечностей. Как ни странно, боли почти не было, но пошевелиться она не могла. Лика тут же собрала большую часть оставшейся энергии и направила её к разорванным тканям и раздробленным позвонкам, но проводник поставил столь мощный блок на эту область, что попытки восстановления были тщетны. От досады она сжала челюсть так, что та побелела.

– Так лучше... – столь же мягко произнёс проводник.

Лика попыталась плюнуть ему в лицо, но он, уловив движение, накрыл лицо ладонью и прошептал:

– Спи...

Глаза мгновенно закрылись, она несколько раз моргнула в попытке справиться с накатившим сном, но вскоре мягко опустила голову на ковёр и замерла. Аарон внимательно осмотрел её, затем провёл ладонью вдоль тела, проверяя, правда ли она без сознания, и оглянулся в сторону коридора. Трое нападавших как раз выбрались из-под обломков, ругаясь и отряхиваясь. Сиф, сморщившись, вправлял себе выбитую руку, а остальные неуклюже латали раны. В эту секунду в коридоре возник Гавр.

– Вы, уроды рукожопые!! – заорал он прямо на ухо Сифу. – Головы поотрываю!

– Ну чё ты начинаешь? – Сиф сплюнул на пол. – Ты знаешь, что с шавкой Матвея хрен совладаешь. Он с ненавистью посмотрел на тело. – Бесит, сучка.

– Два проводника вас прикрывали! Какого хрена?! – побагровел Гавр. – Грузите их, но будьте внимательны.

Сиф с лёгкостью взвалил на одно плечо тело Лёши, а на второе – Лику. Аарон оглядел комнату, под столом обнаружил тело мирно спавшего бизнесмена, чуть сощурился, убедился, что он перестал дышать, и вышел в коридор.

– Что дальше? – поинтересовался всё ещё взбешённый Гавр. – Что дальше делать будем? Матвей может за неё и прибить.

– Не, не прибьёт, – отмахнулся Аарон, задумчиво глядя в даль. – Ему сейчас не до того. Подержим её пока у себя, да пораспрашиваем как следует. Вдруг что вылезет.

Гавр кивнул и растворился в воздухе.

Глава 5

Ли́ка больше не осознавала время. Время перестало существовать как понятие. Она не знала, как долго пробыла в этой тёмной комнате, сколько раз к ней уже приходили, задавали одни и те же вопросы и уходили вновь. Постепенно она начала различать звуки и силуэты всё хуже. Казалось, что кто-то накрыл голову огромной подушкой и теперь пытается докричаться сквозь толстый слой перьев и материи. Даже осязание и боль постепенно исчезали. Она помнила, что стол, к которому её привязали, был металлическим и холодным, а сломанная шея болела, но чувства притупились. Осталась только небольшая чёрная дыра в области груди, которая жаждала, требовала хотя бы толику энергии, хищно распространяясь на всё тело и высасывая остатки эмоций. Ли́ка явственно чувствовала, как умирают одна за другой клеточки организма, как, постепенно холодея, отмирают пальцы и конечности. Самое страшное, что голод захватил и разум, тот отказывался соображать и думать о чём-либо кроме таблеток. Пленница прикладывала максимум усилий, чтобы отогнать от себя перманентное навязчивое видение перекатывающихся, приближающихся таблеток, которые витали в воздухе, сливаясь в затейливые узоры. Но становилось только хуже.

С первых секунд пробуждения она помнила, что лежала в тесной комнате с протухшим воздухом. Мебель и какие-ли-

бо предметы, кроме старого металлического стола и тяжёлой стальной двери, отсутствовали. Но увидеть всё это она уже не могла.

Ли́ка провела сухим распухшим языком по покрытым коростой губам в надежде найти хоть немного влаги. Чтобы отвлечься, она сосредоточилась на шее, ей удалось восстановить двигательную способность рукам, но на большее сил не хватало. Вдруг по движению холодного воздуха стало очевидно, что дверь отворилась и кто-то вошёл в комнату. Пришло время для очередной серии бесконечных вопросов. Ли́ка не стала открывать глаза и приготовилась ждать. Кто-то высокий подошёл и замер над ней, пристально изучая. Она ощутила, как сильный напористый взгляд сканирует её с пятки до макушки головы, оценивая состояние и жизнеспособность.

Когда обследование было завершено, раздался вздох:

– Может, уже хватит мучить себя и окружающих? Долго ты такими темпами не протянешь.

– У меня к тебе тот же вопрос. Каждодневное общение с Гавром и компанией меня уже порядком задолбало. Ты ещё теперь... – У Ли́ки уже не было сил на то, чтобы разговаривать, но она была уверена, что проводник читал её мысли.

– Скажи им то, что они хотят услышать, и тебя отпустят, – почти искренне посетовал Аарон.

– Мы оба знаем, что не за информацией я вам тут нужна. Защиту мыслей мне ставил сам Матвей. Вы меня ско-

рее убьёте, чем получите мои воспоминания. Поэтому я явно нужна по другой причине.

– Хорошо, – проводник сделал паузу. – Признаю, что крыть нечем. Тогда, по-твоему, зачем ты здесь?

– Не знаю. Либо способ влияния на Матвея, либо медленный способ убить меня. Ты давно покушаешься. – Её фразы было всё труднее различать, поскольку мысли были спутаны голодом. В попытке понять проводник склонился над пленницей и недовольно поморщился.

Ему действительно не хотелось её убивать. Но её баранье упрямство не оставляло выбора. Он и так позволил Лике слишком много, во многом создав некий ореол неприкосновенности, который незримым облаком окружил любимицу Матвея и давал массу поводов для сплетен и пересудов. Аарон прекрасно сознавал, что рано или поздно придётся прервать этот порочный круг, но окончательно решиться на это было сложно. В этом не было жалости или привязанности к девчонке, да даже если бы и была, ему столько раз приходилось убивать тех, к кому он испытывал самые тёплые чувства, что он уже перестал отделять привязанность от насилия и разрушения. Но с ней что-то было не так, при всей гамме желаний самого разного характера, которую она вызывала, ему казалось, что время для её смерти ещё не пришло. По неизвестной причине, Лика должна была пока жить, причём это было важно для него самого. И это странное ощущение никак не увязывалось с логикой, которая чётко и аргументи-

ровано сообщала, что девчонке нужно было поставить ультиматум и начать методично отрезать по кусочку, пока она не умрёт. Ну или же сразу убить, так как в глубине души Аарон прекрасно знал, что пленница ничего не скажет. Ли́ка была права. Матвей бы не простил донос, а из этого мира лучше было уходить без неоплаченных долгов проводникам.

Аарон посмотрел на бледное холодное лицо, покрытое ледяными капельками пота и слипшимися локонами волос, искусанные губы и чёрные провалы глаз. Было в этом нечто жалкое, ничтожное и одновременно притягательное. В Ли́ке не осталось дерзости, наглости и напыщенности – всего того, что в какой-то мере составляло основу её поступков. Она была настоящей: страдающей от нестерпимого голода и ощущения приближающейся смерти. Но в то же время в ней осталось отчаянное самообладание и достоинство. Она знала, что скоро умрёт и была максимально готова. Это вызывало уважение.

– Я не хочу тебя убивать, но ты меня вынуждаешь... –
Нужно было попробовать другую тактику.

– Не ври, – еле выдохнула она. – Ничто из моих поступков никогда не изменит твоё решение.

Она попыталась пошевелить левым запястьем, но не вышло. Энергии осталось только на голову, шею и проблески сознания. Думать становилось труднее. Ли́ка понимала, что её хватит ещё максимум на день. Потом придётся открыть последний неприкосновенный запас энергии, скрытый в глу-

бинах души, но и его надолго не хватит. Зато теперь пришли равнодушие и смирение, и в этом, как она теперь поняла, заключалась особая власть. Невозможно договориться или напугать человека, которому всё равно.

– Аарон, я чертовски устала. – Её слова звучали в голове Аарона едва различимо. – Мне надоели ваши визиты... И эти игры... Я не знаю, на что ты надеялся там... Когда вы с Гавром пришли за нами. И зачем всё это было. Но... Отстань. Я просто больше не хочу тебя видеть.

Дослушав до конца, проводник невольно улыбнулся и покачал головой:

– Люблю я твою прямооту и непосредственность. Это, знаешь ли, бодрит. – Его глаза сверкнули inferнальным огнём.

– Надеюсь на твоё благоразумие. – Уголок её губ чуть дрогнул.

«А может, и правда?» – пронеслось в голове проводника, и Аарон выставил руку с искрами энергетического заряда. Его рот искривился в приступе ярости и несдержанности. Он ждал реакции, но то ли в силу ограниченности восприятия, то ли в силу обретенного равнодушия и спокойствия, её лицо осталось непроницаемым. Проводник разочарованно убрал руку, нацепил привычную маску и расслабился.

– Хорошо. А если я убью ещё и мальчишку?

Лица представила, что она вернулась на много лет назад. Ей десять лет и вот-вот придёт мама и принесёт новое пла-

тье.

– Убивай. Ты решишь кучу проблем. Мальчишка всё равно скоро умрёт. Долго ему не протянуть.

Аарон изумлённо вздёрнул бровь.

– Он слабый... безвольный... – Она тяжело вздохнула и остановилась, словно заводная игрушка, у которой закончился оборот пружинки. Она отстранилась от всего происходящего. В сущности, сейчас ей было всё равно, что и с кем будет. Лика догадывалась, что проводник знает гораздо больше, и не понимала, зачем вообще был нужен этот фарс. Пришло чёткое осознание, что от неё в данной ситуации ничего не зависело. Всё закончится, когда должно будет закончиться, и нужно просто ждать.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? Я мог бы поговорить с Гавром и тебя бы отпустили.

Лика в ответ лишь едва повернула голову. Аарон раздосадовано цокнул языком. У него не было особых планов. Неделя заточения ничего не дала им с Гавром. Допросы Лёши тоже. Он послушно открыл сознание, но там не было ничего стоящего, кроме пары Ликиных приёмов, которые она успела передать. Аарон чувствовал себя разочарованным и в очередной раз упустившим самое важное, что проплыло мимо носа, оставив лишь круги на воде и отблеск золотистого чешуйчатого хвоста. Нужно было действовать.

– Если ты поможешь мне с Лазом, то я сделаю так, что тебя отпустят. – Он выдержал паузу, ожидая реакции, но её не

последовало, и он продолжил. – Мне нужно восстановить его в кратчайшие сроки. Для этого нужен большой запас энергии и сильная мотивация. Я уверен, что ты можешь обеспечить первое и сильно подпортить второе. Мне бы этого не хотелось.

– Чего ты пытаешься добиться?

– Добиваться стоит только двух вещей: секса и власти, которая по сути тоже является сексом. – Он отстранился, обошёл вокруг стола и прислонился к стене.

– Стесняюсь спросить, чего же ты жаждешь от Лаза? – отозвалась слабым голосом Лика, попытавшись улыбнуться в ответ. Она почувствовала тоненькую стройку энергии, которая потекла от проводника к ней. Кажется, заговорив на интересную для себя тему, Аарон решил поддержать Лика, чтобы как можно быстрее получить ответ. Но изголодавшаяся Лика была не способна критически оценивать ситуацию. Всеми рецепторами, которые только остались в теле, она жадно потянулась к манящему, обманчивому и такому желанному источнику жизни. Почувствовав это движение, Аарон тут же покачал головой, явно издеваясь, и прервал поток энергии, поддаваясь вперёд и тихо выдохнув прямо в ухо:

– Сначала согласие – потом энергия. Не хочу переводить её зря, ты же понимаешь, – ухмыльнулся проводник.

Лика понимала, что всё это полная чушь и обман и что в самом ближайшем будущем она очень сильно пожалеет. Ве-

роятность того, что цели Аарона хоть сколько-нибудь совпадали с её собственными, равна нулю. Но голод был такой нестерпимый, а поток энергии таким манящим, что она просто не могла удержаться.

– Хорошо, я помогу тебе с восстановлением Лаза.

– Ты дашь двести таблеток из своего запаса энергии, а также пообещаешь не отговаривать его от любого принятого решения в течение ближайшего месяца.

В душе Лики воцарилась буря: разум отчаянно боролся с инстинктом выживания, сопротивляясь из последних сил, но при этом сдавая одну крепость за другой. Путаные мысли крутились вокруг навязчивого образа таблеток, прогоняя любой намёк на опасность текущего обещания. Даже Лаз с Аароном представлялись ей сейчас как небольшие столбики из таблеток, которые пытались заговорить с ней тоненькими писклявыми голосками, но вместо слов у них изо рта вырывались новые кругляшки таблеток только меньше, которые собирались в новые столбики, а затем ещё одни и ещё одни... Вся эта карусель вертелась перед глазами, вызывая острый позыв рвоты. Наконец, она не выдержала и еле слышно произнесла:

– Обещаю...

– Неа... Ничего не забыла?

– Обещаю, что отдам двести таблеток из своего личного запаса Лазу и не буду отговаривать его ни от одного решения в течение ближайшего месяца. Клянусь всем, что у меня

осталось.

При этих словах с её губ слетел небольшой огонёк, который, сделав оборот, осторожно опустился на ладонь проводника.

– Отлично. Теперь я готов тебя отпустить... – Аарон осёкся и с хищной улыбкой выдержал театральную паузу, вновь отправляя в сторону Лики небольшой поток энергии. – Я тут подумал.

– Да что, говори?!

– Ну понимаешь, грех не воспользоваться твоей беспомощностью. – Он сделал едва заметный шаг в сторону стола.

Лица готова была взорваться. Её и без того впалые бледные щёки побелели ещё сильнее. Сжав зубы до скрипа, она прошипела:

– Ещё шаг, и ты покойник – гарантирую.

– Горячо... Прямо обжечься можно, – самодовольно прокомментировал Аарон, проводя кончиками пальцев по её бедру.

Взбешённая Лица дёрнулась, что было силы, слегка расшатав крепление правого наручника. Она попыталась закрепить полученный результат, но Аарон, насытившись чужой злостью, расплылся в ухмылке и примирительно прошептал:

– Успокойся, я пошутил... Сейчас я тебя отпущу.

Дождавшись, пока слова дойдут до неё сквозь пелену ярости, проводник осторожно опустил руку в карман, а затем медленно закрыл ладонью её рот, вкладывая таблетки. По-

чувствовав знакомый вкус жизни, Лика в попытке сразу захватить все таблетки и не дать руке ускользнуть, с такой силой схватила мягкую плоть зубами, что прокусила кожу. Струйка алой жидкости полилась на язык, даря энергию и жизнь, наполняя израненное тело силой.

– Какая ненасытная... – едва поморщился от боли Аарон, облизав пересохшие губы. Надо было остановить Лику, но останавливать не хотелось. Слияние двух видов энергии, двух начал завораживало и будоражило кровь, заставляя сердце учащённо биться. В этом древнейшем союзе между проводником и слугой было нечто космическое. Кровь формировала связь между ними, благодаря которой на одно мгновение Лика и Аарон поменялись местами, став единым целым. Он посмотрел на мир её глазами, а она – его, и от этого им обоим стало жутко. Аарон поспешно осознал, что отдаёт слишком много, попытался оторвать руку, которую Лика, несмотря на сопротивление всего тела, с жалостью отпустила.

– Тебе не стоило этого делать, – прошептал он, взглядом ослабляя наручники.

– Прости, – еле слышно отозвалась она, освободившись от оков и осторожно массируя запястья. Лика опустила взгляд, чувствуя, что произошло нечто важное, хотя и было непонятно что. Она не приобрела новые знания или умения и даже не стала намного сильнее, но теперь сознание отравляло чувство безграничной усталости и равнодушия, передавше-

еся вместе с кровью. Ей было неловко и неудобно, как будто она увидела отца голым, и это зрелище совсем не впечатляло. Хотелось всё тут же забыть, тем более было страшно подумать, что передалось ему.

– Прости, – она повторила ещё раз и отвернулась.

– Всё хорошо... Но больше не повторяй, отозвался Аарон, вытирая кровь с её подбородка. – Иди наверх, тебе нужно привести себя в порядок...

При этих словах проводник медленно повернулся, кажется, тоже всё ещё удивлённый и озадаченный произошедшим, и, открыв дверь, направился прочь. Его охватила чуждая волна давно забытого ощущения, как будто он вколол себе в вену лошадиный заряд адреналина. Всё стало быстрее, значительнее и серьёзнее, а главное....

– Нет, возьми себя в руки! – Аарон остановился, медленно досчитал до десяти и выкинул досадное воспоминание на задворки сознания, проконтролировав, что вернулось привычное спокойствие.

Лица дождалась, пока звуки шагов не замерли вдалеке, сосредоточилась на шее, позвоночнике и ногах. Она медленно направляла внимание к каждому из органов, отправляя немного тепла и жизни и представляя, как порванные связки и сухожилия протягивают друг другу неровные усики, сливаются и становятся единым целым. Раздробленные кости медленно собирались вместе, а мышцы наливались кровью. Она с прискорбием поняла, что на полное восстановление

уйдёт не меньше двух недель и это при условии удвоенной нормы таблеток, чего допускать никак не хотелось. Особенно учитывая перспективу потери ещё двух сотен. Чёрт, долбаный Аарон, какого хера ему было надо?! Прояснившись разумом Лика поняла, что её только что развели как самую последнюю школьницу, заставив пообещать не только помощь, но и крупный запас таблеток просто за... Да просто так, собственно. Теперь было совершенно очевидно, что всё изначально было задумано именно с этой целью, а Лёша был только прикрытием.

Лика раздосадовано вздохнула, посылая в себя же лучи ненависти и отвращения:

– Так тебе и надо, дура!

Но поняв, что времени на самобичевание просто нет, она медленно села на холодную поверхность металлического стола. Голова закружилась и мир покачнулся. Нащупав бёдра, Лика начала их интенсивно растирать, чтобы придать максимальную чувствительность, постепенно спускаясь ниже по голени.

Когда с этим было покончено, она осторожно опустила ноги и перенесла на них вес, стараясь не потерять баланс. Тело не хотело слушаться и казалось чужим, но оно хотя бы уже не было похоже на полуразложившуюся плоть прошлогоднего зомби. Ободрённая этой мыслью, Лика сделала первые несколько шагов.

Глава 6

Уставший проводник полулежал в кресле, закутавшись в плотный махровый плед. Последнее время ему всё чаще становилось беспричинно холодно. Кажется, озноб – один из симптомов смазанной депрессии, по крайней мере он когда-то читал об этом. Необходимо было всё взвесить и тщательно обдумать, но было совершенно по-человечески лень, нет, даже в лом – это слово он выучил не так давно, и оно казалось забавным. Нужен был чёткий разработанный план действий, учитывавший все параметры. Но дальше обширной груды разноцветных фигурок, лежавших на столе и призванных символизировать участников действий, он не продвинулся. Матвей ещё раз оценил взглядом размеры предстоящей работы, укоряя себя за лень и нежелание со всем разбираться. Затем поворошил кучу, сморщился и вздохнул:

– Ох, Бог устал Вас любить, ребятки... – Вялым движением кисти он развеял фигурки, прикрыл глаза и приготовился ко сну.

Но чутье подсказало, что к Дому подъехал гость. Машка. Матвей вспомнил, что сам её вызывал и обругал себя за нерасторопность. Нужно было что-то ей сообщить. Оставалось только придумать, что именно...

Через пять минут русоволосая юная нимфа впорхнула в тёмный зал. Внешне она всегда производила впечатление хо-

рошенькой наивной дурочки, эдакого оленёнка, которого хотелось затащить в самый мрачный угол и там как следует испортить, но это не имело ничего общего с реальностью.

– Добрый день, Матвей. – Её грубый, хриплый голос резко контрастировал с ангельской внешностью. Дело в том, что ещё лет тридцать назад, когда Машка попала в Дом, её звали Веня, а при жизни она была матёрым вором в законе. Но попав в новый мир и не имея при этом достаточно сил для равного соперничества, Веня начал активно развивать навык маскировки, добившись по-настоящему выдающихся успехов. Теперь только проводники могли вспомнить и опознать его истинную внешность, и то сильно напрягшись. Для всех остальных Машка выглядел именно тем, кем хотел показаться, хотя на уровень сил это не распространялось. Но Матвей ценил бывшего уголовника не за прямую агрессивность, а за приспособляемость и умение выжить. Веня раз в пятилетку выбирал себе новый образ, прикидываясь новичком, и отлично в нём существовал, используя другие маскировки только для заданий. Вот уже три года все его знали под именем Маша, а кто-то даже пытался подклеиваться, что позволяло Вене получать различные материальные блага.

– Привет, Веня! – В общении тет-а-тет Матвей намеренно называл его истинным именем. – Как успехи?

– Всё нормально, задание выполняю, за Гавром слежу. У Аарона всё то же, без изменений. Так по крайней мере сообщает информатор.

– Лица с мальчишкой у них?

– Да, у него. Гавр ведёт с ней душевные беседы. Долго она не протянет. – Веня задумчиво потёр переносицу, пряча за этим заинтересованный взгляд.

Он так для себя и не понял, у какого из проводников действительно бы хотел работать. Его лояльность в полной мере зависела от текущей ситуации, хотя внутреннее воровское чутье подсказывало, что бояться больше стоит Матвея, но щедрее был точно Аарон.

– Что хочет от неё?

Веня подобострастно пожал плечами, демонстрируя, что ему по рангу не положено знать тайны Великих.

– Не знаем-с. Не моего ума дело.

– Не лебези. Постарайся узнать, хотя он её отпустит сегодня-завтра. Вопрос только в том, что ему будет нужно.

– Хорошо, постараюсь. – Он склонил голову в знак покорности.

Матвей на мгновение задумался, оценивая множество открывающихся перспектив и досадуя, что так и не придумал единую стратегию действий. Вернее, не пересмотрел старую в связи с новыми обстоятельствами. Он не ожидал, что всё пойдёт по этому пути. Аарон явно затевал что-то собственное, используя Лику и Гавра. Нужно было как можно быстрее собирать Совет, чтобы получить поддержку от проводников. Оставалось дело за маленьким.

– Тебе нужно найти Еву и передать ей письмо. Она долж-

на явиться на Совет через две недели, – размеренно проговорил Матвей. Сделав небольшую паузу, он достал из широкого рукава халата только что появившееся там письмо.

– Но где я её найду?! – справедливо возмутился Веня. Всем было хорошо известно, что Ева – пожалуй, единственный проводник, предпочитавший держаться подальше от интриг и разборок. С парой-тройкой верных слуг, также избегавших участия в дразгах, она постоянно скрывалась, часто меняя место жительства, полагая, что лучше синица в руках, чем большой и жирный журавль в небе. На контакт выходила редко, только в случае острой необходимости. Более того, очень не жаловала непрошенных гостей, избавляясь от них весьма эффективными способами.

– Последний раз её видели в Сиднее в доме, где погиб Ной. Помнишь?

– Угу, – печально отозвался бывший уголовник. – У меня есть какие-то гарантии безопасности?

– Какие ещё гарантии? – ухмыльнулся Матвей. – Ты переоцениваешь значимость задания. Будь милым и ненавязчивым и постарайся не умереть, пока Ева не прочитает письмо. На задание у тебя – три дня. Получишь две таблетки. Ясно?

– Торговаться смысла не имеет?

– Ценю твою сообразительность, – улыбнулся проводник.

– Что-нибудь ещё?

Матвей молча покачал головой, давая понять, что аудиенция закончена. Веня немного помялся, подошёл к провод-

нику, забрал письмо и направился к выходу. Чутьё подсказывало, что больше он сюда не вернётся.

Глава 7

Отмывшись и переодевшись, Лика отправилась на поиски Лёши. Он оказался в том же подвале, что и она, но только в другой комнате. Условия его содержания были на порядок лучше, чем её собственные: он лежал на матрасе около батареи, старательно выводя грязным пальцем каракули на стене. Выглядел он измученным и измождённым настолько, что не отреагировал на появление Лики.

– Привет! – Она устало опустилась на край матраса.

– Привет... – тихо отозвался Лёша, не отрываясь от своего занятия.

– Как ты?

– Нормально. Лучше, чем ты. Я чувствовал тебя через стенку. Я думал, что ты умрёшь.

Лика грустно пожала плечами. Она уже догадалась, что произошло нечто плохое.

– Пойдём?

– Не хочу... – Лёша замолк, но подумав, продолжил: – Аарон залез мне в голову. А потом сказал, что я скоро погибну. То есть... Я нужен вам, чтобы убить палача. И вероятно, он меня убьёт, а если не убьёт, то вы меня всё равно не оставите в покое. Это так?

Он пристально посмотрел на Лику, от чего у неё по спине поползла ледяная змейка ужаса. Кошмары сбылись. Не

так должен был начаться их разговор. Лика не знала, какой вариант бы предпочла, но точно не этот. Было непонятно, как реагировать. Отрицать – глупо, соглашаться – жестоко. Чтобы оттянуть момент, она растянула сферу молчания – самую аккуратную и тщательно сделанную сферу молчания в её жизни.

– Может, мы потом об этом поговорим? – Она предприняла последнюю попытку.

– Лика! – Лёша пристально посмотрел в неё. Она с ужасом увидела в его глазах смесь усталости и разочарования, без каких-либо признаков ненависти. Если бы Лёша её ненавидел, было бы проще. Гораздо проще. Иначе приходилось ненавидеть себя самой.

– Да, Лёш, это правда! – Она поёрзала, подбирая слова. – И я знала. Не сразу, но знала... Хочешь правды?! – Её голос стал высоким и пронзительным. – Всё просто. Палач пришёл, чтобы забрать множество душ, которые пока не получили свой урок. Но Матвей боится, что ему нужно слишком много... Ты понимаешь? Я точно не знаю, но, судя по новостям и выбросам энергии, количество жертв исчисляется тысячами. Грядёт множество катастроф, происшествий, природных аномалий – мир катится к чёрту... И за многими из них стоит он. Он забирает людей, живых людей. Понимаешь?

Лика вытянула затёкшие ноги и смочила губы.

– Мы мало говорили об этом, но, думаю: ты догадываешься. Просто так сотня людей не садится в самолёт, который

должен упасть... А жертве зачастую маньяк нужен не меньше, чем она ему. Мы проходим через череду перерождений не просто так. Это школа. Первый, второй и последующие классы. Мы, именно мы, помогаем сесть этим людям в самолёт, в этом одна из наших задач. К сожалению, до человека через страдания доходит гораздо лучше. Но это достаточно одиночные случаи. Палач – это высшая лига. И в этот раз всё слишком серьёзно. Матвей боится, что он заберёт слишком много людей, нас и, возможно, проводников.

– Ты думаешь, что это Конец Света? – так же устало произнёс Лёша.

– Не знаю, – пожала плечами Лика. – Но мир катится к чёрту. Порой мне кажется, что у нас и людей уже не осталось ничего святого, мы все думаем только о себе.

– И я должен подумать о других?! – сверкнул глазами Лёша.

– Лёш, пожалуйста, выслушай меня. Мне тоже тяжело....

Он приподнял бровь и саркастически ухмыльнулся. Лика в ответ вздохнула, поняв, что выбрала неправильный путь.

– Я знаю, как всё это выглядит и как это есть... На самом деле. Матвей рассказал мне это... Не так давно. Палача надо уничтожить, пока это возможно. Иначе потом он может уничтожить всё: людей, нас, планету. Этого нельзя допустить. Для его уничтожения нужен огромный запас сил, просто колоссальный. Это очень большое искушение. Мало кто может его выдержать. Мы все слишком испорчены таблетками

и страхом смерти. Я не знаю, но мне кажется, что Матвей специально вызвал такого человека, как ты... Доброго, мягкого и помнящего, что такое свет. Только такой сможет это сделать.

– То есть я – жертва собственной доброты?! Я вам что – козёл отпущения чужих грехов?! Я Иисусом не нанимался! И вообще сюда не хотел! – Его глаза стали влажными и очень холодными. Лика перестала его чувствовать.

– Я знаю. Но что ты хочешь от меня? Мне крышу сносит от вида таблеток. Я вижу буквально наяву, что я могу сделать, как только заполучу их. Да я первым делом пришью Аарона и компанию, и уж, наверняка, не пойду никого убивать. Мне страшно, Лёш... Я помню, что там было. Я не хочу туда... – Лика впервые со дня смерти была готова заплакать.

– Что значит: я помню, что там было? – холодно поинтересовался он.

– Лёш, я самоубийца. – Лика тяжело вздохнула, пряча взгляд. – У мироздания забавное наказание для таких, как я – память. Мы помним каждую секунду, проведённую там, в небытии. Только вот времени там нет, поэтому кажется, что ты проводишь там вечность наедине с собственным сознанием, чувством вины и ненавистью... Без надежды на выход. Я не смогу вернуться туда. Никак не смогу. Прости... – Она принялась яростно тереть глаза.

– Почему ты покончила с собой?

Лика задумалась, глядя куда-то в сторону. Она ещё ни с

кем не обсуждала эту тему и не хотела начинать. Слова застревали в глотке острыми холодными льдинками и никак не хотели таять, а сердце превратилось в маленькую морозильную установку, гоняющую холодный раствор по венам.

– Я росла в бедной семье без отца. Денег катастрофически не хватало. Приходилось много работать. Потом я забеременела, но из трусости... – Лика напрягла мышцы горла, чтобы очередная льдинка провалилась вниз. – Сделала аборт. А когда поняла, что натворила... дороги назад не было. Я не видела другого выхода...

– И теперь пришла моя очередь? – одними губами прошептал Лёша, ударив кулаком по батарее.

Она опустила голову.

– Прости... – Лика чувствовала себя самым подлым и мерзким человеком на этой Земле. Ей до жути хотелось провалиться, только бы не сидеть с Лёшей рядом и не видеть этот разочарованный и не верящий взгляд. Было адски стыдно и мерзко от собственного бессилия, вернее, от трусости и нерешительности, от неспособности, нежелания спасти ни в чем неповинного мальчишку. – Я больше не могу тебе ничего сказать. Просто прости. Сейчас не время и не место это обсуждать. Поехали домой... Нам нужно выспаться, потом мы сможем поговорить. Если тебя это успокоит, то заставить это сделать тебя никто не сможет. Ты получишь слишком безграничную власть... Но тогда, возможно, умрём мы все... только немного позже...

Глава 8

Ли́ка не помнила, как они добрались до дома, но была потерянным. От него не исходило никаких импульсов, а жизненные процессы, казалось, замедлились настолько, что он впал в анабиоз. Ли́ка частично помнила это состояние, когда впервые осознала всю глубину своего одиночества. Это произошло лет пятнадцать назад, когда она случайно перешла дорогу Филиппу – проводнику и главе Дома Змеи. Один из так называемых экстрасенсов получил уж слишком большую известность, активно выступая по телевидению и провозглашая себя не то мессией, не то пророком. Если он и обладал каким-либо даром, то это был дар убеждения, поскольку толпы людей в неистовом желании прикоснуться к новой звезде и познать божественную мудрость буквально штурмовали провинциальные дома культуры. В целом он был не опасен, но Матвей считал, что люди в упрямом желании быть обманутыми отдают ему слишком много энергии, чего ни один проводник простить не мог. Ли́ка должна была припугнуть мнимого экстрасенса и заставить умерить аппетиты.

Как и следовало ожидать, экстрасенс оказался не случайным дарованием, а ему активно помогал и раскрывал способности Учитель, которым по совместительству оказался сам Филипп. Непродолжительная перебранка между Ликой и проводником закончилась тем, что она оказалась в забро-

шенном канализационном коллекторе в Южной Америке с травмами, несовместимыми с жизнью, и отсутствием энергии. На пятый день попыток выбраться Лика дала себе зарок всегда оставлять несколько неприкосновенных запасов энергии. Только преодолев брезгливость и начав убивать представителей местной фауны, она добралась до Питера и была встречена коронной фразой Матвея: «О, выбралась всё-таки, буду должен Филу», – сопровождавшейся искренним удивлением.

Лика понимала или, как минимум, догадывалась, что чувствует Лёша, узнавший своё истинное предназначение. Но ведь она сама, уходя на задание, не раз прощалась с жизнью и готовилась к вечным мукам. У неё тоже не было выбора. Без таблеток она точно бы погибла, а на задании есть хоть какие-то шансы. С чего Лёша взял, что у него есть выбор, если его нет ни у кого? Почему он злится на неё, Матвея и мироздание за то, что он жертва? Разве они все не жертвы извращённого чувства юмора Бога, Судьбы, Вселенной? Почему они вынуждены целую вечность наказывать других за их ошибки? Разве это справедливо? У него есть хотя бы великая благородная цель – спасение человечества, он хотя бы умрёт во имя жизни других людей. А во имя чего умрёт она сама?

Эти мысли роились в голове, пока они вдвоём ехали в такси до дома. С каждой секундой в голове пробуждалось всё больше сомнений и мук совести. Злиться на Лёшу за эгоизм

и жалеть себя было гораздо приятнее, чем чувствовать себя предателем, поэтому Лика предпочла остановиться именно на этом варианте.

Они в молчании зашли в квартиру. Лика медленно разделась, перевернула один из цветочных горшков и протянула Лёше таблетку:

– На, съешь. Тебе нужно подкрепиться.

– Решила накачать меня, чтобы было проще уговорить? – мрачно поинтересовался он, протягивая руку за таблеткой.

– Нет, не хочу, чтобы ты умер раньше времени, – в тон отозвалась Лика, мрачно улыбнувшись. Лёша замер, поднял на неё вопросительный взгляд, но, заметив улыбку, задумался на секунду и улыбнулся в ответ:

– Ужасно, но это забавно. Кажется, я заразился твоим отвратительным чувством юмора.

– Оно у меня от Матвея. – Лика тоже съела одну таблетку. – Я сейчас соображу что-нибудь поесть, а потом ты ляжешь спать. Я отправлюсь разбираться с Лазом и компанией. Ясно?

Лёша кивнул и опустился на мягкое кресло. Ему не хотелось разговаривать. Хотелось отдохнуть и поспать.

Через полчаса, когда Лика, окружённая ароматами жареной картошки и котлет, выпорхнула из кухни, чтобы позвать его есть, Лёша уже спал тяжёлым беспробудным сном. Она потрепала его по голове, повинувшись секундному порыву нежности и тоски. Затем она лёгким движением пальца переме-

стила подопечного на кровать, избавила от одежды, закрыла одеялом и, немного подумав, навела на него сонные чары. Нужно было разобраться с Лазом, а Лёша был к этому не готов.

Глава 9

Ли́ка неторопливо вышла из холодного сырого подъезда и окунулась в знойные мягкие объятия петербургской ночи, похожей на вечерние сумерки. Город затих, устал и недовольно ворочался с бока на бок, пытаясь заснуть, наплевав на множество гулявших парочек, подвыпившие компании и резкие гудки автомобилей. Ли́ка немного задержалась у подъезда, вдыхая полной грудью. Её мучило ощущение нехватки воздуха, как будто лёгкие отказывались принимать живительный кислород. Несмотря на жар, шедший от разгорячённого асфальта, её бил озноб, поднимавшийся от коленок к макушке. Ли́ка закуталась в куртку, подняла ворот и медленно зашагала в центр города. Она размышляла над тем, с кем нужно было поговорить первым: с Лазом или Матвеем. Были доводы и за один и за другой вариант, вернее, аргументы против того и другого варианта. Но что-то выбрать было нужно.

Она обогнула причудливое здание дома Зингера, зловеще подсвеченное фиолетовыми прожекторами, свернула на пешеходную улочку и направилась к консульству Швеции.

– Лаз, ты мне нужен. Я буду ждать где обычно, – она обратилась к пустоте улицы и громадам стен, воскрешая в памяти античный образ Лаза. Судя по ощущениям, он был далеко и не услышал призыв. – Лаз, Лаз... ты мне очень нужен, –

позвала она, отчаявшись. С тех пор как Лика перестала его чувствовать, мир стал чуточку беднее. Они никогда не пересекали черту исключительно рабочих отношений, да и не были уверены, что кто-то из них хотел этого. Но его присутствие в этом мире делало жизнь немного теплее и красочнее. Как будто пока Лаз был жив, оставалась очень призрачная и на самом деле нереальная надежда на нормальное существование. И тем обиднее и досаднее была произошедшая перемена. Казалось, что Лика потеряла старого друга, который так и не успел им стать. Было жаль упущенной возможности.

Через несколько минут неторопливой прогулки она вышла из-под ажурной арки капеллы к Дворцовой площади, огляделась по сторонам и высоким нечеловеческим прыжком взлетела на крышу Генерального штаба.

Здесь было ветрено и прохладно, она подставила лицо влажному потоку воздуха, превратила осеннюю куртку в зимнюю с капюшоном и приготовилась ждать. Внизу компания малолетних рокеров неумело наигрывала хиты Цоя, подменяя утраченный из-за алкоголя навык и отсутствующий слух громкостью и эмоциями. Другая компания в яркой одежде под музыку регги играла в сокс, и между ними медлительно проплывали медлительные пьянчужки и загулявшие студенты. Лика ловила и впитывала беспечность и лёгкость бытия развесёлых полуночников. Они манили расслабленностью и возможностью раствориться в толпе.

– Здравствуй, – вырвал её из забытья появившийся Лаз.

Ли́ка молниеносно огляну́лась. Он выглядел значительно лучше и бодрее. Повреждённая половина туловища уже не была настолько мертвенно-бледной, хотя ещё и заметно отличалась от здоровой. Казалось, что он даже вырос и возмужал, хотя, учитывая природное сложение, об этом трудно было судить однозначно. Чтобы удостовериться, Ли́ка просканировала возвышающуюся фигуру. Жизненные показатели и правда изменились в лучшую сторону. Тело уже на две трети подчинялось хозяину и, пожалуй, скоро он был готов идти в бой.

– Ты быстро восстанавливаешься, – с лёгкой ноткой обиды произнесла Ли́ка. – Аарон своих не бросает?

Лаз помедлил с ответом. Похоже, комментарий его задел.

– Да, он помогает мне. Ты же понимаешь, что я готов принять любую помощь. Не в моём случае выбирать.

Ли́ке стало совсем холодно и одиноко. Она впервые заметила, что у могучего колосса, поддерживавшего её хрупкий мирок, глиняные ноги, которые вот-вот надломятся, увлекая и самого колосса, и всё мироздание в пучину.

Лаз выглядел потерянным и чужим, от ауры прежнего защитника обиженных и угнетённых не осталось и следа. Он сам понимал, что сильно изменился и из его жизни ушло что-то заветное, и видел, что Ли́ка чувствует примерно то же самое.

– Я понимаю... – с горечью отозвалась Ли́ка. Она и правда понимала, хотя совершенно не хотелось. – И что теперь? Что

хочет от тебя Аарон взамен?

– Я бы не хотел об этом говорить. – Он отвернулся и посмотрел на площадь. Холодный ветер трепал густые волосы, а свет картинно очертил профиль. Было в нём что-то героическое и обречённое, даже новые морщины придавали образу большую завершённость.

– Я должна отдать тебе двести таблеток и ... Не мешать тебе в том, что ты задумал, что бы это ни было. Хотя если честно, я бы уже и не стала, если бы могла.

– Интересно... – отозвался Лаз. – Это Аарон так заботится о тебе или обо мне?

– Не знаю, но думаю, что о себе. Мы ему не сдались. Ну я-то точно.

– Кто знает, кто знает. О тебе там много слухов ходит. И многие интересуются тобой. С чего бы это? – Он незаметно подошёл ближе. Лица почувствовала опасность, хотя ни на секунду не могла поверить, что Лаз хочет причинить ей вред.

– Я не знаю, Лаз. Правда... – Она опустила глаза. – Я не вру. Тебе бы я не врала.

Лаз вздрогнул и расслабился.

– Прости, я не хотел. Со мной многое происходит, понимаешь?

Лица кивнула, но на всякий случай сделала пару шагов назад ближе к краю крыши.

– Так ты не скажешь, что задумал? Мне казалось, что мы можем друг другу доверять.

– Мне тоже так казалось, но там ... на поле умирал я, а не ты. Так что не тебе меня судить! – В его голосе появились вызов и ярость.

– Да, ты прав. Удачи тебе.

Лаз кивнул.

– На, держи. Долг платежом красен. – Лица вытянула ладонь, на которой тут же материализовался небольшой бархатный мешочек с таблетками. Лаз сощурился, подошёл, протянул руку и осторожно взялся за край мешочка. Как только бархатная ткань оторвалась от кожи, у Лики возникло непреодолимое желание сжать ладонь в кулак и раствориться в пространстве. Расставаться с энергией было мучением. Почувствовав напряжение, Лаз остановил движение руки.

– Бери, они твои... – с жалостью в голосе выдавила Лица, сосредоточенно наблюдая за мешочком.

– Ты слишком зависима. Это твоя слабость. – Его тон вновь стал привычно наставительным. Но рука выдернула мешочек, который мгновенно скрылся в просторах кармана. – Лик, ты пока одна, кто не слишком зависит от проводников. Тебя пока не сломали. Постарайся продержаться как можно дольше. После – только пропасть. Не торопись в неё. И не злись на меня. Я правда хотел тебя спасти. – С этими словами он развернулся и с приглушённым хлопком исчез в воздухе, оставив Лику в недоумении.

– Последний мужик и тот сбежал. Лица, ты не популярна... – мрачно констатировала она вслух, хотя хотелось пла-

кать и кричать.

Чтобы успокоиться, она представила, как она выглядела со стороны: женщина на грани истерики на арке Генерального штаба, разговаривавшая сама с собой и при этом призванная вершить судьбы мира и человечества. – Мда, люди, вы попали... – горько улыбнулась Лика и быстро съела ещё одну таблетку.

Затем встала, оглянулась, прикрыла глаза и представила самое спокойное место, которое знала. Желудок сделал кувырок, а правая нога немного подогнулась, ступив на незнакомую почву. Её окружила удивительная подавляющая тишина и аура спокойствия. Воздух здесь был тяжёлым и безветренным.

Привыкнув к темноте, Лика двинулась вперёд между ажурными оградками и гранитными плитами. Она нечасто появлялась на кладбище, но порой вид могил успокаивал. Это была возможность вернуться назад и посмотреть на то, где она была когда-то и где находится сейчас.

Через десять-пятнадцать лет после попадания в их мир каждый новичок сталкивался с неизменной проблемой: он переставал чувствовать себя живым. Отсутствие цели, перспективы, а главное – способа что-то изменить приводило к сильному кризису бытия, который не решался с помощью таблеток. С каждым днём всё явственнее ощущалась стагнация и протухлость существования, пропадала динамика, а дни сводились к простейшим алгоритмам, призванным удо-

влетворить только одну цель – получение очередной дозы. Недели походили на месяцы, месяцы на годы, а годы – на бессмысленную вечность, и, чтобы не сойти с ума, необходимо было найти хоть какой-то способ имитации жизни.

Ли́ка, например, посещала свою могилу, поскольку та была материальным, вещественным доказательством того, что жизнь, какой бы она ни была, продолжалась.

Немного поплутав, Ли́ка замерла около знакомой ограды, приоткрыла её с ужасным скрежетом и вошла внутрь. Покосившийся скромный крестик облупился, когда-то величественная садовая роза погибла, видимо, сдавшись напору жгучей крапивы, а круглая ваза, стоявшая в углу, теперь была оккупирована гроздьями лягушачьей икры.

Ли́ка осторожно протянула руку, убрав ветку крапивы и посмотрела на пожелтевшую фотографию, на которой приветливо и немного робко улыбалась молодая девушка с волнистыми рыжими волосами. В её взгляде были заметны печаль и замкнутость, но в них же светились искорки добра.

– Да, дорогая, смерть тебя не красит.

В груди зашевелилось цепкое чувство жалости к себе, которое ей никогда не нравилось, хотя и помогало чувствовать себя человеком. Ли́ка опустила на корточки, стараясь вспомнить и прокрутить в голове основные события жизни, начиная от трагического и глупого прыжка вниз, заканчивая самыми первыми воспоминаниями. С каждым разом делать это было сложнее, а пробелов становилось все больше, но по-

ка ещё глубоко внутри теплился уголёк памяти. Она старательно восстанавливала в памяти любимые фильмы, книжки, дурацкую привычку перечить маме, толстого кота и комнату, а также мечты, цели и надежды, которые канули в Лету вместе с самыми близкими людьми. Она ощутила хорошо знакомые отчаяние и потерянность, но это были человеческие чувства, от которых даже хотелось плакать.

– Ностальгируешь? – Мужской голос оглушительным ударом вырвал из прошлого. Лика вздрогнула и приготовилась защищаться, только потом сообразив, что узнала незнакомца.

– Я хотела к тебе приехать, но мне нужно было немного подумать....

– Я знаю, – размеренно кивнул проводник, облакачиваясь на соседнюю покосившуюся оградку.

– Как там дела?

– Всё так же. Ничего интересного... – Матвей достал сигарету и чиркнул зажигалкой. – Собираем Совет. Нужна твоя помощь.

– И тебе тоже? – Лика встала и протянула руку в немой просьбе дать закурить.

– Как всегда... – Матвей нехотя отдал сигарету, пустив клубы дыма и пододвигаясь, чтобы дать Лике возможность опуститься рядом.

– Кого нужно найти?

– Агаву и пригласить его. Давида, Гавра, Еву и остальных

найдут.

Ли́ка задумалась на секунду, оценивая перспективы задания.

– Мне обязательно это делать? К чему этот глупый церемониал? Ты им позвонить не можешь?

Вместо ответа он окинул её крайне выразительным взглядом, не терпящим никаких возражений.

– Хорошо, но ты, наверняка, уже знаешь о моем невинном обещании Аарону, и что, пожалуй, проводникам и особенно Давиду меня лучше пока не видеть. Не думаю, что он такой придурок и ничего не понимает.

– Он знает гораздо больше, чем ты думаешь, и именно поэтому понимает, что ты ничем ему не угрожаешь. И да... что Лаз теперь слишком заинтересован в других вещах.

К Лике вернулось чувство одиночества. Она посмотрела на фотографию в поисках поддержки, но собственное изображение осталось безучастным.

– Что с ним? Это цена за помощь?

– В нашем мире нет бесплатной помощи, особенно от проводников. – Матвей выпустил в лицо собеседницы идеальное кольцо дыма. Она закашлялась и отпрянула от ограды.

– Ладно, что мне ему сказать?!

– Ничего, – пожал плечами проводник, – тупо официальное приглашение без особых витиеватостей. Хватит с него. В разговоры и дискуссии не вступай – это уже моё дело. Не лезь.

– Хорошо, – кивнула Лика, чувствуя нерешительность. Поднимать эту тему не хотелось, но выбора не было. – Что мне делать с Лёшей? Он всё знает. Аарон его просветил.

Матвей сдержанно пожал плечами и отмахнулся.

– Ладно тебе, он не проблема. У него кишка тонка откататься. Я его тщательно выбирал. Повыкобенивается и согласится. Он уже понимает, что жизни среди нас у него не будет. Без тебя он никто и долго не продержится, так что... Просто не придавай значения. Этот вопрос уже решён.

– Прикольно, – распевно отозвалась Лика, – только как мне ему в глаза-то смотреть? – Она поёжилась то ли от холода, то ли от содержания их будущих разговоров с Лёшей.

– Молча и не очень вдаваясь в подробности. Как я... – Матвей расплылся в отвратительной улыбке.

– Ещё лучше. Чем-нибудь ещё порадуешь?

Проводник задумался. Он попытался вспомнить план на день, который тщательно составлял с утра, но не смог.

– Ничем, пожалуй. Хватит с тебя. Аарон тебя сильно раскрутил на таблетки?

– Двести.

– Понятно... – процедил Матвей, выкидывая окурочек. – Совет собирается послезавтра. На него должны прийти все, и Лёша тоже должен быть там. Это важно. Ты хорошо его подготовила?

Лика равнодушно пожала плечами.

– После всего дам тебе недельку отпуска. Отдохнёшь. Те-

бе пора развеяться. На твои синяки под глазами уже даже мне больно смотреть, – улыбнулся проводник.

– С чего такая забота? С Гавром ты мне как-то не помог.

– Ну Дом Гавра – неприкосновенная зона. И я был уверен, что они ничего действительно плохого тебе не сделают.

Лица в задумчивости кивнула. Вечер, как она и думала, был не из приятных, но стало немного легче. Можно было сфокусироваться на других задачах.

– Когда Лаз бросит вызов Давиду?

– О! – обрадовался Матвей, – а девушка у нас догадливая! Не знаю, я не управляю этим процессом, да и меня не волнует. Это в большей степени интриги Аарона, чем мои. Мне нет до этого дела.

– Мне казалось, что тебе есть дело до всего. – Лица начала замерзать и закурила вторую сигарету.

– Жаль тебя разочаровывать, но нет. Точно не до всего. Ладно, мне пора. Тебя подбросить домой? – Матвей проследил за удивлённой реакцией собеседницы. – Да-да, даже не возьму с тебя ничего. Обещаю. Свои люди – сочтёмся! – улыбнулся проводник.

В следующую секунду мир привычно рухнул вниз.

Глава 10

Лёша нехотя попытался разлепить один глаз, но луч солнца, протянувшийся от круглой дырки в плотной занавеске до его лица, ослеплял. Судя по тому, что он чувствовал себя вполне выспавшимся, было уже далеко за полдень и очень странно, что Лика его до сих пор не разбудила. Тело привычно ныло, а левая рука ещё и сильно затекла. В недоумении он открыл глаза.

К глубочайшему удивлению, на руке лежала рыжеволосая голова. Лика свернулась калачиком и трогательно по-детски сопела, от чего одна из растрёпанных прядок слегка вздрагивала при каждом выдохе. Лёша запаниковал. С одной стороны, он не помнил и даже представить себе не мог, как они могли оказаться в одной кровати, и был уверен, что, если Лика сейчас проснётся, то достанется-то всё равно ему, независимо от причин её попадания сюда. С другой стороны, он перестал чувствовать руку и был не готов лежать в такой позе до Ликиного пробуждения.

Лёша попытался пошевелить плечом в надежде высвободиться, но вместо этого потревоженная Лика что-то неразборчиво промычала, ещё сильнее прижалась и резко опустила левую руку на его грудь так, что сбилось дыхание.

– Вот, чёрт! – выругался он и начал осторожно отодвигаться от спящего тела. Задача оказалась сложной, поскольку

ку, стоило выиграть сантиметр свободного пространства, как тут же Лику, недовольно морщась, придвигалась ближе. Наконец, когда он понял, что балансирует на самом краю, Лёша, используя шелковистость простыни, мягко сполз на пол, оставив Лику на постели.

Он оценил перспективы падения наставницы, встал, завернул её в одеяло и отправился на кухню. Неоднозначность ситуации заставляла задуматься. Последнее, что он помнил, – хлопок входной двери, которая закрылась за Ликой. Все остальные события были покрыты мраком. Применённый метод дедукции тоже не сработал: одежда Лики лежала недалеко, аккуратно сложенная в идеальную стопочку, чего сама она никогда не делала, да и поверить в то, что она разделась и зачем-то залезла под его одеяло, было сложно.

Лёша нажал на кнопку кофеварки и заглянул в холодильник в поисках еды. Как ни странно, он чувствовал себя гораздо бодрее, чем раньше. Шаря по полкам, он погрузился в самоанализ в попытке найти обоснование для столь внезапной перемены и вспомнил, что ему приснился удивительно приятный сон. К сожалению, невозможно было перечислить конкретные эпизоды, но общее ощущение было необыкновенно радостным, приятным и успокаивающим. Казалось, что во сне он поговорил с кем-то давно забытым, но по-прежнему важным, заботящимся о нём и любящем. На миг вернулось давно забытое ощущение абсолютной защищённости и безмерного покоя, которое бывает только в младенчестве.

Этот человек успокоил его и подбодрил, одна из фраз крутилась на языке, никак не достигая сознания, мгновенно убегающая, как только Лёша был готов уцепить её за хвост. Он балансировал на грани воспоминаний, фантазии и осознания, но пока истина была скрыта мутной дымкой. Однако теперь пришла уверенность в том, что всё будет хорошо и можно ни о чём не беспокоиться. Всё должно было идти так, как должно, и никак иначе.

В этих мыслях он достал несколько яиц, колбасу и начал делать единственное блюдо, на которое был способен, – глазунью холостяцкую. Завёрнутый в цветастый фартук, Лёша порхал по кухне, напевая игривую мелодию и то и дело на-талкиваясь на острые углы табуреток и столов.

– Тебя какая радужная поняша покусала? – раздался хриловатый голос сзади. Лохматая, сонная и недовольная Лика стояла в проёме, морщась от яркого солнца. Одна из лямок майки была порвана, а на трусах красовалась потрёпанное изображение панды. Волосы спутались и больше напоминали клубок оранжевой сахарной ваты, чем привычный аккуратный конский хвост. Лёша окинул её пристальным взглядом снизу вверх и обратно и невольно ухмыльнулся.

– На себя посмотри, панда, – улыбнулся он ещё шире. – Есть будешь?

– Буду... – буркнула Лика, игнорируя выпад, и уселась на табуретку. – Только кофе сделай, а то я впаду в спячку.

– Не вопрос. Ты где вчера была? – Горячая бело-жёлтая

масса опустилась перед ней на тарелку.

Лица сморщилась, замычала в попытках что-то вспомнить.

– Гммм... Честно говоря, я плохо помню. Я оставила тебя, встретила с Лазом, а потом...хм... А точно, потом был Матвей. Он сам меня нашёл. Но чем закончилась встреча, я не помню. Всё как в тумане. Очнулась я уже здесь... В кровати. Наверное, он меня усыпил. Только зачем?

– А раздел тоже он тебя?

– Наверное, не знаю, – равнодушно отозвалась она, набирав рот едой. – И вообще, где мой кофе?

– Сейчас-сейчас. Три секунды!

Лёша быстро подскочил и принялся колдовать над кружкой.

– Ты какой-то странный, – нахмурилась она. – Вчера ты был совсем другой. Что-то случилось?

– Да нет, – недоуменно пожал плечами Лёша, усаживаясь рядом за стол и с аппетитом поглощая завтрак. – Мне что-то странное приснилось, такое, знаешь, доброе... – Он задумался, подыскивая слова. – Сложно объяснить, но я уверен, что вся эта история с палачом хорошо закончится. Правильно, что ли? Мне не стоит бояться. Он не за мной пришёл. Не я в чём-то провинился. Не мои грехи, понимаешь? Поэтому я могу идти и с ним драться. Со мной всё будет хорошо.

Лица невольно поперхнулась, потянулась за кружкой, чтобы запить застрявший кусок, но обожглась, пролив на стол

горячий напиток.

– Мать твою! – выругалась она, мгновенно отскакивая от стола. Лёша спокойно повернулся, взял тряпку и осторожно вытер пятно.

– Ты в порядке?

– Да! Да, – рассеяно отозвалась Лика, возвращаясь на место и собираясь с мыслями. – То есть ты готов? Вот так просто? Просто пойти и попытаться его убить? – Язык не хотел слушаться, а горло саднило от кусочка пищи.

Лёша задумался, прислушиваясь к собственным ощущениям и чувствам. Никакого отторжения или злости он не нашёл. Эта мысль, к его собственному изумлению, почему-то больше не пугала и не казалась ужасной.

– Кажется, да... – удивлённо улыбнулся он. – Страха я точно больше не чувствую.

– Похоже, теперь его чувствую я... – мрачно отозвалась Лика, уставившись в тарелку.

Глава 11

Тойота медленно объезжала тихий питерский дворик по второму кругу. Лика тщетно пыталась найти место, где можно было бы припарковаться, но задача казалась невыполнимой. Если бы не её многолетний стаж вождения, то крылья автомобиля уже давно бы были исцарапаны. Лёша с замиранием сердца и некоторым азартом наблюдал в окно за тем, как каждый раз бок джипа проползает в миллиметре от блестящей поверхности очередной новенькой иномарки.

– Ну что за люди? Ресторан элитный открыли, а парковку к нему пусть сосед делает. Бесят! – Лика в очередной раз быстро крутанула руль, разворачивая машину на девяносто градусов и с ювелирной точностью останавливаясь между Мерседесом и Ауди. – Всё! Приехали... – выдохнула она. – Выйти не сможем, так что вылепётывай отсюда.

В следующее мгновение Лика уже оказалась стоящей перед капотом машины и недовольно оглядывающей соседние авто. Лёша постарался собрать силы и через несколько секунд возник рядом. Телепортация пока давалась ему с большим трудом, поскольку он ужасно боялся застрять где-нибудь в середине машины или стены.

– Где мы?

– Интересное место. Это ресторан одного проводника, у него целая сеть первоклассных мест по всему миру. Мы как-

то были в его кафе. Забавный дяденька с хорошим аппетитом. Вообще он живёт в Азии, но судя по энергетике, сейчас приехал сюда, – загадочно отозвалась Лика, направившись к ресторану.

– Встреча будет как всегда гостеприимной? – Лёша старательно лавировал между машинами, стараясь не отстать.

– Да не должна быть. Он мало участвует в разборках. Но ему может не понравиться, что мы пришли к нему с официальным визитом, когда он на чужой территории. Проводники это не любят.

Они подошли к ближайшей парадной, у которой стояли двое азиатов в одинаковых синих костюмах.

– И здесь туда же... – проворчала Лика себе под нос, одновременно озаряясь обаятельной, но наигранной улыбкой. – Добрый день, господа!

Охранники с совершенно непроницаемыми лицами посмотрели на неё и одарили равнодушным взглядом.

– Хозяин не принимает, – наконец отозвался правый.

– Знаю, но мне очень нужно. У меня важная информация для него. Никаких разборок и наездов. – В знак мирных намерений Лика подняла открытые ладони.

– А это кто? – Левый мотнул головой в сторону Лёши.

– Новенький наш, пока его обучаю.

Охранник открыл рот, чтобы что-то сказать, но в это мгновение раздался противный писк стандартной мелодии телефона, и низкий поднёс трубку к уху.

– Ага, хорошо, понял. Да, хозяин. Как прикажете! – Он сложил старенькую нокиевскую раскладушку и постучал по плечу напарника, чтобы тот наклонился. Затем он что-то быстро нашептал ему на ухо. Правый выслушал, приподнял бровь в попытке переварить информацию и произнёс:

– Можете проходить, но без глупостей.

– Без проблем... – протянула Лика и направилась прямо в раскрывшуюся дверь. Лёша последовал за ней.

Когда охранники остались позади, тот поинтересовался:

– Почему у всех проводников такая тупая охрана?

– Законы жанра. Ничего не поделаешь. Ни одному проводнику по большому счёту охрана-то не нужна, – задумчиво отозвалась она, – но идиотов-то надо пристраивать, чтобы они чем-то занимались в свободное от основной работы время. По сути, чем больше свита – тем сильнее проводник...

– А у кого она самая большая?

– Не знаю, если честно. У Аарона, наверное. Или Давида. – Они зашли в лифт. – Не уверена. Они оба любят эффекты.

Лёша кивнул и нажал на верхнюю кнопку. Он не представлял, что ждёт их наверху, но сейчас его это мало беспокоило. Вчерашние тревоги и опасения остались где-то далеко, можно было расслабиться и плыть по течению, каким бы быстрым оно ни казалось. Однако про себя он отметил, что Лика выглядела столь же нервной и расстроенной, как и вчера, и упорно избегала смотреть ему в глаза.

Он украдкой наблюдал за ней. Она стояла, устремив взгляд наверх, и, покачиваясь от нетерпения, судорожно кусала губы.

– Эй, ты чего? – вдруг заботливо поинтересовался Лёша. – Волнуешься?

– Ещё чего! – фыркнула Лика, гримасой демонстрируя пренебрежение. – Здесь и делать нечего.

– Я не про сейчас... – Его голос стал очень тихим.

Лика удивлённо округлила глаза, нервно сглотнула, замерев от неожиданности, но спасительная дверь лифта открылась, и она юркнула в проход.

Перед ними раскинулась просторная гардеробная с обилием вешалок и шкафов, до отказа заполненных обувью. На стенах висели массивные зеркала, под которыми стояли стилизованные под восточные топчаны. В центре находился небольшой фонтан, в котором, судя по запаху, вместо воды текло красное сухое вино.

– Вино?! Серьёзно?! – Не поверил Лёша, осторожно окуная палец в жидкость и пробуя языком. – И вкусное, кстати!

– Не пил бы ты его. А то мало ли...

– Может быть плохо?

На пороге в соседнее помещение возник маленький юркий человечек, который при виде посетителей тут же расплылся в подобострастной улыбке и согнулся в низком поклоне:

– О, гости из Великого Дома! Прославленный Матвей ока-

зывает нам честь! – Его голос был настолько писклявым и приторным, что напоминал звук трения пенопласта о стекло. – Раздевайтесь, раздевайтесь! Хозяин вас уже ждёт, – уже под ногами заголосил человечек, распространяя блики света стёклышками маленьких очков и хватаясь за лёгкую ветровку Лёши.

– Мы ненадолго, – тихо, но твёрдо отчеканила Лика.

– Да-да, конечно, но вот вам мягкие тапочки! – заголосил он, всовывая Лёше в руки восточные тапки с загнутыми носами.

– Отвали, мразь! – уже с угрозой прошипела Лика.

Писклявый сощурился, сверкнул очками в последний раз и с отвратительной улыбкой растворился в воздухе.

– За что ты так?

– Сколько раз говорить! – обрушилась на ученика Лика. – Смотри, с кем имеешь дело! Знал бы на что способен этот падальщик! – Она вздохнула, успокаиваясь, и направилась к выходу из комнаты.

Они быстро пересекли помещение и оказались в просторном зале, по всей площади обтянутом зелёной шелковистой тканью. В воздухе висел тонкий аромат розмарина и лимонника. Широкие балконные двери были распахнуты, открывая прекрасный вид на террасу с невесомыми плетёными столиками и набережную. У самой ограды в кресле-качалке спиной к ним сидел проводник.

– Нам нужно остаться здесь. Агав скоро подойдёт.

– Ага... – Лёша активно принюхивался, силясь распознать всю гамму ароматов.

Лица огляделась. Пожалуй, это была одна из самых приятных резиденций проводника, в которых она успела побывать. Здесь было удивительно тихо и пустынно. Будто тревоги их мира обходили дом стороной. Они сели в мягкие кресла и затихли.

Проводник, сидевший на террасе, встал и направился к гостям. Он был маленького роста, лысеющий и очень печальный. Его фигура поражала удивительной, почти болезненной худобой, из-за которой было сложно определить возраст. Он мог быть как почтенным старцем, так и тяжело больным юношей. Морщинистое лицо, выглядевшее помятым, и серые почти бесцветные глаза только усиливали этот эффект.

– Добрый день. – Скрипучий голос раздался из глубины рёбер.

– Приветствуем тебя, Проводник! – Лица склонила голову в знак приветствия.

– Рад видеть слугу дружественного Дома у себя. Рад, что ты жива. Мы не ждали, – так же глухо произнёс хозяин.

Вместо ответа Лица ещё раз склонила голову. Проводник натужно закашлял, Лёша даже испугался, что тот задыхается. Но Лица продолжила, не обращая внимания:

– Проводник, от лица Матвея и нашего Дома приглашаем тебя прибыть на Совет.

– Всё-таки Совет? – Его голос чуть-чуть надломился. Ви-

димо, это был знак удивления. – Жаль, я надеялся, что всё решится без него.

Старик тяжело выдохнул и затих. Лика продолжила сидеть в той же позе, не шевелясь. Молчание длилось несколько минут. Лёша предположил, что Проводник заснул. По крайней мере, из его ноздрей раздался свистящий звук, напоминавший храп. Но Лика по-прежнему никак не реагировала, воспринимая ситуацию как должное.

– Хорошо, – наконец произнёс он. – Я приеду на Совет. Но передай Матвею, чтобы он не слишком рассчитывал на мою поддержку.

– Передам. – Она ещё раз склонила голову и поднялась на ноги, давая знак Лёше тоже встать, что тот поспешно и неуклюже исполнил. – Спасибо, что уделил нам время, Проводник.

Старик едва заметно кивнул в ответ. Лика не разворачиваясь, попятилась к выходу. Когда её рука коснулась ручки, раздался его голос:

– Он правда такой сильный?

Лика остановилась, пальцы судорожно сжались, а мышцы напряглись, но тем же голосом она ответила:

– Да, Проводник. У нас не было шансов.

– Хорошо... – с трудом выдохнул он.

Глава 12

Ли́ка вошла в сумрачное помещение. Ей нужно было переодеться и собраться перед предстоящим Советом. Естественно, она не играла никакой роли, но быть зрителем на собрании, где вершились судьбы мира, – тоже не самая простая задача. Нужно было быть готовой к тому, что проводники в очередной раз начнут торговаться и ставить на кон жизни других, мало заботясь о том, что эти самые другие стоят рядом и все слышат. Хотя, конечно, до Советов допускались далеко не все, а только самые приближённые. Лике всегда казалось, что есть в этом какой-то особо изощрённый цинизм: решать то, кого принесёшь в жертву, при самой жертве. От полного отчаяния в такой ситуации спасала только неугомная вера в русский авось, которая безостановочно твердила: «Только не я! Только не я! Сегодня будет кто-то другой».

От этих мыслей сводило желудок. Она осторожно присела на мягкий диван и прикрыла глаза.

«Ну что ты так мучаешься? А? Ну сегодня-то всё просто. Тебя это не касается. Это не твоя война. Успокойся!»

Но легче не становилось. Сердце отчаянно трепыхалось между рёбер, дышать было трудно, а при воспоминании о Лёше, оставленном внизу натягивать шелковистую мантию, к горлу подступал тошнотворный ком. Сегодня и вчера он

был слишком беззаботен и счастлив. Если бы он продолжал злиться, было бы проще. Она могла бы хотя бы злиться в ответ. А сейчас ученик вёл себя как овца на заклании, чей невинный глупый взгляд вызывал липкие приступы ярости к себе, заставляя содрогаться в конвульсиях отвращения.

– Не твоё дело. Не твоё дело. Не твоё дело!

В смятении Лика подняла глаза на настенные часы. Осталось всего полчаса. Нужно было встречать гостей. Она бросилась к шкафу. По многовековой традиции, любой из проводников мог созвать Совет, но далеко не всегда на него все приходили. Нужна была очень острая необходимость, чтобы враждующие и не испытывающие друг к другу большой человеческой симпатии проводники забыли о междоусобицах и сели за стол переговоров. Совет проходил в Доме инициатора, однако в момент его проведения там могли присутствовать не более пяти подчинённых, тогда как другие могли привести с собой семь. Кроме того, за стол переговоров вместе с проводником садился один выбранный им сопровождающий. На этот раз Матвея сопровождала Лика.

В соответствии со сложившимся дресс-кодом присутствующие должны были быть одеты в цвета своего Дома. Лика распахнула дверцы шкафа и увидела внутри старинное чёрное платье без бретелек, объёмным кринолином и обилием изысканного чёрного кружева.

– Мда, Матвей. Ну и вкус. – Она покачала головой, скинула с себя одежду и бельё и встала в центр платья. Затем

осторожно начала натягивать его на себя, к огромному разочарованию обнаружив, что оно ещё и с корсетом.

– Тебе помочь? – раздался голос проводника.

– Матвей, твою мать! Я тебе кисейная барышня– в этом ходить? – Лика замерла, завернувшись в платье и не имея возможности завязать шнуровку.

– Мне без разницы, в чём ты ходишь, просто есть определённые традиции. – Матвей неслышно подошёл сзади, поставил бокал вина на столик и осторожно начал продевать тонкий шнурок в отверстия. Его ледяные пальцы то и дело касались её кожи, от чего по ней волнами разбегались мурашки.

– Не холодно? – слегка отстранённо поинтересовался он.

– Всё хорошо... – почти стуча зубами, отозвалась Лика. – И всё-таки? Я не большая любительница рандеву такого рода. Возьми кого-то другого, я постою в охране.

Матвей усмехнулся, затягивая корсет:

– Позволь старику хотя бы раз представительно выглядеть. Я жил в те времена, когда в свет выходили только с дамой и за неё могли убить на дуэли. – В его голосе появились ностальгические нотки.

– Даже так? – Лика невольно изогнулась в стальных объёмах платья. – И как женщины в этом ходили? – посетовала она.

– Молча и не сильно выступая, – отрезал Матвей, делая финальное усилие и затягивая тугой узел. Сам он тоже был

одет в старинный камзол чёрного цвета с алой оторочкой. На носу больше не блестели стёклышки очков, а каштановые волосы были аккуратно уложены.

Стараясь привыкнуть к новому одеянию, Лика сделала несколько шагов и подошла к запылённому зеркалу. На неё смотрела малознакомая слегка напуганная особа с ярко-рыжими волосами и бледной кожей, сильно изуродованной шрамами. Почему-то сейчас она выглядела заметно моложе и растеряннее, чем обычно. Как будто причудливая машина времени вернула её далеко назад.

– Я знал, что оно тебе пойдёт... – При этих словах перед ней материализовалась коробка с чёрными туфлями на высоком каблуке, при виде которых Лика отчаянно вздохнула и скорчила жалобную мину, обращаясь к Матвею.

– И не надейся. Добавим пару штрихов. – Её волосы взлетели вверх и собрались в высокую причёску, несколько прядей изящно опустились на правое плечо. Веки окрасились чёрно-серыми тенями, а губы – алой помадой. В заключение Матвей положил ладони ей на плечи, на её шее сверкнул ослепительной красоты рубин размером с грецкий орех. Матвей осторожно растянул серебряную цепочку и щёлкнул замочком сзади.

– Готово!

– Стесняюсь спросить: ты меня для охраны берёшь или всё-таки на продажу? – критически осматривая новый образ в зеркале, осведомилась Лика.

– А разве одно другое исключает? – прошептал прямо над ухом проводник. – Если цену хорошую предложат, то почему бы и нет...

– Жмоты все, хлеще тебя, – отмахнулась она, пытаясь привыкнуть к габаритам платья и делая несколько осторожных шагов, слегка покачиваясь.

– Сто лет на каблуках не ходила! – Она недовольно поморщилась. – Просто жуть.

– Соберись! – Матвей был всё так же невозмутим. – Хватайся... – Он подставил ей согнутую в локте руку и открыл дверь.

Они вдвоём медленно спустились по лестнице, при этом Лика прилагала максимум усилий, чтобы не наступить на подол платья, и остановились в полукруглой арке. В честь прибытия проводников был открыт парадный вход, а сами залы благодаря титаническим усилиям Клары блестели, отражая магический свечной свет. Дом был непривычно наполнен торжественностью и напряжением.

– Какой-то пир во время чумы, – прокомментировала Лика.

– Ну где-то так и есть. Проводники держатся за традиции: это последнее, что у нас осталось... – решил пофилософствовать Матвей. – Возможно, только с помощью них мы и остаёмся в своём уме.

С улицы раздался шорох подъезжающей машины. Кто-то приехал. Сердце у Лики заколотилось в бешеном темпе.

– А вдруг мы ошибаемся? Вдруг Лёша не справится? Вдруг он не сможет? Если он – не тот? – отчаянно прошептала она, глядя в глаза проводнику.

– Значит, мы умрём. – Спокойствие Матвея сбивало с толку. – О, Ева! – Засиял он показным радушием вместо продолжения фразы.

В дверях показалась высокая полная дама с длинными белокурыми волосами в окружении свиты подтянутых красавцев. Она выглядела настолько ухоженной и холёной, что, казалось, последнюю вечность только и занималась тем, что баловала себя. Её светлая гладкая кожа была налита здоровьем и свежестью, полные губы напоминали спелые вишни, готовые вот-вот лопнуть под лучами яркого солнца, а фигура навевала мысли о древнегреческих статуях. Лица невольно засмотрелась на восхитительную аристократичную красоту, грамотно подчеркнутую лазурным платьем с глубоким разрезом, открывавшим мраморную белизну бесконечных ног.

– Здравствуй, Матвей... – поздоровалась Ева бархатистым и грудным голосом. Элегантным, но несколько натужным движением она подала маленькую ладонь для поцелуя. Матвей едва прикоснулся к ней, но не спешил отпускать.

– Приятно тебя видеть, Ева...

– Да, давно не виделись... Я рада, что именно ты собираешь Совет.

– Спасибо, – кивнул Матвей в благодарности и отступил назад, пропуская свиту в глубину Дома. – Располагайтесь...

Когда их шаги стихли, Лика, провожавшая Еву взглядом, повернулась обратно и восхищённо произнесла:

– Вау, Ева! Я даже не видела её никогда. Безумно красивая.

– Да, в этом ей не откажешь. Благодаря внешности, она когда-то проводником и стала. Единственное, что может затмить её красоту – это её хитрость и умение добиваться всего наименьшими средствами. Шикарная женщина... – мечтательно улыбнулся Проводник.

– Хо-хо! Ничто человеческое нам не чуждо! – захохотала Лика.

– И не надейся. Смотри: Давид приехал.

Лика напряглась. Встретаться с Лазом ей сейчас совсем не хотелось. Как только Давид пересёк порог, в помещении мгновенно стало немного темнее. Казалось, мимолётный порыв ветра одновременно погасил все свечи. Этого человека было много, катастрофически много. Он казался просто гигантом с широченными плечами и огромными ручищами. У него были чёрные густые, слегка взлохмаченные волосы, изумрудные глаза, смотревшие прямо и напористо из-под густых бровей, неправильной формы большой нос с горбинкой, квадратный подбородок, а правую щеку украшало несколько крупных шрамов. Лика всегда немного робела в его присутствии. Она вдруг резко начинала ощущать миниатюрность своего телосложения. Однако, когда он подошёл к ним с Матвеем, стало очевидно, что проводники примерно

одного роста и комплекции.

– Вечер добрый! – преисполненный чувства собственного достоинства, невыразительно кивнул Давид, немного дольше, чем нужно, задержавшись взглядом на Лике. – Даже не узнал тебя сразу.

– Спасибо Матвею, – поддаваясь церемониалу, отозвалась она.

Давид выглядел, как всегда, шикарно и успешно. Он каким-то невероятным образом всегда давал окружающим понять, что вот он – Победитель во всех смыслах этого слова. Он всегда был спокоен, знал, что делал и что нужно сделать. У него всегда был основной план, а ещё несколько запасных и пара экстренных. Этим умением он больше напоминал талантливое управленца огромного бизнеса, чем проводника, и в самых опасных ситуациях оставался деловым и практичным.

Однако именно сейчас его идеальному образу чего-то не хватало: то ли синий костюм сидел как-то не так, то ли элегантный галстук был подобран немного не в тон, то ли запонка с аквамарином светилась чуть меньше обычного. Что-то в его уверенности пошатнулось, как будто на идеальную картину успеха села назойливая домашняя муха и теперь ползала, довольно потирая лапки.

Погрузившись в исследование Давида, Лика не сразу обратила внимание на его свиту. Но как только Давид пожал руку Матвею и тот что-то начал нашёптывать ему на ухо, она

переключилась на сопровождающих. К огромному изумлению, Лаза не было. Впервые за многие годы этот молчаливый герой не стоял по правую руку от своего наставника. Вместо него там стояла миловидная девушка Маша, про которую ходили самые разнообразные слухи. Лица никогда в них не лезла, но догадывалась, что там всё крайне нечисто.

– Привет, Маш! – постаралась быть вежливой Лица, хотя особой приязни между ними не было. Пожимая гостье руку, она судорожно пыталась понять, где мог находиться Лаз и почему сейчас он был не вместе со своим проводником.

Маша ответила совершенно очаровательной невинной улыбкой и опустила пушистые ресницы.

– Проходите-проходите, – уже заголосил Матвей, и гости удалились.

– А Лаз где? – не выдержала Лица, переминаясь с ноги на ногу. От высоких шпилек ноги уже затекли и начинало ломить спину.

– Я откуда знаю?! – искренне изумился Матвей, смотря на неё пытливым взглядом. – Мне о твоём Лазе не докладывают. Знаю только, что у него теперь новые покровители. А вот, кстати, и они.

В Дом вошёл Аарон. Интересно, что с ним не оказалось Наамы. Аарон явно чувствовал себя главной звездой вечера. Любимый лиловый цвет выгодно оттенял холодную изощрённую красоту, манящий чарующий парфюм сразу же туманил разум, а самодовольная улыбка выдавала далеко идущие

щие планы.

– Как же ты старомоден, мой друг! – вместо приветствия не удержался от комментария Аарон. – Не тот ли это костюм, в котором тебя хоронили в ...?

– Нет, этого лишь его трёхсотая копия, – в той же манере съехидничал Проводник. – Понимаешь, нет у меня столько времени думать о внешнем виде. Всё дела-дела...

– Да-да, понимаю, – пробормотал гость, переводя взгляд на Лику и удивлённо приподнимая бровь. – Украшаешь вечер сегодня явно не ты. Прекрасно выглядишь, Лика. – Он взял её руку и впился губами, одновременно заглянув прямо в глаза. Лика остолбенела от неожиданности. В голове сразу же забегали воспоминания о сцене, произошедшей ранее: вкус его крови и пульсирующая бьющая энергия...

Но тут из-за его спины показалась до боли знакомая фигура. Лика не могла оторвать глаз от Аарона, но чувствовала, что Лаз смотрит на них, и он понял что-то такое, что не должен был понимать. Она попыталась отстраниться, но сделать это было не просто. Рука сама не хотела отрываться от холодных губ. Благо, на помощь пришёл Матвей, который аккуратно взял Аарона под локоть и попытался оттащить к себе. Контакт оборвался и Лика резко встряхнула головой, приходя в себя. Кажется, сцена продолжалась несколько дольше, чем было нужно. Она поймала на себе одновременно несколько взглядов: заинтересованный и любопытный от Матвея, равнодушный и холодный от Лаза и озлобленный от

всех остальных. Аарон же попытался скрыть эмоции за своей обычной маской превосходства.

– Располагайся, Аарон! – вернулся к гостеприимному тону Матвей, жестом руки приглашая их пройти дальше. Лаз сухо кивнул Матвею и молча проследовал внутрь.

– Кажется, ты что-то недорассказала мне... – Матвей хищно впился ей в бок острыми пальцами. – И опустила значительные детали.

– Матвей, отвали! Больно! – Попыталась вырваться из цепких рук Лика. – Аарон как всегда ломает комедию.

– Смотри у меня. Предашь – убью... – прошептал он ей прямо в ухо.

– Знаю! – уже спокойнее ответила Лика, отстраняя руку проводника и заглядывая ему прямо в глаза. – Я с тобой, – она перешла уже на шёпот, глядя на костры ярости, пылавшие в его зрачках. – Я всё помню.

За Аароном последовали Гавр, державшийся подчёркнуто холодно и почти игнорировавший хозяина Дома, и Агав.

Последним порог переступил сухой жилистый человек с жидкой бородкой и бегающими глазами. За глаза его давно прозвали бедным родственником, поскольку именно его он в большей степени и напоминал. Он выглядел как самый несчастный двоюродный дядюшка из глубокой провинции, о котором даже никто и не слышал, но который обязательно появлялся на пороге, стоило кому-то из вашей семьи умереть или купить большую квартиру в столице. Именно по-

сле посещения таких родственников, мудрые хозяйки начинают пересчитывать серебряные вилки и полотенца, а мужчины – чистить телефонную книгу и соцсети. И надо признать, что своим поведением, Филипп, а это был именно он, вполне оправдывал этот образ. Неудивительно, что проводник Дома Змеи, вызывал в свой адрес множество насмешек и издёвок.

Он вошёл внутрь как-то боком, как будто наблюдая за всем происходящим со стороны, осторожно приблизился к Матвею, кивнул в знак приветствия и замер в нерешительности.

– Приветствую, проводник, – поздоровался Матвей, не скрывая презрения.

Филипп ещё раз кивнул. Как ни странно, он прибыл на Совет в гордом одиночестве и, кажется, не собирался принимать в нём активного участия. Повисла пауза, в которую Матвей пристально смотрел на собеседника, ожидая от него хоть какой-то реакции. Но тот молчал.

– Проходи, будь гостем!

Филипп томно вздохнул, задержался взглядом на рубиновом украшении Лики, ещё раз вздохнул и медленно поплёлся дальше.

– Ну что за человек? Тьфу! – плюнул Матвей, глядя ему вслед. – Всех могу вынести, а его – никак.

– Не знаю – не знаю, на мой взгляд, вы даже чем-то похожи... – задумчиво отозвалась Лика. – По крайней мере, если

ты ничего не изменишь, то однажды в такой же сухарь превратишься, – улыбнулась она и оперлась на его руку сильнее, облегчая давление на ноги.

– Иди ты! – помрачнел проводник и дёрнул спутницу за руку, увлекая за собой.

Глава 13

Последними в зал Совета зашли Лика с Матвеем. Проводник не стал оригинальничать и решил провести его в единственном не захламлённом помещении Дома – зелёной гостиной, где большинство гостей (проводников и их сопровождающих) уже сидело за старым круглым столом. Остальные стояли в чёрных плащах с капюшонами вдоль стен. Помещение освещал полыхавший камин, вокруг которого располагались сервировочные столы, ломившиеся от еды и разномастных бутылок. Проводники, кроме Евы и Аарона, о чём-то шутливо переговаривавшихся, сидели молча. Давид что-то искал в смартфоне, стараясь не замечать ничего вокруг, Агав, как обычно, смачно опустошал нагруженную тарелку, заботливо наполненную Машенькой, а Филипп бледной тенью маячил у окна.

Когда они вошли, никто не обратил на них внимания, намеренно демонстрируя равнодушие ко всему происходившему. Лика невольно оглядела колонну слуг, стоявших в отдалении, и попыталась найти там Лёшу, но попытка не увенчалась успехом: почти все из них были мужского пола, одеты в тёмные брюки и чёрную обувь. Использовать же энергию на Совете было запрещено.

«Вас специально подбирают, что ли?» – раздосадовано подумала она.

Матвей медленно и торжественно обвёл комнату взглядом, улыбнулся и направился к пустовавшим двум креслам. Он осторожно усадил Лику справа от себя, повернул голову к двери, которая тут же с громким хлопком закрылась, давая сигнал к началу. Затем, на секунду задумавшись, он сотворил защитный купол, который тут же начал расползаться по периметру, заставляя проводников морщиться от обилия чужой силы.

– Ну что? Приступим! – деловым тоном, потирая руки, начал Матвей. – Рад, что все откликнулись на зов. В сложившихся обстоятельствах наше умение отложить старые распри и объединиться перед лицом общего врага имеет особое значение...

– Матвей, можно ближе к делу? – подал голос Аарон, с демонстративно скучающим видом рассматривавший ногти. – У нас есть и свои дела...

– Конечно, мой друг! Особенно если ты жаждешь успеть закончить дела перед смертью! – Аарон не ожидал подобного выпада и уже набрал воздуха в лёгкие, чтобы ответить, но Матвей продолжил. – Ведь именно она нам и угрожает, если мы не предпримем что-то в ближайшее время.

При этих словах в центре стола появился старенький проектор, окрасивший противоположную стену в белый цвет.

– Думаю, многие из вас... – продолжал Матвей с невозмутимым видом, – ...знают о череде убийств, ставших у людей уже целой сенсацией.

На импровизированном экране замелькали заголовки газетных статей и оперативные фотографии с места преступлений.

– Зверское убийство женщины во дворе её дома. Бедняжка растерзана на куски без применения инструментов или орудий труда, голыми руками. – Картинка переключилась. – Двое детей в Ленобласти обескровлены. – На экране показались два белоснежных почти прозрачных тельца. – Трое мужчин, по официальной версии, перерезали друг друга в состоянии алкогольного опьянения в результате ссоры. – Затем наш хорошо известный политический деятель был убит Ликой под воздействием внешней угрозы.

Лица замерла, глядя на до боли знакомую картинку. Она перенеслась в события зимы и вновь ощутила тот ужас, который привёл к роковому убийству. Тело прошиб холодный пот, и она почти физически почувствовала присутствие того мальчишки в комнате. Казалось, что кто-то сильно сдавил ей грудь, не давая возможности сделать вдох или выдох и с каждой секундой оставляя всё меньше кислорода и надежды на спасение. Лица медленно оглядела гостей и впервые поняла, насколько ей отвратительны эти люди, их фразы, лица и даже запах. Тлетворный мерзкий запах старого, нежилого, никогда не проветриваемого помещения. Почему-то сейчас этот запах проникал в нос, под одежду, отравляя сознание и заставляя видеть всё в другом свете. Лицо Аарона вдруг резко удлинилось, став больше похожим на вытянутую глупую

морду кота, за спиной Матвея выросли огромные тёмные кожистые крылья, а Агав стал похожим на огромного волка с окровавленной пастью. Мозг заполнился животными звуками и всепоглощающим запахом разложения. Тошнота поступила к самому горлу, рискуя в каждую секунду вырваться наружу. Голова закружилась, и Лица бессильно осела в кресле, теряя остатки сознания. Матвей тем временем продолжал:

– ... перевернувшийся автобус, жертвы – около сорока человек. Крушение поезда, крупные автокатастрофы, падение самолёта на город, пожары, взрывы, неудачное испытание биологического оружия, аварии на станциях. В целом по моим скромным подсчётам, пятьдесят тысяч погибших насильственной смертью. На каждом месте преступления присутствует один и тот же трудно уловимый след ауры, вернее, её полного отсутствия... – Матвей повернулся к аудитории, наблюдая за произведённым эффектом.

Проводники, кроме Давида и Аарона, выглядели озабоченными и обеспокоенными. Даже Ева, несмотря на привычку не интересоваться событиями, недовольно нахмурила брови.

– И на что ты намекаешь, дорогой друг? – развязно и хамовато поинтересовался Аарон.

– На то, о чём ты уже давно в курсе: мы имеем дело с палачом. Каждая душа даёт ему силы на убийство большего количества людей. Уже скоро он соберёт достаточно душ и энергии, чтобы уничтожить нас всех, а, может, и устроить

Конец Света.

– Нельзя быть сразу такими категоричными... – запротестовала Ева. – Вдруг тебе просто показалось. Ты сам сказал: совершенно разные убийства, разные способы и жертвы. Никак не связанные друг с другом...

– Они связаны только одним. Посмотрите на фото. – Матвей кинул на стол несколько толстых стопок фотографий. – В прошлых жизнях они убили от трёх до более человек, причём при весьма нелицеприятных обстоятельствах. За последние полгода насильственной смертью умерло пятьдесят тысяч экс-убийц, и ни в одном случае люди не могут найти виновных в трагедии. Их полиция, конечно, работает отвратительно, но не до такой степени.

Ева недовольно поморщилась, ей явно хотелось протестовать, но аргументов не находилось. Вместо неё заговорил молчавший до того Гавр:

– Почему это не могут быть проделки кого-то из нас?!

В комнате повисла мёртвая тишина. Гавр задал один из тех вопросов, которые всегда витали в воздухе, но озвучивать их публично было не принято. Кто-то из присутствующих вдруг заинтересовался обшарпанным покрытием пола, кто-то – деталями собственного гардероба. Недружественная прохлада дискуссии превратилась в лютый мороз. Отвечать никому не хотелось.

– Да, Гавр, очень ценное замечание! – продолжил Матвей. – Это была первая моя мысль. И столь долгая задерж-

ка перед сообщением вам этого факта вызвана моими бесконечными проверками вашей непричастности к этим событиям. Мне нужно было убедиться, что это не один из вас. Для этого я использовал Лику и для этого я встретился с ним сам. Эту встречу я запомню надолго. Могу поделиться с вами его аурой. – Матвей закрыл глаза и отправил собеседникам мысленный образ.

– Впечатляет... – поразились Ева.

– Спасибо за комментарий. Как видите, господа, ни мне, ни кому-то из вас не тягаться с этим приятным господином. Особенно прошу обратить внимание на эти скопления белых пятен... – Матвей создал в воздухе объёмную модель ауры, похожую на чёрное облако, затем расширил её, указывая на маленькие белые огонёчки. Проводники начали пристально вглядываться в них, пытаясь рассмотреть, что же там такого было. Ближе. Ещё чуть ближе. Начали проглядываться неясные очертания. Ещё чуть ближе. И тут стало очевидно, что это были не просто белые пятна. Постепенно в них проступили выступы и углубления, которые причудливым узором сложились в черты лица... Одного, другого, третьего и так до бесконечности. Это были лица детей и взрослых, старых и молодых, женщин и мужчин – всех тех, кого он смог забрать себе и с собой.

– Неожиданно! – отозвался Давид. – Но мы можем собрать отряд: человек двадцать-тридцать, мои бойцы, твои, парочку у Аарона можно прихватить – и всё, нет этого коллекци-

онера.

При этих словах Гавр красноречиво закатил глаза, а Агав подавился очередной тарталеткой.

– Ценю твой энтузиазм, но позволь усомниться. Если бы мы имели дело с взбесившимся проводником – я бы с тобой согласился, но палач – это нечто совсем другое.

– Но почему мы должны тебе верить?! Если это такая мощь, которую ты пытаешься здесь описать, то почему мы её не чувствуем? Такую энергию трудно скрыть... – недовольно отозвался Давид, который уже начинал злиться.

– Её трудно скрыть от более сильного противника, что только доказывает мой тезис. К тому же, с его приближением, поверьте, не остаётся никаких сомнений. Не хотел лезть в ваши разборки, но думаю про состояние Лаза никому не надо напоминать...

Давид сердито заёрзал на стуле. Невозмутимый Аарон незаметно подмигнул Лике, которая тут же отвела взгляд. Ей стало чуть легче, но она пока не могла избавиться от тошнотворного наваждения.

– Ладно, предположим, что ты прав. И мы даже тебе верим, – заговорил Аарон. – Но что ты тогда предлагаешь?

Матвей решил сделать паузу, у него в руке возник бокал с вином. Он сделал большой глоток и со вздохом продолжил:

– Я предлагаю его уничтожить, пока не стало слишком поздно. Мы можем сложить максимальные запасы энергии, отдать их одному человеку, чтобы тот мог убить палача. –

При этих словах Матвей опустил на стул, демонстрируя, что самые важные слова он уже произнёс.

– Ты сбрендил?! – побагровел Давид. – Ещё идиотские идеи будут?!

– Не глупее, чем твоё предложение не участвовать в той бойне на Ближнем востоке... – прокомментировал Аарон.

Матвей не спешил отвечать на выпад, ожидая продолжения. По опыту, он знал, что часто ситуации лучше дать накаляться самой без дополнительного вмешательства. Он сел, сложил пальцы домиком и приготовился ждать, отключившись от всего. Постепенно в зале поднялось недовольное гудение, говорившее о том, что проводники начали обсуждать предложение. Более равномерные звуковые волны шли со стороны Аарона и Агава, и сильные, зловещие со стороны Давида и Гавра.

«Улей зашевелился, заворочался и скоро начнёт пожирать сам себя...» – подумал Матвей и закрыл глаза. Он не слушал, что конкретно происходило, но чувствовал, что началась перебранка, что кто-то кричал, активно жестикулировал и настаивал, кто-то другой ему отвечал, и так по кругу. Псы сорвались. Справа от себя он чувствовал ужас, смешанный с отвращением, исходившие от Лики. Она впервые присутствовала на подобного рода мероприятиях и, судя по всему, была не в восторге. Матвей знал, что толпа должна выплеснуть энергию наружу, обнажить противоречия, вскрыть защиты, чтобы остаться безоружной и готовой принять его

условия.

– Надо признать, что никто из нас не доверяет остальным. Все в своё время постарались, – продолжал тем временем Аарон.

– Я не готов с кем-либо из вас вступить хоть в какой-либо союз или даже допустить возможность того, чтобы вам довериться. Но в данных обстоятельствах, как бы ни было это неприятно признавать, Матвей может оказаться прав. Вы знаете, что у меня убили двух подчинённых при достаточно загадочных обстоятельствах. А это были ребятки не робкого десятка. Я был на Марсовом поле и могу признать, что такой силы я не видел никогда. У ребят не было шансов...

– Ну и какого рожна ты от нас-то хочешь?!

– Предложение Матвея кажется мне разумным. Мы могли бы выбрать одного человека, которому дадим максимальный запас энергии, чтобы уничтожить палача.

Присутствующие за столом откровенно загоготали. Слова Аарона казались нелепицей.

– Ага, и им, конечно же, должен быть ты?! – с нескрываемым сарказмом уточнил Давид.

– Я мог бы им стать, если бы вы меня сильно попросили... – в той же манере продолжил Аарон. – Но, думаю, у вас всё-таки есть сомнения в моей кристальной честности. – Он стряхнул несколько пылинок с пиджака. – Мне кажется, что избранным мог бы стать кто-то другой.

– Всё! Хватит! Задолбали! – не выдержал Давид. Он резко

вскочил на ноги и громко ударил по столу массивным кулаком. – Я не за тем сюда пришёл, чтобы выслушивать жалкий бред! Какие, нахрен, палачи! Какие сборы таблеток! Хрен вам, а не таблетки! Я сегодня же найду этого палача и кишки из него выпущу! Ребята, за мной! – скомандовал он свите, поворачиваясь назад и багровея от ярости.

– Давид, останься! Ты должен выслушать их! Ты приведёшь наш Дом к краху! – Лика вздрогнула, узнав голос говорившего. Она посмотрела в глаза вскочившему Лазу. Он был на взводе, его кулаки тряслись, а лицо становилось бледнее с каждой секундой. Давид резко развернулся на каблуках, застыв от волны нахлынувшего гнева и отчаяния. В эту секунду он начал догадываться.

– Да как ты смеешь, щенок! – взорвался проводник, багровея от злости. Его аура мгновенно начала превращаться в защитную сферу.

– Давид, как твой слуга, живущий уже более ста лет, с честью охранявший Дом Льва и служивший тебе не одно десятилетие, я вызываю тебя на поединок за право занять твоё место.

Аудитория выдохнула. Вызовов на поединки не происходило уже более ста лет. Многие начали забывать о подобной возможности. И Давид казался одним из самых непобедимых соперников. Но вызов на дуэль автоматически лишал его права участвовать в Совете до завершения поединка, а значит, его голос больше не учитывался.

Давид ухмыльнулся, мгновенно расслабляясь, и прошипел:

– Да будет так, собака. Моё лицо будет последним, что ты увидишь в этой никчёмной жизни! – Проводник повернулся к столу, сощурил глаза и произнёс: – Ну что ж, имею честь. Теперь мне здесь не место. Так что удачно вам разобраться... – Он махнул рукой в знак прощания и быстро вышел за дверь. Лаз молча последовал за ним.

– Какие страсти! – с язвительной улыбкой прокомментировал Аарон.

– Заткнись, а? – отозвалась Ева, демонстрируя полное презрение. – Матвей, я правильно понимаю, что так будет с каждым, кто ослушается? – задала она прямой вопрос.

Матвей устало вздохнул, потирая переносицу.

– Ев, если ты не заметила, то не я откачивал Лаза последние месяцы. Все вопросы – к Аарону с Агавом. Да и Давид меня вполне устраивает.

– И всё же?

– Ев, ещё раз повторяю: мне насрать. Меня волнует палач и его убийства, поскольку я не хочу оказаться следующим в его списке. С остальным потом разберёмся. Давид сам допрыгался. Его гордыня его и сгубила.

– Хорошо, кого ты предлагаешь в качестве кандидата?

– У меня есть мальчик, которого я вызвал специально для этого. Он – чистая непорочная душа с прозрачной аурой. Последние несколько месяцев Лику его готовила. Он знает о

том, что может спасти мир, и по большому счёту даже немного гордится этим.

– Хрюшка на убой? – радостно загоготал Агав.

– Что-то вроде...

– Вы так или иначе уже сталкивались с ним. Вы видели, что он слишком чист и наивен для обмана. Я пожертвовал очень многим, чтобы он попал в наш мир. Именно такой. Никто другой не подходит. Мы не сможем доверить эту задачу никому из наших.

– А он справится? – проскрипел молчавший до того Филипп. Было видно, как при упоминании возможностей Лёши, в его тусклых зрачках загорелся зловещий огонёк.

– Кто знает. Но если не справится он, то не справится никто.

– Зачем тебе это всё? – вдруг спросила Ева. – На тебя не похожа столь яростная забота о мире.

– Я просто хочу жить, и я помню, чем закончился приход последнего палача... Как раз в результате него я и попал в этот мир.

Все замолчали, обдумывая варианты и перспективы. Каждый из проводников не хотел соглашаться на предложение Матвея, но альтернатив не было. Особенно теперь, когда один из несогласных был удалён самым грубым и примитивным образом.

– Так, может, проголосуем? – с энтузиазмом поинтересовался Аарон. – Кто за то, чтобы отдать таблетки Лёше и по-

пытаться с его помощью уничтожить палача? – Он первым вытянул руку высоко вверх. За ним медленно поднялась рука Матвея. Все взгляды обратились к Еве, та помедлила, что-то обдумывая:

– Да, ребятки, молодцы! Хорошо обложили, – и обречённо подняла руку.

– Ну что? Три на три! – улыбнулся Аарон. – Ничья.

– Нет, я тоже с вами! Чем чёрт не шутит! – отозвался Гавр, вытягивая массивную ладонь.

Глава 14

– У тебя сегодня большая премьера... – Лика осторожно подседа к Лёше, сидевшему на крыше сталинской пятиэтажки недалеко от Дома Матвея.

– Ага, или большой провал, – мрачно констатировал он.

Лика уже давно хотела спросить кое-что, но не находилось времени. Окончание Совета она помнила плохо, события смешались в одну серую массу, наполненную ненавистью, страхом и презрением к себе. Они бесконечно долго делили, решали, кто сколько может отдать, кто может пожертвовать, препирались, сомневались в правоте Матвея, убеждались и всё по новой. Каждый тянул одеяло на себя, бесконечно подставляя других. Затем они вытягивали из неё воспоминания о той встрече, проматывая каждую секунду раз за разом. После этого они образовали энергетический круг, пытаясь обнаружить палача и делили-делили-делили. Как Лика узнала позже, Лёша даже не присутствовал на этом Совете и не особо интересовался, что там происходило.

Она внимательно посмотрела на бывшего ученика. Он выглядел чересчур спокойным и невозмутимым. Лика не понимала, с чего произошла столь резкая перемена и к чему это может все привести.

– Как ты?

– Нормально. – Он даже не смотрел на неё, задумчиво на-

блюдая за торопливым потоком людей внизу.

– Не боишься? – прошептала она.

– Неа. Все ок. – Он по-детски потёр глаза и зевнул.

– Прости меня. Я перед тобой так и не извинилась нормально... Я узнала о планах Матвея достаточно давно, но не решалась сказать. Понимаешь? Я не могла ничего сделать. Правда не могла. Я пыталась сотню раз. Как-то заговорить! – Лица всё ускоряла и ускоряла темп речи, срываясь на истерику. – Не знала. О таком не говорят. Никто тебя не может заменить. Никто, правда. Никто не решится... Прости! – Её словно прорвало. Всё то, что копилось внутри кучу времени, готово было вырваться на свободу.

– Да, я понимаю... – сухо отозвался Лёша, не меняя позы.

– Ты злишься на меня?!

– Неа.

– Совсем?

– Совсем...

– Да что с тобой такое?! Какого чёрта? – разозлилась Лица. – Почему ты со мной поговорить даже не можешь?!

– Лик, я правда на тебя не злюсь. Не знаю, почему-то я уверен, что всё будет хорошо. Как-то ко мне пришло это чувство совсем недавно. Мне сон недавно приснился. Какой-то совсем необычный.... Сложно объяснить, так как будто было моё прошлое и будущее одновременно. И там была мама... Я её не помню, но она была очень красивая. Неважно, что сейчас происходит. Понимаешь? Важно, что будет потом...

– Он заглянул в глаза Лике, и ей стало совсем мерзко. Было в нём что-то детское, наивное и совершенно беспечное. Кажалось, что он находился где-то в ином мире и текущие события его мало интересовали.

– Лёшк, ну чего ты? – Она не выдержала, обняла его голову и прижала к себе. – Лёшк, ты такой хороший. За что же ты попал во всё это дерьмо?

– Не знаю. Наверное, судьба. Зато я бы с тобой не познакомился... Как думаешь, больно будет?

Лица попыталась проглотить ком, застрявший в горле, и, спрятав глаза, прошептала:

– Нет, не будет. У тебя получится. Помни всё, чему я тебя учила...

– Укрываться слева? – расплылся в улыбке Лёша.

– И сзади тоже...

Лица встала и медленно побрела к железной лестнице, ведущей вниз. Нужно было спуститься, внизу ждали проводники, приготовившиеся отдавать энергию. Они окружили здание кольцом, проводя в воздухе энергетические каналы к центру заброшенной многоэтажки. Нужно было как можно быстрее выйти из центра, чтобы ненароком не попасть под удар и не хватануть лишнего.

Она медленно ковыляла на ватных ногах, в голове роились сотни мыслей. Лица вспомнила их первое знакомство с Лёшей, время, проведённое вместе, то, как он трогательно сопел и постоянно жаловался на жизнь. Как она злилась

на него и ненавидела. Вообще, она очень мало кого ненавидела за последнее время, почти никого, и от этого становилось не по себе. Людей, к которым она испытывала хоть какие-то чувства, не осталось. Лика вспомнила ощущения, вызванные кровью Аарона. Эту гнетущую пустоту и равнодушие, пахнущие затхлостью и унынием. Неужели её ждёт то же самое? Всё то, что она ненавидела с такой силой, ждёт и её саму? Отвратительно. В памяти всплыли глаза умирающего Давида, который отчаянно цеплялся за ускользающую жизнь, хватая последние глотки воздуха. Животный страх, которым было наполнено его существо, и немой вопрос «за что?», обращённый к Лазу. За что он боролся и за что он умер? Есть ли хотя бы одна причина для их существования? Зачем они борются? Живут? Меняют жизнь людей? Ради чего? Кажется, ответы лежали за пределами этого мира, там, куда путь им всем закрыт...

– Матвей! – позвала она наставника.

– Да, Лик, я слушаю, – отозвался голос в голове.

– Мы когда-нибудь с ним увидимся?

– Кто знает, Лик, кто знает... – Проводник казался печальным.

– Умирать больно, наставник?

– Одиноко...

Лика помедлила, останавливаясь.

– Подожди, прикрой меня, я не успела сказать ему самое важное.

– Ли́ка, мы начинаем, у тебя тридцать секунд!

– Я успею! – Она бросилась назад, за секунду преодолевая лестницу.

Лёша медленно открыл глаза. Он лежал на спине в углу всё той же крыши заброшенной пятиэтажки, только теперь она вся почернела и покрылась пеплом, а в центре красовалась огромная зияющая дымящаяся дыра. Он прислушался к своим ощущениям: саднило щеку и была вывихнута левая рука, а ещё, кажется, он сильно ударился головой о железную решётку. Последнее, что он мог вспомнить, – это оглушительный крик Ли́ки, раздавшийся сзади, и сильный удар в плечо. Потом – тьма. Он осторожно поднялся на ноги, придерживая руку, подошёл к ограде и посмотрел вниз. Там никого не было, все растворились в воздухе. Лёша удивлённо нахмурился и захромал к выходу.

– Давай плечо вправлю! – Вдруг перед ним материализовался напряжённый небритый человек средних лет. Он выглядел помятым.

– Ты Миша? – Удивлённо уставился на пришельца Лёша.

– Да, как видишь. Не заморачивайся. Матвей просил тебе помочь, пока всё не уляжется. Руку дай! – Он кивнул в сторону повреждённого плеча.

– Хорошо, только осторожно. – Лёша протянул руку, заранее сжимая зубы. Раздался слабый щелчок, и рука встала на место. Лёша подвигал пальцами, проверяя всё ли в по-

рядке. – Что произошло? Я не чувствую, что что-то изменилось... – оглядывая себя со всех сторон, признался он.

– Ничего и не изменилось. В последний момент Лика тебя оттолкнула, и сама встала под поток. Она забрала всю энергию, а затем растворилась в воздухе. Все решили, что это был план Матвея. И он сейчас держит оборону со своими у себя в Доме. Не знаю, чем закончится.

– Сколько же я был в отключке! Вот чёрт! – схватился за голову Лёша. – А ты здесь что делаешь?

– А я за тобой пришёл. Матвей боится, что тебя сейчас могут поймать и убить. Но больше никого выделить он не может. Скажи честно, это был ваш план?

Лёша в ответ энергично затряс головой.

– Что ты? Нет, конечно. Лика со мной попрощалась и ушла.

Миша пристально смотрел на собеседника. Видимо, проверяя, говорит ли он правду. Его тяжёлый взгляд буквально пригвоздил Лёшу к поверхности крыши.

– Ты знаешь, где она? – наконец поинтересовался он.

– Нет. Не знаю. Она хотя бы жива?

– Должна быть. Но, кажется, идёт буря... – Миша пристально посмотрел на горизонт. – Не знаю, что она будет делать, но вряд ли это закончится чем-то хорошим. Матвей сможет долго продержаться, но без её помощи ему не выжить. Он много сил вложил, чтобы заполучить тебя. Да и неизвестно, решит ли Лика разбираться с палачом.

– Ты ей не веришь?

– Я никому не верю, особенно людям с безграничной властью.

– А она верит... – со вздохом отозвался Лёша.

– Тем хуже для неё. Тебя отвезти куда-нибудь? Не знаю, что будет твориться, но тебе лучше где-нибудь спрятаться, пока всё не уляжется.

– Отвези домой к Лике. Больше мне некуда идти.

– Не лучший выбор. Но ладно.

Они медленно спустились с крыши, отошли от дома, который теперь выглядел обугленным. Миша нашёл припаркованный автомобиль, они сели в него и тронулись с места.

Машина аккуратно выехала из дворика и покатила по питерским улицам. Лёша прислонился лбом к холодному стеклу и сидел молча. Думать ни о чём не хотелось, в голове и душе царило полное опустошение. Его мучило чувство, будто он, приговорённый к смерти, уже положил голову на плаху, но в последний момент палач промахнулся, и его отпустили. Но возвращаться было некуда и не за чем. Сидевший рядом водитель только добавлял мрачности общей картине.

Унылый серый пейзаж за окном также не радовал. Питер даже летом в дождливую погоду умеет быть особенно тусклым и мёртвым, но что-то было не так. Лёша пока не мог понять, что именно, но что-то его смущало. Он мучительно вглядывался в окно, рассматривая проплывавшие мимо дома, магазины, машины, но до него дошло далеко не сразу.

– Стоп, посмотри! На улице нет людей. Вообще нет! – заорал он, радуясь своей догадке.

– Как нет людей?

– Да посмотри ты!

Миша несколько раз оглянулся по сторонам и неожиданно для себя констатировал:

– Да, ты прав. Нет людей. Прости, я редко обращаю на них внимание.

И действительно: на улице стояли припаркованные авто, вывески горели яркими огнями, загорались и тухли светофоры, но по улицам никто не ехал, никто не сигналил. Казалось, что город мгновенно вымер, но при этом нигде не было следов аварий или каких-то происшествий. Только вдалеке где-то бродил одинокий сенбернар, волоча за собой поводок.

– Как ты думаешь, что случилось?

– Не знаю, но кажется, что-то нехорошее. Поехали в центр. Что-то мне не нравятся те сполохи... – Водитель показал пальцем на синеватые молнии, раздиравшие небо далеко на севере.

Глава 15

По мере того как они подъезжали к центру города, они видели всё больше разрушенных горящих зданий. Дымилась Петропавловская крепость, большая часть Петроградки была раскурочена до самого фундамента, местами попадались огромные ямы, словно оставшиеся от падения метеоритов. Валялись груды камней и плит. При этом на Биржевом мосту их настигла первая молния, ударив в метре от машины. Миша едва успел вывернуть руль и остановиться.

– Всё, дальше пешком! – скомандовал он, быстро выбираясь из машины. Лёша последовал распоряжению. Эпицентр событий, очевидно, находился на Дворцовой площади. Казалось, что стихии сошли с ума и объединились в безумном хороводе вокруг этого небольшого клочка земли. Площадь была окружена огромным ураганным столбом, который кружился, унося за собой автомобили и деревья. В центре полыхала огромная грозовая туча, отправлявшая в разные стороны гигантские синие молнии. Удары были такой мощи, что земля под ногами дрожала, жалобно вздыхая после каждой вспышки. Сверху потоками обрушился ливень, мгновенно промочивший их одежду до нитки.

Они вглядывались в пространство над площадью, но разглядеть было что-либо невозможно.

– Ты что-нибудь чувствуешь?! – заорал прямо на ухо Лё-

ша, пытаясь перекрычать шум стихии.

– Только сумасшедшую энергию, силу, нечто космическое! Но не знаю, кто там – пойдём ближе.

Они согнулись ещё ниже и, преодолевая бешеные порывы ветра, мелкими перебежками двинулись от одного укрытия к другому. Каждый метр давался огромным трудом. Местами приходилось карабкаться словно по отвесной скале. Оба уже были вынуждены использовать дополнительную энергию, чтобы хоть как-то держаться на ногах.

Когда они дошли до центра Дворцового моста, сильнейший порыв ветра сорвал шпиль Адмиралтейства и уронил его прямо в Неву. На землю посыпались груды осколков, которые тут же были подхвачены ветром.

Сделав отчаянный бросок, они смогли добежать до ближайшего здания и вжаться в него. Миша что-то прошептал, надёжно прикрепив их обоих к стене и выстроив огромные каменные преграды. Когда укрытие было установлено, они впервые смогли посмотреть вверх.

От привычного ансамбля Дворцовой площади почти ничего не осталось: Зимний дворец был срезан наполовину будто бы огромным ножом. Здание Генерального штаба разрушено до самого основания, а на месте Александрийского столба и привычной брусчатки зияла воронка. По бокам этой воронки друг напротив друга в воздухе зависли две фигуры: одна абсолютно чёрная и высокая, а другая поменьше с рыжими волосами.

– Это Лика! – заорал Лёша вне себя от радости.

– Лика-Лика! – отозвался Миша, стараясь настроить органы чувств, чтобы лучше видеть и слышать все происходящее.

– Ты можешь понять, что там происходит?

– Пытаюсь, отстань!

Он приложил максимум усилий и наконец смог что-то разобрать.

– Ты должен уйти. Ты забрал всех, кого должен был. Время этого мира ещё не пришло... – зазвучал голос Лики.

– Я могу забрать ещё очень многих! – раздался холодный голос палача.

– Они этого не заслужили.

– Почему же?

– Смерть – это просто наказание, оно не даёт ничего. Души сами должны понять. Иначе все не имеет смысла.

– Что же, по-твоему, имеет смысл?

– Смысл имеет сама жизнь.

– Жизнь – экзамен, который мало кто сдаёт. Тебе ли не знать?

– Я ошибалась, палач. И я плачу за свою ошибку.

– Вот и им нужно заплатить. Иначе они не изменятся. Это справедливо. – С этими словами палач отправил сильнейший энергетический заряд в Лику.

Она тут же выставила руку, перехватывая заряд и собирая его в плотный шарик, который аккуратно лёг на её ладонь,

постепенно угасая, пока не потух окончательно и не рассыпался горсткой пепла.

– Ты стала сильнее.

– Да, и многое поняла. Ты не сможешь меня убить.

Вместо ответа палач отправил целый столб огня в сторону Лики, но та выставила ладони, с которых тут же хлынул поток воды и поглотил огонь, оставив вместо него облако пара. Взмахом кисти он притянул пар к себе, закручивая его в воронку и создавая очередной ураганный вихрь. Огромный столб воздуха моментально взмыл к небесам, с лёгкостью поднимая и закручивая казавшиеся теперь невесомыми камни булыжника и куски ограды.

– Опомнись, палач! Ты не для этого был создан! – попросила ещё раз Лика, перекрикивая ветер. Ураган нещадно трепал её одежду и волосы. Глаза горели неестественным огненным блеском.

Палач пропустил её слова мимо ушей, движениями ладоней всё закручивая и закручивая смертельный воздушный поток. Усиливаясь, тот расширялся, увлекая за собой новые предметы: куски лепнины и скульптур с ближайших зданий, кустарники и куски дёрна и даже припаркованный недалеко мопед. Несмотря на творившийся вокруг хаос, палач выглядел невозмутимым. Они с Ликой представляли собой разительный контраст: животный ужас и абсолютное спокойствие.

– Он её убьёт! У неё не хватит сил! – ахнул Лёша, сжимая

кулаки. – Мы можем помочь ей?!

– Успокойся! – Миша схватил его за ворот футболки и притянул к себе. – Нас с тобой размажут! Не лезь, идиот! Она справится! Выбора нет! – проорал он прямо в ухо.

Тем временем, сотворив вихрь, палач отправил его в Лиду. Она мгновенно исчезла и появилась сбоку от угрозы. Затем она взмыла вверх, вдоль вращающейся воронки и, создав магический купол, начала собирать ураган внутрь. Воронка тут же просела и медленно исчезла в глубине купола.

– Я не проиграю, уходи! – крикнула Лика, создавая голубоватую сферу вокруг палача, та начала сжиматься, с каждой секундой становясь меньше. Палач сконцентрировался, пытаясь её разрушить, но ни огненные заряды, ни ветвистые молнии не помогли. Тогда он сотворил вокруг себя подобную же сферу, но гораздо более тугую, отливавшую свинцом и соединённую тонкими прожилками с его телом и неподвижно замер, тратя всю энергию на её подпитку. Когда две сферы встретились, голубая замедлила движение, а затем поблекла и полностью растворилась в воздухе, тогда как свинцовая начала расширяться.

Лика мгновенно атаковала раздувающуюся сферу, но та лишь поглощала энергию, усиливаясь и прочнее. В какой-то момент она даже начала отражать атаки, отправляя усиленные заряды в сторону Лики. Той пришлось блокировать удары, и они полетели вокруг, а один едва не задел Лёшу.

Увлечённая этим противостоянием, она не заметила, что

сзади вдруг начали подниматься две огромные чёрные лапы, которые росли и тянули к ней длинные когтистые пальцы. По мере их приближения к тонкой девичьей фигуре, зависшей между небом и землёй, атаки палача стали более яростными, и Лика с трудом успевала от них уворачиваться.

Взволнованный Лёша попытался настроиться на наставницу, чтобы предупредить, но она была слишком закрыта. Он что есть силы заорал:

– Лика, сзади!

Но было слишком поздно. Две огромные лапы сжали её и начали нещадно мять и комкать, ломая кости и нанося смертельные травмы. По приказу палача, ладони сдавили изломанное тело в последний раз и остановились, открывая ему прекрасный вид на окровавленное и исцарапанное лицо, обезображенное гримасой боли и ужаса. Палач приблизился к жертве, склонив голову на бок и внимательно её изучая. Он вслушивался в булькающий звук, исходивший из глубины горла, и жадно каждой клеточкой впитывал энергию боли и страха.

– Как ты не понимаешь: людям даётся огромное благо – жизнь. Им дали ресурсы, разум и даже свободу выбора, с которой вы ничего не можете сделать. Ни у кого нет больше такого подарка. Живи и радуйся, наслаждайся каждым днём. Но что они делают вместо этого? Убивают, грабят, насилуют и предают. И всё это зачем? Чтобы у соседа было хуже, чем у тебя. Когда они несчастливы сами, они стремятся сделать

окружающим ещё хуже, чтобы оправдать собственное существование. Сломать у другого проще, чем построить самому. И за это они и должны понести наказание...

– Во многом ты прав, палач... – прошептала она, делая попытку вырваться из цепкой хватки.

– Только во многом? – Он саркастично улыбнулся, дав знак ладоням сжаться сильнее. – Ты такая же, как они! – горько усмехнулся он. – Ты не ценишь то, что тебе дано. Ты убила маленького ребёнка, маленький комочек жизни, только зарождавшийся в тебе из-за жалости к себе и трусости. Ты предала ребёнка и себя! И вы все такие! – Палач посмотрел на город, простиравшийся под ногами. – Ничего личного, Лика, но они все... – Он широко раскинул руки. – Должны умереть. Миру нужно преобразиться. Он прогнил.

– Не тебе, палач, решать, прогнил этот мир или нет... Они должны решить это сами. – Лике было очень тяжело говорить, но она старалась изо всех сил. Во что бы то ни стало, ей нужно было собрать силы и говорить, говорить, говорить. – В отличие от них ты не знаешь, что такое отчаяние, боль и горе. То самое горе, которое пронизывает каждую клетку тела, заполняет изнутри, принимает твою форму, застывает и остаётся там навсегда. Ты смотришь в зеркало и видишь не себя, не свои нос, глаза и волосы, а видишь только его чёрные пустые глазницы и жуткую перекошенную гримасу. Ты никогда никого не терял и никогда никого не любил. Ты не знаешь, что это такое. И не тебе их судить. Ты имеешь право

забирать только тех, чья душа сама этого хочет. Остальные должны остаться здесь.

Вдруг чёрные руки, удерживавшие Лику, вспыхнули ярким огнём и вскоре опали белёсым пеплом. Лика с трудом поднялась и посмотрела прямо в глаза противника. Он тут же сотворил огромную змею, которая попыталась обвить Ликку беспощадными кольцами. Но примерно в метре от цели, она сжалась, уменьшилась и исчезла.

– Понимаешь: иногда беспомощность и отчаяние заставляют забыть о самом главном, о том, насколько человек любит близких, любит окружающих, любит этот мир, а главное – любит себя и свою жизнь. Эта самое первое и самое важное, что мы теряем, что у нас коварно забирают будни и обстоятельства. Затем мы теряем силы, веру, надежду и уже не возвращаемся никогда. И именно этой любви не хватает твоим жертвам. Где пропадает она, там появляешься ты. Но кто-то должен вернуть всё на место. Я не смогу убить тебя силой, ты и есть сила! – С каждой секундой Лика приближалась к палачу. – Я не смогу тебе объяснить, что такое человеческие чувства. Я не смогу заставить тебя уйти. Единственное, что я могу сделать, – это дать силы и веру тем, кого ты забрал, я могу научить их любить себя и других...

– Я не уйду! – покачал головой он, закрываясь очередным щитом.

– Они возьмут тебя с собой. – Их уже разделяло не более метра. – Прощай, палач! – Лика резко прыгнула, обхватила

его шею прижалась к нему и прошептала на ухо: – Я люблю... Я прощаю... – Палач остолбенел в смятении, но вдруг его щеку перерезала мокрая полоска и площадь озарил ослепительный свет.

Лёша с Мишей невольно зажмурились, спасая глаза от чрезмерного воздействия. Свет был настолько ярким, тёплым и плотным, что обволакивал будто, одеяло. На секунду они перестали понимать, где и почему они находятся.

Когда Лёша наконец проморгался и перед глазами перестали мелькать кислотные пятна, он неожиданно обнаружил, что стоит на крыше всё той же заброшенной пятиэтажки, вот только теперь внизу было множество людей. Кто-то спешил по своим делам, кучка студентов ждала автобус на остановке, а вдалеке целовалась парочка. Город жил привычной неторопливой жизнью, всё вернулось к обычному ритму. Лёша с удивлением посмотрел в сторону Дворцовой: не осталось и следа от недавних вихрей и молний. Небо было чистое и ясное. Рядом стоял такой же удивлённый и исцарапанный Миша.

– Ты как? Кх-кх-кх. – закашлялся Михаил, отплёвываясь от пыли.

– Нормально... Кажется... Не знаю...

Миша в свою очередь оглянулся.

– Что произошло? – осторожно поинтересовался Лёша.

– Не знаю. – Он развёл руками. – Не мне об этом знать.

– А Лика где?

– Я её не чувствую. Правда, я её и не чувствовал, так что... Но кажется, что мир спасён. Люди живы. Конец Света отменяется. – Он довольно оглядел окружающее пространство.

– А Лика как же? – обиженно спросил Лёша.

– Она знала, на что шла. Ей не впервой. Это наша судьба и мы все к ней должны быть готовы. Пойдём! Надо ещё посмотреть, что с Матвеем стало... – Миша с размаха ударил его по плечу, увлекая за собой.

Лёша с горечью оглянулся на площадку крыши, но там по-прежнему никого не было.

Глава 16 (Эпилог)

Лёша медленно вышел из подъезда, дождался хлопка двери, щёлкнул зажигалкой и с наслаждением закурил.

Он старался не курить в квартире из уважения к царившей там атмосфере, поэтому каждый выход на улицу был радостным событием. Впервые он взял в руки сигарету в вечер исчезновения Лики, когда вернулся в квартиру, всё ещё надеясь, но никого не обнаружил. Тогда он вышел, завернул в соседний продуктовый магазин, купил сигареты, бутылку виски и шоколадку. Виски он выпил всего несколько глотков и, сморщившись, закрутил пробку. Зато шоколадку съел всю сразу и с огромным наслаждением. Затем сел на грязную лавочку напротив окон квартиры, затянулся сигаретой, закашлявшись, и приготовился ждать. Почему-то ему было важно сидеть именно здесь и смотреть, не загорятся ли вдруг окна. Но окна в тот вечер так и не загорелись. Он прождал часа три и, поднявшись наверх, завалился спать.

Не загорались окна уже более четырёх месяцев. На самом деле Лёша перестал ждать, прекрасно осознавая, что, если бы она могла вернуться, то она бы уже это сделала. Но когда он заходил во двор, глаза непроизвольно скользили вверх, на всякий случай проверяя, не изменилось ли что-нибудь.

Лёша справедливо рассудил, что жить ему негде, да и на квартиру никто не претендовал, поэтому разрешил себе

жить в Ликиной, правда, предпочёл ничего особенно не менять и не переставлять в комнатах.

Оглядевшись вокруг, он медленно зашагал через двор, огибая спящих мальчишек, игравших в футбол, несмотря на ужасную погоду. Лёша поморщился от мелкой, едва заметной мороси, которая меж тем постепенно скапливалась и стекала тонкими струйками по куртке, теряясь в углублениях карманов и уничтожая спасительное тепло, в котором он по очереди грел ладони.

Лёша мог бы поехать на машине и даже уже получил права вместе с ускоренным курсом вождения, но предпочитал добираться до Матвея пешком. Он выбросил окурок, поднял воротник и, насупившись, поспешил по холодным улицам Питера. До назначенной встречи оставалось около получаса – надо было торопиться.

Лёша сильно изменился за прошедшие месяцы: щёки покрыла жёсткая щетина, руки и плечи сильно раздулись от упражнений, а походка стала медлительной и уверенной. Пожалуй, по-настоящему он оценил уроки Лики только после её гибели, когда пришлось решать проблемы самому. Матвея сильно потрепала стычка, произошедшая после того, как Лика заняла чужое место. Были убиты два десятка подчинённых, да и сам Матвей теперь с трудом вставал с места – его тело было разрезано уродливым шрамом – прощальный привет от Аарона, который послал магическое лезвие в закланного друга. Сращивание тела обратно отнимало у проводника

всю энергию. Он выглядел уставшим и печальным. В Доме осталось всего пять верных сторонников, которых он шутливо называл пятёркой Харламова, и теперь раздавал только самые элементарные задания. Зато начал хорошо за них платить, так что с работой теперь проблем не было. Однако приходилось часто сталкиваться с другими Домами, каждый из которых считал своим долгом поглумиться и поохотиться на Матвеевского неудачника. Эти стычки закалили Лёшу и сделали более подозрительным. Он усвоил многие из привычек бывшей наставницы, которые не раз спасали ему жизнь. Голод стал мучить меньше, иногда он даже не вспоминал о таблетках, зато и радужных мыслей стало меньше. Всё чаще начали приходиться тоска и одиночество.

Лёша вывернул во двор капеллы и невольно ускорил шаг. Он поступал так каждый раз при приближении к Дворцовой площади, хотя сотню раз зарекался. Когда ворота остались позади и взору открылась площадь, он задержал дыхание, но, естественно, Лики там не оказалось. Лёша огляделся, разочаровался и заспешил вперёд. Оставалось только пятнадцать минут. Нужно было торопиться, тем более что здесь часто появлялись сторонники других домов. Ходили слухи, что Аарон дал своим приказ не убивать, но приятно стычки с ними не заканчивались.

Расклад сил изменился. Теперь всем заправлял Аарон. Он поделил сферы влияния с Лазом, но тому пока приходилось тратить все силы на борьбу с несогласными и подавление

недовольства.

Лёша уже привычно проследил, что за ним не было слежки, и прыгнул в пространстве. Он возник на крыльце потёртого особняка и, помедлив, вошёл внутрь. В Доме больше было некому убираться, поэтому прихожая была завалена обломками стен и штукатуркой. Лёша поёжился, снял куртку, повесив её на торчавший гвоздь, и заспешил наверх.

Матвей не изменил любимой комнате, но теперь всё чаще сидел около камина, по-стариковски отогревая ноги у жаркого огня. Сейчас он выглядел гораздо старше, даже древнее. Плечи ссутулились, губы превратились в узкую прорезь, и вся фигура выглядела скрюченной и безжизненной.

– Добрый день, Матвей, – постучал по дверному косяку Лёша.

– Добрый вечер, Лёш. Как задание?

– Выполнил. Мальчик жив. Всё хорошо.

Матвей молча кивнул, протягивая ладони к очагу. Он никак не мог согреться.

– Возьми таблетки на столике. Там же следующее задание. Сделаешь – приходи...

– Да, конечно. Спасибо. – Лёша уже развернулся, чтобы уходить, но в последний момент остановился. – Так и не решился тебя спросить: ты знаешь что-нибудь о Лике? Она хотя бы жива?

– Не знаю. – Проводник тяжело выдохнул, уставившись в одну точку.

– Ну а палач? Он хотя бы мёртв?

– Убийства прекратились. Больше я ничего не могу сказать. Мне жаль.

– Хорошо. Спасибо. – Лёша взмахнул рукой в знак прощания и скрылся за дверью. Он постарался уйти как можно быстрее, чтобы не показать нахлынувшую печаль. Он множество раз представлял себе этот диалог, не решаясь задать сокровенный вопрос, но сейчас мысленно проклинал себя за то, что не подождал ещё какое-то время.

Матвей сидел, вслушиваясь в удаляющиеся громкие шаги, – последние живые звуки в давно омертвевшем доме, вздрагивая с каждым ударом. Пожалуй, он многое бы отдал за то, чтобы в доме раздавались голоса, смех, топот хозяев, гостей и всех подряд. Ему этого очень давно не хватало. Мало кто знал, что этот самый дом был выбран им не случайно. При жизни здание принадлежало Матвею и его большой и всегда шепутной семье. Ему было порой грустно думать, что они не только давно умерли, но уже прошли не один этап перерождения. Его жена теперь была поджарым футболистом и героем светской хроники, а любимица-дочурка боролась за права женщин где-то в Африке. От этого становилось тоскливо и одиноко. Он устало потёр переносицу и откинулся в кресле.

– Ты выглядишь уставшим, Матвей. Тебе пора отдохнуть.

– Давно собираюсь, но всё как-то дела-дела... Не до этого, понимаешь? – Его лицо с натугой расплылось в обычной

немного насмешливой улыбке. – Ты знаешь, я ведь даже скупчал.

– Я тоже, Матвей, я тоже... – Лика подошла сзади и обняла старческие плечи, даря блаженное тепло. Помедлив, она поцеловала поседевшую макушку. Она выглядела так же: та же куртка, майка и штаны, неизменный хвостик и выбившиеся пряди, вот только её лицо... В нём появилось какое-то неземное спокойствие. Глаза озарились мягким согревающим светом, а на губах блуждала подбадривающая улыбка.

– Почему ты не ушла, глупышка? – прошептал проводник, греясь и набираясь от неё сил. – Ты же могла вернуться обратно к людям и прожить ещё сотню жизней. Или вообще покончить со всем и уйти наверх, туда, откуда мы пришли и куда мы все стремимся.

Лика задумалась, крепче обнимая бывшего наставника.

– Не могла, Матвей. Хотела, но не смогла. Как я на вас людей оставлю? – засмеялась она. – Вам уход за кроликами доверить нельзя, не то, что за людьми.

Матвей глубоко вздохнул:

– Прости меня, малышка. – Он потёрся щекой о ещё ладонь. – Я знаю, что плохо всё получилось. Но я же должен был знать. Я должен был проверить, есть ли для нас хоть какой-нибудь выход.

– Я понимаю, Матвей, – спокойно отозвалась она, поглаживая его голову. Но он продолжал:

– Я знаю, я поступил жестоко. Я мог бы уничтожить пала-

ча гораздо раньше, после первых убийств, когда и нужно было это сделать. Да и вызывать Лёшу было жестоко. Втягивать в это во всё, ставить перед выбором его, а потом и тебя – ещё более жестоко... – Он закрыл глаза ладонью и покачал головой. – Но я не мог по-другому. Мне нужен, если не выход, то хотя бы надежда на выход. Хоть какой-то свет, хоть искорка. Только ты могла справиться со всем. В тебе осталось что-то светлое и доброе. Другие бы провалились. Понимаешь? – Матей оглянулся и посмотрел на собеседницу. Его глаза были полны отчаяния.

– Я понимаю, Матвей. Правда, понимаю... – так же спокойно отозвалась Лика и улыбнулась чуть шире. – Всё хорошо. Если так случилось, то так и должно было быть. Я люблю тебя, Матвей. Не волнуйся. Ты очень многое для меня сделал.

Проводник медленно кивнул, словно что-то понимая.

– Что с нами будет? Что будет с Лёшей? Ты его заберёшь? Лика на секунду задумалась:

– С вами всё будет хорошо. А Лёшу? – Нет, не заберу. Ему надо прожить свою жизнь. Я отняла её когда-то. Но дала теперь вновь. Ему надо её прожить, тогда он сможет пойти дальше... к людям. Просто пока я не могу ему об этом сказать. Но он поймёт это сам, просто чуть позже. Он у меня молодец... – Лика улыбнулась, смотря вдаль.

– Да, наверное, ты права. Тебе лучше знать... – Матвей помедлил. – А я когда-нибудь смогу попасть обратно к лю-

дям?

– Конечно. Просто время пока не пришло... – Она осторожно щёлкнула его по кончику носа.

– А когда оно придёт?

– Когда ты ему разрешишь...

Матвей чуть смутился, склонил голову в задумчивости, а когда поднял, Лики уже не было в комнате. Он растерянно оглянулся, но она бесследно исчезла.

Вечером, когда Лёша вернулся домой, открыл дверь, бросил ключи на тумбочку и прошёл на кухню, чтобы запихнуть продукты в холодильник, на столе он обнаружил тонкий листок бумаги, на котором знакомым убористым почерком было написано:

«Лёшка, ты всё сможешь. Будь собой, ведь ты у меня самый лучший. Я очень тебя люблю. Я буду тебя ждать...

Мама».

Для оформления обложки использована фотография «Плащ совести». Автор: Замотина И.А